

СЕРИЯ ПЕРВАЯ. СЕРИЯ ВТОРАЯ. СЕРИЯ ТРЕТЬЯ.

PYCAK

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Русак - прот. Александр Торик

Торик Александр, протоиерей

Тем, для кого слова «есть такая профессия — Родину защищать» — не пустой звук, посвящается.

Автор выражает искреннюю и глубокую благодарность спецназовцам: Владиславу, Борису, Александру, Роману и всем форумчанам сайта «СПЕЦНАЗ. ОРГ» за помощь в написании и редактировании этой книги.

- [ГЛАВА 1. КОМАНДИР СЕРЁГА](#)
- [ГЛАВА 2. «ВОВАН» МИХА](#)
- [ГЛАВА 3. КУКАРАЧА](#)
- [ГЛАВА 4. ГОСТЬЯ](#)
- [ГЛАВА 5. ГОСТЬЯ. ПРОДОЛЖЕНИЕ](#)
- [ГЛАВА 6. МРАЗИ](#)
- [ГЛАВА 7. МРАЗИ. ПРОДОЛЖЕНИЕ](#)
- [ГЛАВА 8. МРАЗИ. ПРОДОЛЖЕНИЕ. КУКАРАЧА](#)
- [ГЛАВА 9. БОГ](#)
- [ГЛАВА 10. ДЖАБРАИЛ](#)
- [ГЛАВА 11. ЯБЛОКИ](#)
- [ГЛАВА 12. ШНУРОК](#)
- [ГЛАВА 13. ШОПИНГ](#)
- [ГЛАВА 14. ПРИГОВОР](#)
- [ГЛАВА 15. БЕГСТВО](#)
- [ГЛАВА 16. ХРАМ](#)
- [ГЛАВА 17. БАБУШКА ПОЛЯ](#)
- [ГЛАВА 18. ПЕРЕВОД](#)
- [ГЛАВА 19. ОТЕЦ ВИТАЛИЙ](#)
- [ГЛАВА 20. ПОГОСТИЩЕ](#)
- [ГЛАВА 21. ПОГОСТИЩЕ, ПРОДОЛЖЕНИЕ](#)
- [ГЛАВА 22. ЛЮБОВЬ](#)
- [ГЛАВА 23. ИГУМЕН ИЗ ПОКРОВСКОГО](#)
- [ГЛАВА 24. КОЛОНТАЕВО](#)
- [ГЛАВА 25. КОЛОНТАЕВО. ПРОДОЛЖЕНИЕ](#)
- [ГЛАВА 26. КОЛОНТАЕВО. ПРОДОЛЖЕНИЕ](#)
- [ГЛАВА 27. КОЛОНТАЕВО. ОКОНЧАНИЕ](#)
- [ГЛАВА 28. ВМЕСТО ЭПИЛОГА](#)

Википедия.

«Заяц в культуре.

Образ зайца является весьма неоднозначным. С одной стороны, он связан со смертью: в сказках хранит смерть Кощея, приметы советуют уклоняться от встречи с ним (см., например, роман в стихах «Евгений Онегин» и легенду о встрече с зайцем А. С. Пушкина). С другой стороны, заяц встречается в свадебных песнях как метафора плодовитости и супружеской любви. В некоторых сказках заяц выступает как образец слабости или трусости. Противником

зайца выступает волк. Однако заяц не является безобидным животным. Сильные задние лапы и длинные когти позволяют наносить длинные и глубокие рваные раны».

ГЛАВА 1. КОМАНДИР СЕРЁГА

— Алла-уа акбар!

-Тах! Тах! Тах! Та-тах! Та-тах! Та-та-тах! — сухие щелчки «калашей» сыпались со всех сторон. — Дух! Дух!, — это уже отметилась Витюхина «эсвэдэшка», — Дух!

И снова со всех сторон: «Тах! Та-та-тах! Та-та-та-тах! Алла-уа акбар! Та-та-тах! Та-та-тах! Алла-уа акбар! Та-та-та-тах!»

— Командир! Командир! Слушай! — глядя на Сергея мутнеющими глазами, прошептал раненый в низ живота Кирюша Синельников. — А чо они кричат «Алла-уа»? Ихний же бог «Аллах» называется? А, командир?

— Хрен поймёт, молчи, Кира, силы береги, — вкалывая раненому последний «прилив» промедола, отвечал Сергей. — Жека! Равиль! Сюда быстро! Берите Киру и отползайте по ручью, мы с Кукарачей прикроем!

— Есть, командир! — подползшие разведчики подхватили раненого с двух сторон на плащ-палатку и, шурша палой листвой, поволокли его вниз по склону бугра.

— Не, Равиль! Вот ты скажи мне, ты же татарин, мусульманин, ты должен знать, — продолжал еле внятно бормотать влекомый товарищами Кирюша, — ну чо они горланят вместо «Аллах» какое-то «Алла-уа»?

— Тише, Кира, не говори, тебе нельзя, — переводя дыхание, отвечал Равиль. — Их бог не Аллах, их бог — деньги, баксы их бог! Они не мусульмане — они шакалы!

— Ша-ка-лы... — затихая, повторил за ним Кирилл. Голова его опрокинулась и бессильно свернулась набок.

— Умер? — спросил у Равиля Женька-Тамбов.

— Нет! Пульс есть! Тащим! — пощупав шейную артерию раненого, ответил Равиль. — Давай осторожней с головой его!

— Дух! Дух! — Я кукарач-ча, я кукарач-ча... На, сука! — Дух! — Вот так, привет от спецуры! Я кукарач-ча, я кука... — Дух! — Мимо, бл... — Дух! — Вот так лучше, отдохни, зверёк! Я кукарач-ча... — Витюха быстро сменил магазин на своей СВД.

— Так, Витя! — плюхаясь рядом со снайпером за пенёк, скомандовал Сергей. — Отползай за ребятами, я прикрою!

— Не, командир! Я понимаю — подчинение приказу и всё такое, но лучше ты отходи, я их на этом козырьке дольше продержу своей «эсвэдэхой», чем ты — «калашом», вон смотри — наковырял с тропы нескольких зверьков, остальные в камнях лежат и наугад шарашат! Сам видишь — позиция классная, патронов ещё до хрена, да и бегаю я лучше вас всех! Реально, командир, так по уму будет — отходи ты! О! Бл...! Вылез, зверина, на! — Дух! — Во, видишь, Серёга, прости — командир, ты бы его так достал?

— Хорошо! Как увидишь ракету — сразу ходу вниз по ручью и через овраг к белым камням около поляны, туда «бэха» за нами придёт!

— Есть, командир! Только «эфку» мне свою оставь, на всякий случай, я свои уже все покидал...

— На! — Сергей сунул Кукараче свою последнюю, приберегаемую для самоподрыва гранату «Ф-1». — Держись, Витюха!

— О'кей, командир! Давай, Серёжа, ползи... О! Зоопарк зашевелился, бл...! — Дух! — Натё, гниды! — Дух! — Я кукарач-ча, я кукарач-ча...

Сергей, очнувшись, встряхнул головой — опять тот же сон! И почему из всех боёв, пройдя через которые ему довелось всё-таки выжить, всё время снится именно этот?

Наверное, всё-таки лучше не спать днём, даже после почти бессонной, из-за боли в спине, ночи!

Сергей прислушался. По-прежнему моросило. Лёгкие капли мелкого дождика убаюкивающе постукивали по верхнему непромокаемому тенту палатки. Нелли тихо посапывала во сне, изредка прядая ушами.

— Однако! — подумал Сергей. — Похоже, этот дождь, как минимум, до завтра! Рыба, скорее всего, клевать уже не будет...

А и ладно! — он потянулся, высунув наружу из спальника мускулистые руки в тельняшечных рукавах. — Не будет так не будет! Поедим тушёнки с хлебушком! Всё равно — жизнь удалась! Если бы ещё не эта хрень в позвоночнике...

В позвоночнике у Серёги, отставного капитана, разведчика спецназа ГРУ, получившего уже в госпитале на койке вместе с орденом Мужества внеочередное звание майора «за отвагу и мужество, проявленные в боях с незаконными вооружёнными формированиями в Чеченской Республике», сидел маленький зазубристый осколочек от гранаты. Сидел он нехорошо — подвижно, периодически вызывая онемение, вплоть до паралича, левой нижней конечности — то есть его, Серёгиной, ноги.

Удалить его из «места проживания» было, по словам медиков, почти невозможно, так как была почти стопроцентная вероятность во время операции повредить какой-то нерв или что-то там ещё, название чего Сергей не запомнил. А тогда гарантирован паралич обеих ног, жизнь в инвалидной коляске с «уткой» и прочими атрибутами инвалидского «счастья», о чём разведчику-спецназовцу даже подумать было страшнее, чем о перспективе остаться с одним ножом против группы вооруженной «басмоты».

— Со временем осколок сам может изменить своё положение в тканях и сделать ситуацию операбельной, — сообщил Серёге хирург, вытащивший из его тела восемнадцать других осколков. — Нужно только регулярно делать рентгеновское обследование и мониторить динамику его нахождения в тканях. Тогда вы забудете об этой проблеме навсегда!

— Так, док, скажите, — переспросил хирурга Сергей, — а может он навсегда остаться в таком положении, как сейчас, или изменить своё положение так, что меня окончательно парализует?

— Может! — ответил хирург. — Но это уже зависит не от медицины, а только от Господа Бога, если Он есть!

— Ну да! — Сергей скривился от внезапного приступа боли в пояснице. — Если бы Он был, всего этого дерьма уж точно бы не было...

— Возможно, возможно, — отозвался врач, выходя из палаты.

Пришедшие его проведать ребята из роты: Равиль, Витя-Кукарача, Жека-радист и Игорь-Малышок — долго галдели по поводу лежавших на Серёгиной тумбочке погон с майорской звёздочкой и новенького, блестящего свежим серебром креста ордена Мужества.

— Ну, пра-здра-вляю, командир, «Мужика» получил! — Витюха взял в руки раскрытую коробочку с лежащим в ней орденом Мужества. — Сейчас всякой «бижутерии» кому только не вешают за бабло, но ты реально заработал свой орден, командир, без балды — заработал! Давай граблю, майор, братишка!

Пятерня Кукарачи словно железом сжала мускулистую ладонь Сергея.

Серёга лёжа слушал радостный гвалт разведчиков, как сквозь туман, улыбался, принимая искреннее выражение их братской, грубоватой мужской любви, что-то пытался пошутить в ответ, но в то же время его чуть притомлённый обезболивающими мозг ни на минуту не переставал сигналить в сердце: «Они прощаются с тобой! Ты теперь вне игры! Прощай, служба!»

И сердце медленно обхватывала своим колючими ледяными пальцами тоска.

Однако после выписки с комиссацией в отставку и возвращения в Москву, навалившиеся дела несколько выбили Сергея из неотступной борьбы с искушением саможаления и регулярно подползавшей депрессухи.

Во-первых, он мог, хоть и в корсете, но всё же нормально ходить своими ногами, водить машину, подложив специальный валик под спину на водительском сиденье, жить уже практически без обезболивающих и спать как на спине, так и на любом боку, что прежде исключалось. Кстати — уже то, что он остался жив после взрыва в метре от него гранаты — честно говоря, равнялось чуду. И жить ему, несмотря на все потери, всё равно нравилось!

Во-вторых, боевому офицеру пришлось вступить на поле боя, абсолютно неизвестное ему доселе, — чиновничье-бюрократическое, где он сразу почувствовал себя реальным «салагой» перед огромной алчно-бездушной громадиной гос-аппарата. Сергею пришлось по завещанию вступить в наследство умершей полгода назад любимой крёстной-тётушки Лили, у которой, кроме него, наследников больше не было.

А наследство было нехилое — двухкомнатная квартира с высоченными потолками в предреволюционном доме на Остоженке и дача в Переделкино, стоящая между дачами известного в советское время писателя и написавшего на него в сорок девятом году донос чуть менее известного поэта. Всякая мелочёвка вроде мебели, посуды и двух роялей, уже как бы и не считалась чем-то стоящим внимания.

Пришлось нанять риэлтора — очаровательную тридцатилетнюю Мариам, которая за нереальный по сравнению с армейскими зарплатами гонорар, взялась пройти все круги чиновничьего ада, что и сделала за пару месяцев с успехом, превзошедшим всякие ожидания. Гонорар Серёга заплатил, взяв займы у бывшего одноклассника Вазгена, державшего три контейнера на продуктовом оптовом рынке, под залог квартиры, в которой сам Серёга родился и прожил всю жизнь до училища. Эта квартира досталась ему после смерти родителей и в ней он, собственно, и жил по возвращении из госпиталя в подмосковной Купавне.

— Вы теперь завидный жених! — томно взмахнула ресницами Мариам, вручая Серёге папку с документами из регистрационной палаты, свидетельствующими, что он стал полноправным собственником тётушкиной недвижимости.

— Ага! Я буду привыкать к этой роли, — отшутился в ответ Серёга, вручая Мариам остаток гонорара в толстом конверте, — возможно, когда-нибудь это принесёт мне счастье!

Но пока квартира на Остоженке вместо счастья принесла Серёге стабильный доход в виде арендной платы от поселившегося в ней родственника Вазгена, державшего пять контейнеров на одном из строительных рынков. Арендная плата позволяла Серёге спокойно рассчитываться в рассрочку со всеми долгами, причём остававшейся ежемесячно от долговых взносов суммы ему хватало на вполне безбедное существование.

Но вскоре Сергею захотелось и совсем оставить пыль и шум первопрестольной, переменяв его на переделкинский дачный покой и тень ветвей окружавших складенький тётушкин домик деревьев. Построивший его тётушкин муж (Серёга так и не успел привыкнуть называть его «дядей») был каким-то ответственным работником Главлита, имел хорошие доходы, и домик вышел ладным, кирпичным и комфортным.

Сергей сдал родительскую квартиру ещё одному родственнику Вазгена, заняв у последнего под будущую арендную плату сумму достаточную, чтобы купить свою заветную мечту: «Паджеро Спорт» — одного из последних реальных «проходимцев» во всё более прилипающем к асфальту мире джипов. Ещё хватило на отличную канадскую палатку, всякую рыболовную «приблуду» и небольшой, но в высшей степени плоский японский телевизор с видеаком! Типа — жизнь удалась! Почти...

«Завидный жених» был в прошлом незавидным мужем. Польстившаяся на «рэмбовский» антураж разведчика спецназа кареглазая девушка Галина вышла за него замуж и отдала три года своей молодости почти не бывавшему дома «лейтехе». Однако по истечении сего срока она вдруг ощутила себя «рыбой», которая сильно хочет «где лучше» вместо регулярной стирки и чинки загаживаемого на учениях и в командировках камуфляжа за те гроши, что постсоветская власть, ни капли не стыдясь, велела считать офицерской зарплатой.

Разговор вышел коротким.

— У тебя «есть такая профессия — Родину защищать», а у меня есть такая потребность — иметь нормальную семью, рожать детей и не растить их в нищете! Вот ты и защищай свою Родину, а я найду себе нормального мужика, собственно, уже нашла. Не обижайся, романтика пролетела, а настоящая жизнь — она другая. Я уже подала на развод, в суд можешь не приходиться — разведут и так!

— Ладно! — ещё не успевший охватить всю глобальность происходящего в его жизни события, кивнул Серёга. — Не приду!

На следующий день он написал рапорт на войну в Чечне.

Шло время, острота переживания разлуки спала. Но больше как-то Серёге жениться уже не хотелось, женского пола он избегал и, не боясь, лез в такие передраги, в которых без «рождения в рубашке» выжить не было просто никакой возможности. Но он выжил.

Да! Роста он был среднего, глаза почти чисто-серые, а волосы русые, за которые ему, очевидно, и дали в части прозвище — Русак. А может, за фамилию — Русаков, или за то, что — русский...

ГЛАВА 2. «ВОВАН» МИХА

Кажется, дождик стал сильнее!

Сергей выполз из большого — почти двухместного — спальника, ловко внырнул в штаны от армейской «горки», автоматическим движением затянул широкий офицерский пояс. Привычка к камуфляжу, тельняшкам, хабэшкам, не дорогим, но прочным и удобным кроссовкам «Эксис» московского пошива, весьма популярным у спецназовцев-разведчиков его части, въелась в него неистребимо, словно вкус пороха в носоглотке после нескольких дней боёв подряд.

По необходимости Серёга мог надеть и какую-нибудь приличную «гражданку», но чувствовал себя совершенно комфортно лишь в «родном» армейском облачении, в котором он провёл почти безвылазно треть жизни.

Нелли подняла уши, открыла умные тёмные глаза и, не поднимая большой тяжёлой головы, оценивающе посмотрела на Сергея. Всё было вроде бы в порядке, и старая овчарка вновь опустила уши и, закрыв глаза, уснула чутким сном «профессиональной» сторожевой собаки. Ей было уже почти четырнадцать лет.

Нелли досталась ему из милицейского питомника. Знакомый по войне сержант-кинолог предложил забрать собаку после «списания в отставку», хваля её рабочие достоинства и дружелюбный характер.

— Тебе для дачи лучше сторожа и не надо! Для работы у нас она уже «устала», а для семьи и для дачи ещё послужит! Будет тебе и сторож, и друг получше многих людей!

И сторожем и другом Нелли оказалась прекрасным. Другом, в общем-то, и единственным. Потому что несколько хороших боевых друзей остались на войне, а на гражданке новых не возникло. Лишь иногда перезванивались с подавшимся после войны в «ментуру» «вовиком» Михой.

«Вовиками» или «вованами» называли на чеченской войне военнослужащих внутренних войск — аббревиатура «ВВ» — отсюда и «вовики». Воевали они по-разному, поэтому и отношение к ним было у спецурсы неоднозначное. Хотя в ту странную войну многие проявляли себя непредсказуемо...

С Михой — старшим лейтенантом внутренних войск Михаилом Шлычковым, Сергей познакомился в бою. Собственно, это был уже даже и не бой, а хладнокровный, как в тире, расстрел оставшихся в живых после подрыва фугасом ехавшего по горной дороге вдоль мелкой речушки Камаза со взводом усталых после «зачистки» аула, недавно прибывших в часть из «учебки» «вованов».

Подрыв был осуществлён настолько удачно, что сброшенная взрывом с дороги раскуроченная машина ещё и придавила нескольких оставшихся в живых солдатиков, оглушённых, перемазанных грязью и кровью собственных товарищей.

Только трое из них, возглавляемые раненым в правое бедро старлеем Михой, оказались способны, кое-как спрятавшись за останками автомобиля, редко и обалдело отстреливаться от находящихся прямо над ними на хорошо защищённой камнями позиции, опьянённых начальным успехом операции и весело горлающих своё «Аллаху Акбар» боевиков.

Участь «вовиков» была очевидна, и «басмота» не спеша получала удовольствие, неторопливо и

прицельно отстреливая оставшихся в живых «федералов».

— Русский, сдавайся! Мы тебя харашо зарежим, небольшая! — с хохотом кричал из-за камня руководивший группой, состоящей из полутора десятка хорошо вооружённых бандитов, молодой, в дорогом фирменном камуфляже, чеченец. — Быстра умрёшь! Маме твоей уши пашлём пахаранить — будит на магилка твои уши хадить!

— Сдохни, сука! — пытаюсь прицелиться сквозь обломки грузовика в невидимого врага, проскрежетал зубами Миха, нажимая на спуск скользкого от непонятно чьей крови «калаша».

— Эй! Кафир! Не нада стрелять, — издевались сверху, — патроны пабириги, нам пригадятся твоих друзей стрелять!

Вот в таком положении и застала вышеописанную ситуацию вынырнувшая из чащи на горе выше позиции боевиков, возвращавшаяся с важной информацией из разведывода группа спецурсы, возглавляемая капитаном Серёгой.

— Командир! наших добивают! — быстрее всех сориентировавшийся в обстановке шепнул Сергею Кукарача. — Давай разом по-быренькому сволоту накроем, сверху как вшей передадим!

— Нельзя! Приказ — отходить абсолютно скрытно, в бой не вступать ни при каких обстоятельствах! Слишком важную инфу несём!

— Командир! Да эту инфу наша штабная мерзота тем же «чехам» за бабло и сольёт! — Кукарача глядел в глаза Сергею неотрывным, наполненным болью взглядом. — А тут ребята ещё живые есть! Как мы потом друг другу в глаза смотреть будем, а?

— Так! Валентин! — полусшёпотом скомандовал Серёга. — Мы с Кукарачей остаёмся, ты командуешь отходом группы. Если не догоним, доложишь, что я приказал разделиться и пошёл другой тропой, больше ничего не знаешь, понял?

— Есть, командир! Может, я с вами...

— Отставить базар, Валя! Выполняй приказ! — Серёга повернулся к Кукараче. — Гранат у ребят возьми, по парочке от каждого...

— О'кей, Серёжа! — радостно взбодрился Витюха. — Облегчай багаж, мужики, не жлобись «фруктов» для братьев наших меньших! Ну, счастливо дохромать до хаты, топтуны!...

Группа тихо скользнула дальше по тропе, выполняя полученный приказ.

Сергей выждал ещё несколько минут, с болью прислушиваясь к доносящимся снизу выстрелам и крикам умирающих.

— Давай, Витя! Поехали разом! — и на головы боевиков посыпались гранаты.

Неожиданность нападения и профессионализм нападающих однозначно решили исход атаки. Так и не успев понять происходящего, боевики, оглушённые взрывами, словно с неба прилетевших «эфок» с «эргэдэшками», даже не успели оказать хоть сколько-нибудь ощутимое сопротивление.

Те из них, кого не поубивало взрывами и не посеколо осколками, были в мгновение ока перестреляны из двух «калашей» короткими очередями спрыгнувшими со скрывавшей их

доселе скалы разведчиками. Весь бой продолжался две минуты.

— Эй! Мужики! — крикнул Кукарача вниз не успевшим как следует врубиться в совершавшееся вверху над ними, оставшимся в живых «вовикам». — Живой кто остался?

— Ты кто? — оторопело отозвался Миха, не выпуская из рук автомата.

— Санта Клаус в кожаном пальто, блин! — отозвался Витюха, сбегая вприпрыжку вниз между камней. — Вам, мужики, сегодня охрененно повезло!

— Не им! — мотнул головой в сторону убитых подчинённых поднявшийся из-за останков Камаза Миха. — «Салаги» все, с первой операции возвращались...

— Жаль пацанов! — согласно кивнул Кукарача. — Война, сука...

Через двадцать минут на дороге показалась колонна из трёх «федеральных» грузовиков и двух БТР-ов — в начале и конце колонны.

Серёга последний раз взглянул на вытащенных из-под обломков машины четверых оставшихся в живых солдатиков и тела их погибших товарищей.

— Нам пора, старлей!

— Я ваш должник, мужики! — пожимая руки Сергею и Витюхе, сказал Миха.

— На сдачу купи себе пончик, — отшутился Кукарача. — В Раю сочтёмся!

— На вот! — Миха быстро начиркал на клочке картона от сигаретной пачки номер мобильного. — Сергей, держи, ну, всякое бывает — звони!

— Ладно! Всякое так всякое, — отозвался Серёга, засовывая картонку с номером в карман на рукаве куртки. — Главное, врубись, старлей: нас тут не было, и ты здесь никакой спецуры не видел! Помогли тебе вот они, — Сергей кивнул в сторону БТР-ов, — хорошо?

— Хорошо, ребята...

— Всё о'кей, дружбан! — хлопнул по плечу старлея Кукарача. — Тебя как зовут?

— Миха... — начал отвечать Михаил.

— Чао, Миха! Будь хэппи! — голос Кукарачи донёсся уже из зарослей кустов.

Разведчики растворились в «зелёнке».

Серёга так и не позвонил Михе — кусочек картона с написанным на нём телефонным номером пропал вместе с курткой, когда её, разломаченную в клочья осколками гранаты, поразившими спину Серёги, по кускам срезали с его окровавленного торса. Никто не стал шариться по карманам перемазанного кровью и грязью тряпья, да ещё под обстрелом.

Миха сам нашёл Сергея уже в госпитале в подмосковной Купавне. «Вован» ввалился к нему в палату, крупный, румяный, пахнувший приличным одеколоном, чисто выбритый — полная противоположность бледному, истощавшему, полупарализованному Серёге.

— Здорово, майор! — подсел Миха к Сергею на край кровати.

— Знаешь уже... — посилился улыбнуться Сергей.

— Знаю, братишка, всё знаю, — взял Серёгину руку в свою железную пятерню «вовик», — и про бой, в котором тебя ранило, и про засаду, и про то, что вас чехам «слил» за «бабло» подполковник Мурзаев, и про то, что твой Витя его чуть не порвал прямо в штабе, и про то, что потом они оба внезапно пропали, и про то, что Мурзаева через день нашли с почти полностью отрезанной головой и набитым долларами ртом, и что Виктор так с тех пор и исчез, и про то, что всё это случилось сразу после твоей отправки в Купавну. В общем, много я чего теперь знаю, братишка, чего лучше бы и знать не хотел...

— Блин! Витюха! Кукарача! Что с ним теперь? — взволнованно приподнялся на кровати Сергей. — Какой мужик был надёжный, какой разведчик классный, какой обалденный снайпер! Как ему жить-то теперь?! Он же рождён для армии, он же вояка всеми фибрами души!

— Боюсь, Серёжа, ему теперь одна дорога, в криминал, — потемнев, вздохнул Миха, — там такие спецы тоже в большой цене, особенно в качестве киллеров...

— Мрази... — непонятно о ком тихо проскрипел зубами Сергей, сжав в кулаки побелевшие от напряжения пальцы.

Миха молча смотрел себе под ноги.

— Ты-то как? — спустя некоторое время прервал молчание Серёга.

— Я? В ментуру подался, благо дядя жены в больших погонах, — улыбнулся Миха, — правда, не чисто в ментуру, а в «боевики», за пять месяцев вырос до командира группы захвата при УБОПе, всякую мерзоту рылом в грязь кладём, ну и пострелять бывает. Типа, с одной войны пришёл на другую войну! Слава Богу, жена понимает, ни разу не упрекнула, только крестит всегда на дорогу.

— Крестит? Ах, да! Крестит... Это хорошо, наверное... Я, правда, как-то ко всему этому «божественному» не особо... Что-то в моей голове Бог и всё, что вокруг творится, не сочетается... Извини, если что не так сказал! — Серёга виновато взглянул на Миху.

— Да брось ты, майор с «Мужиком»! — улыбнулся тот в ответ. — Я, кстати, тоже теперь майор, ты выздоравливай давай! Религия — дело личное, у каждого это по-своему. Не парься, прорвёмся! Чтобы у тебя мой номер больше не терялся, вот тебе сразу с аппаратом! — Миха положил около подушки Сергея новенький мобильный телефон. — Чуть что — жми вызов, и я примчусь! Если надо, со всей своей бригадой мордovorотов! Бывай, братишка!

Он поднялся с кровати, пожал обе Серёгины обессиленные почти полугодовой лёжкой в кровати руки и вышел, оставив после себя запах хорошего одеколona и, почему-то, оружейной смазки.

— Кукарача, Кукарача! — вздохнул Серёга. — Ну как же тебя так, а?

ГЛАВА 3. КУКАРАЧА

Кукарача был в части фигурой заметной как по своему не типичному для разведчиков росту — сто девяносто два сантиметра, так и всей своей колоритной, напоказ разбитной, но весьма цельной и твёрдой натурой. Кроме того, он был отличником огневой и боевой подготовки и

лучшим снайпером бригады.

Стрелок он был вообще уникальный — стрелял из всего, что попадало в его руки, вплоть до гвоздя с газетой! Серьёзно! Витюха брал газету, свёртывал её в трубку, вставлял в неё, словно в ствол ружья, двадцатисантиметровый гвоздь и коротким резким рывком выстреливал этим гвоздём из газеты, словно из пращи, пригвождая с десяти метров спичечный коробок к доске забора так, словно прибывал его молотком!

Что уж говорить про огнестрельное оружие! Из всех видов его Кукарача стрелял стоя, лёжа, навскидку, интуитивно, падая в прыжке, кувыркаясь, за спину через зеркальце, на звук в темноте, да вообще — как угодно! И попадал куда хотел, когда хотел и как хотел, словно пуля повиновалась его воле, минуя посредство выстрелившего ей оружия, а направляемая только напряжённым усилием его мысли. Про таких стрелков говорят — снайпер от Бога! Если вообще от Бога бывают снайперами...

Серёга и сам был два раза чемпионом бригады по офицерскому пятиборью, уверенно стрелял норму мастера спорта и был со всем доступным спецназу оружием «на ты», но с Кукарачей он тягаться и не дерзнул бы, настолько бессмысленным было бы такое соревнование. Да и никто, в общем-то, не дерзал, без вопросов признавая за Кукарачей славу стрелка номер один.

Что больше вызывало вопросы у сослуживцев, так это послужившая причиной прозвища Витюхи, напеваемая им постоянно, особенно в моменты умственного сосредоточения, дурацкая песенка: «Я кукарач-ча, я кукарач-ча!»

Обычно всех, интересующихся её происхождением, Витюха, не стесняясь, посылал к «ёжиковой бабушке», обрубая, обычно несвойственное спецназовцам желание лезть в чужую жизнь. Но вот с Серёгой как-то вышло так, что он нечаянно попал в непривычную для вечно ёрничающего Кукарачи минуту душевной откровенности, и тот, возможно, сам не понимая — зачем, вдруг приоткрыл Серёге вход в закрытый для всех других уголок своей души.

А вышло это так.

После очередного трудного и опасного выхода разведгруппа отсыпалась по палаткам, восстанавливая растраченные при выполнении задания силы. Только Серёга и Кукарача предпочли сну среди дня каждый своё какое-то дело. Сергей зашивал продранный на рукаве любимую зимнюю тельняшку, Кукарача любовно начищал свой табельный АПС — автоматический пистолет Стечкина, аккуратно разложив все его части перед собой на свежей утренней газете и по обычаю мырлякая своё «Я кукарач-ча...»

— Витёк! — зубами перекусывая нитку от катушки, как-то бездумно спросил Серёга. — А что ты такое напеваешь?

— Это, командир, фокстрот такой — «Кукарача», кажись, тридцатых годов двадцатого века, что-то около того, — так же расслабленно, не задумываясь, ответил Витя, любовно начищая ствол разобранного пистолета.

— А что он так к тебе прилип? — по-прежнему почти автоматически спросил Сергей.

— Чего прилип, спрашиваешь?... — Витюха прекратил протирать пистолетный ствол ветошью. — Это, командир, можно сказать, песня всей моей жизни! Она в меня с раннего детства профессиональным палачом собачьей плетью вбита!

— Кем? — думая, что ослышался, переспросил Сергей.

— Профессиональным палачом, садистом редкостным, моим родным дедом! — Кукарача невидящим взором уставился в пространство. — Как же я мечтал его, суку, убить! Сам, своими собственными руками! Я, может, ради этого и в спецуру подался, чтобы наверняка не сплеховать! А он, гнида поганая, помер, когда я на втором курсе училища мышцы и мозги накачивал!

— Что он тебе сделал, чтоб так его ненавидеть? — поразился Сергей, прекратив своё занятие швейным ремеслом.

— Он, командир, не только мне жизнь покорёжил, я даже предположить боюсь — сколько он душ и жизней погубил... — лицо Кукарачи стало каменно-холодным. — Он все тридцатые-сороковые годы был следователем НКВД по политическим делам, допрашивал, пытал, лепил дела как пироги с человечинной! Он ведь сам мне все свои подвиги, мальчугану тогда ещё, с таким наслаждением рассказывал! Как он людей мучил, как оговаривать себя принуждал, родных предавать, клеветать на невинных!

Он, как наркоман, «торчал» от власти над людьми, от возможности творить с ними всё, что его бесовская натура пожелает, он мне с наслаждением рассказывал, как зубы сапогом у женщины выдавливал, как бороды у священников по волоску вместе с бровями и ресницами вырывал! И я, малец, всё это должен был часами слушать — кого он по какой статье куда отправил, кто умер на допросе, не выдержав пытки, кто с ума сошёл...

Он сам, наверное, тогда уже был сумасшедшим, раз мне, мальчишке, всё это рассказывал. А как он бил меня!

— За что?

— За всё! За любой малейший проступок! Он так и ждал, чтоб я хоть в чем-нибудь бы провинился, дал ему право наказать меня. А как может мальчишка, да ещё такой шебутной, как я, ничем не подставляться? Я и подставлялся постоянно, ему, гниде, на радость...

— А что ж родители твои, отец? — Серёга в ужасе смотрел на сослуживца. — Они что, этого не видели, не знали, как он с тобою обращается?

— Родители!? Я их не знал! — Витюха горько ухмыльнулся. — Я даже до сих пор не знаю, кем они были, мать, отец... Я вырос в доме деда, уroda бесноватого, и бабки, немой как рыба и всего боявшейся. Мне о родителях даже спрашивать не разрешали, на этой теме было наложено табу! Лишь в старших классах интерната, когда я уже жил не с дедом, да и бабка померла уже, откуда-то до меня дошло, что мои родители тоже в системе МГБ работали, то ли в резидентуре за границей, то ли ещё какая-то там тёмная история с их жизнью. Сейчас уже и неинтересно стало.

Но дед, Илья Лукич, так и стоит перед глазами! Так и вижу, как он неторопливо открывает патефон, заводит его, ставит пластинку.

— Ну что, внучок, давай «Кукарачу» послушаем? Снимай штаны, рубашку, всё снимай, и на диванчик вниз лицом ложись, отребье недобитое!

Из патефона бодренько так льётся гламурный мужской голосок: «Я кукарач-ча! Я кукарач-ча! Та-ра-ра-ри-ра-ра-рам!»

А дед во френчике своём всегдашнем, сталинского образца, плётку собачью, из охотничьего магазина, нежно так разминает и ласковым голоском ко мне обращается:

— Ну что, подследственный! Признаёте вы свою вину перед Родиной и правительством?

Я лежу голый на холодном кожаном диване, от страха весь сомлевший, а он, сволочуга, всё оттягивает начало истязания, всё ожиданием боли мучает...

А потом бьёт. Долго, с наслаждением, с оттяжечкой, чтобы острее боль была! И плакать запрещает — если вскрикну от боли или заплачу, ёще сильнее бьёт, гнида чекистская...

А из патефона — «Я кукарач-ча! Я кукарч-ча!»...

Помер он, точнее, сдох, как животное, один в своей четырёхкомнатной квартире в центре Москвы и лежал там, гнил неделю, пока соседи на трупный запах ментов не вызвали. Соседка мне потом рассказывала, что он последние недели перед смертью совсем с ума сошёл, сам с собой и с кем-то невидимым разговаривал, всё оправдывался, что он не сам чего-то там хотел, а его так заставляли! Говорила, что являлись ему постоянно мертвецы какие-то: и днём и ночью. Я так думаю, наверное, это души тех, кого он замучил, если такое вообще бывает. С ним, вот, — было!

Так и не успел я его убить, командир! Хотя, может, так и лучше?

А «Кукарача» эта долбанная так во мне и живёт с тех пор...

ГЛАВА 4. ГОСТЬЯ

Дождик зарядил ещё сильнее, превращаясь в затяжной холодный ливень.

Сергей накинул поверх тельняшки куртку от «горки», достал из сумки большую банку тушёнки, открыл её привычным движением ножа. Нелли снова подняла уши и открыла глаза, нос её зашевелился, улавливая аппетитный запах консервированной говядины с лаврушкой.

— Сейчас, сестрёнка, сейчас! — Сергей посмотрел на принюхивающуюся собаку и улыбнулся.
— Сейчас поделимся по-братски, раз уж у нас с ухой пока задержка выходит!

Серёга вынырнул из внутренней палатки под растянутый на кольях внешний полог, представляющий собой как бы крытую веранду, где можно было стоять в полный рост и внутри которой помещались раскладные стол со стулом, собака постель и пластиковый ящик с рыболовными снастями. Поставив перед собою две одноразовые пластиковые тарелки, он разложил в них поровну тушёнку из банки, в одну тарелку, поверх мяса, накрошил пару крупных кусков хлеба, затем поставил эту тарелку перед собакой.

Та, не притрагиваясь к еде, внимательно смотрела на хозяина.

— Ешь давай! Приятного аппетита, — вновь улыбнулся Сергей.

Дрессированное животное послушно принялось за еду.

Сергей поставил на стол небольшой голубой газовый баллон с прикрученной к нему сверху горелкой, нажав кнопку пьезоподжига, зажёл в горелке газ и поставил на огонь небольшой плоский туристический чайник из нержавеющей стали. Огонь приятно тихо загудел.

Сергей уселся перед столом на раскладном стульчике, отрезал от буханки плоский широкий кусок хлеба, ножом положил на край его большой кусок тушёнки и, с удовольствием откусив, начал жевать этот незамысловатый бутерброд.

Начало темнеть.

Холодный дождь лил уже как из ведра.

— Ну что друг собака, — Сергей доел бутерброд с тушёной и обтёр горбушкой стенки консервной банки, — рыбалка у нас с тобой не задалась, ну и ладно! Сегодня отсыпаясь, а завтра с утраца по коням и домой! По дороге надо будет на строительный рынок заехать, прокладки для кранов на кухню купить и леску для триммера, уже и траву покосить вдоль забора пора! План одобряешь?

Нелли внимательно смотрела на хозяина.

— Ну, молчание — знак согласия! — Сергей убрал со стола посуду. — Сейчас чайку горяченького для сугреву, и в мешок!

Сергей выключил горелку и снял крышку с закипевшего чайника. Под крышкой было глубокое тонкое ситечко. Сергей вынул это ситечко, поддев кончиками пальцев за ободок, насыпал в него заварки из железной с рифлёными розочками банки и вновь погрузил ситечко в закипевшую воду. Подождав пару минут, он вынул ситечко с распарившейся заваркой, подержал его над раскрытым чайником, чтобы слилось, и, отложив его в сторону, закрыл чайник крышкой и налил из него густой ароматный настой в нержавеющую кружку-термос, с открывающейся щелью для питья в пластиковой крышке.

— Чай, собака, это вещь! — Сергей с наслаждением отхлебнул из кружки горячего напитка. — В такую погоду просто спасение! И греет, и бодрит, и настроение поднимает! Жаль, ты в этом ничего не понимаешь...

Собака вдруг подняла уши и насторожилась.

— Ну ты чего? — Сергей благодушно отхлебнул из кружки. — Лежи, отдыхай, наслаждайся мирной жизнью!

Собака поднялась на ноги и, прислушиваясь к чему-то сквозь шум дождя, тихонько зарычала.

— Зверь, что ли, какой? Лиса, небось! — зевнув, потянулся Серёга. — До чего же такая погода в сон размаривает! Да успокойся ты! Всё в порядке!

Собака явно не хотела успокаиваться, она подошла к краю тента, высунула нос наружу и предупредительно гавкнула. Затем ещё и ещё раз. Так она лаяла только на человека.

— Нелли, место! — скомандовал Сергей. — Ну ты что, старая, откуда здесь люди в такую погоду! Стареешь, пенсионерка!

Нелли, беспрекословно послушавшись, легла на свою подстилку, продолжая не сводить взгляда с тёмного проёма за палаткой и тихо, настороженно рыча. Уши собаки стояли торчком, изредка напряжённо вздрагивая.

Сергей прислушался. Нет — только шум проливного холодного дождя заполнял всё пространство за пределами его временного жилища!

И вдруг!

— Па-па-магите! — раздался негромкий, с нотками бессильного отчаяния, как показалось

Сергею, детский тонкий голос.

Сергей вскочил со стула, вглядываясь в темноту. Собака, снова встав, залаяла.

— Молчи! Тихо! — скомандовал собаке Серёга.

— Па-па-памагите! — ещё тише и ещё отчаяннее послышалось совсем близко.

Сергей подошёл к краю тента, на всякий случай взяв со стола нож.

Внезапно, в зоне пространства за палаткой, слабо освещаемой сквозь дождь подвешенным под тентом галогеновым фонарём, возникла странная, похожая на привидение, фигурка — тощая, вся дрожащая крупной дрожью, облепленная насквозь мокрой одеждой и охватившая сама себя руками в тщетной попытке согреться.

— Лежать! Свои! — крикнув собаке, Сергей быстро шагнул под дождь, сцапал своими крепкими руками трясущееся существо и вдёрнул его под тент. Существо громко стучало зубами. На вид это была девчонка лет четырнадцати.

— Ты кто? — вглядываясь сквозь облепившие осунувшееся лицо светлые волосы в расширившиеся от холода и страха глаза девчонки, спросил Сергей.

— Я Д-д-даша! — простучала зубами пришелица и рухнула без сознания на руки едва успевшего её подхватить Серёги.

— Ба-лин! — выругался негромко Сергей, затаскивая лёгонькое мокрое тело вглубь палатки. — Ну и рыбалка в этот раз! Ну и улов, однако!

Девчонка не подавала признаков жизни. Сергей прижался ухом к мокрому платью на её груди — сердце слабенько, словно с трудом проталкивая застывшую кровь, всё-таки билось. Сергей быстро потрогал девчонкины руки и ноги выше колен. Они были холодны как камень. Переохлаждение уже явно вступило в опасную стадию, счёт жизни девчонки пошёл на минуты.

— Так! Переохлаждение! — лихорадочно вспоминал медицинские наставления санинструктора бывший спецназовец. — Растирать сильно нельзя, алкоголем поить нельзя, можно горячий сладкий чай с каплей коньяка, отогревать медленно, в идеале в ванне с тёплой водой... Ба-лин! Где ж её, эту ванну, тут взять!

— Так! Сперва раздеть и вытереть насухо! — вполголоса скомандовал он самому себе и начал стаскивать с неподвижного тела прилипшие к нему ледяные промокшие тряпки: платье, парусиновые шлёпанцы, дешёвенький лифчик и трусики. Зрелище обнажённого синеватого безжизненного тела напомнило Сергею фотографии жертв немецких концлагерей времён Второй мировой войны.

Он вытащил из сумки своё большое махровое полотенце и начал быстро и осторожно вытирать это холодное лёгкое тельце, стараясь мягко — чуть-чуть массируя — оживить под пупырчатой кожей движение крови. Вытерев тело девчонки, Сергей распахнул одним быстрым движением застёгнутый замком-молнией спальный мешок, переложил внутрь его бездыханную гостью, вновь застегнул мешок почти до верха и, подложив один край полотенца под голову незнакомки, другим начал тщательно осушивать её длинные склеившиеся волосы и мраморно-бледное лицо.

Когда он, высушив, насколько это было можно сделать, полотенцем голову девчонки, слегка

потрепал её по щекам, та медленно открыла глаза, одновременно потянув в себя воздух глубоким шумным вздохом. Её вновь начало колотить крупной дрожью.

— Слушай, Даша! — сказал Сергей, глядя в широко раскрытые полубезумные от пережитого глаза. — Сейчас я дам тебе горячего чаю, постарайся его сколько-нибудь проглотить!

Девчонка беззвучно открыла рот и согласно моргнула глазами.

Сергей быстро долил в свою кружку остатки ещё горячего чая из чайника, сыпанул в неё и размешал щедрую порцию сахара, влил несколько капель коньяка из НЗ-шной фляжки и поднёс напиток к тонким обескровленным губам пришелицы.

Она, еле-еле раздвигая стучащие в судороге зубы, с усилием попыталась проглотить немного горячего сладкого напитка, с трудом ей всё-таки удалось сделать несколько глотков. Её голова вновь обессилено откинулась навзничь, глаза начали закрываться, дрожь продолжалась.

— Что делать-то с тобою, блин! — вслух размышлял Серёга, глядя, как вернувшееся было к девчонке сознание, вновь покидает её. — Как бы ты, сестрёнка, здесь сейчас не померла! Вроде я всё правильно сделал, по инструкции: растирать сильно нельзя — я и не растирал, горячего чаю, сколько получилось, влил! Озноб продолжается, как бы не наступила кома... Что там, блин, ещё можно сделать?

«В результате опытов над заключёнными в концлагерях, немецкие врачи пришли к выводу, что наиболее эффективным способом отогревания пострадавших от переохлаждения, которое было главной причиной гибели попавших в холодную воду немецких моряков с потопленных союзной авиацией судов, является тепло человеческих тел, которыми плотно обкладывали пострадавшего. В немецкой армии стали для этого привлекать уличных проституток. Аналогичный способ — отогревание женскими телами обмёрзших в тундре охотников — использовали и используют до сих пор многие северные народы — чукчи, алеуты, якуты и другие...» — вспомнились Серёге слова старенького полковника медицинской службы, проводившего в их группе занятия по оказанию первой медицинской помощи в условиях военных действий.

— Понятно! — принял решение Сергей. — Я, правда, не немецкая проститутка и не алеутская женщина, но, похоже, ничего другого не остаётся!

Он скинул с себя одежду, оставшись лишь в одних плавках, открыл замок спального мешка и осторожно лёг рядом с холодным, вздрагивающим от судорог телом девчонки, бережно обхватив его руками и постаравшись максимально большей поверхностью прижать его к себе.

Девчонка вновь открыла глаза и слабо пошевелилась, попытавшись освободиться от Серёгиного крепкого объятия.

— Па-па-пажалуйста! Не надо! Не де-делайте со мной эт-т-то! — расширившимися от страха глазами она смотрела на державшего её в объятиях мужчину. — Я е-ещё де-де-девушка!

— Чего?! Кляча ты дохлая! — задохнулся от возмущения Серёга. — Я что — некрофил? Ты не помри сейчас тут у меня, де-де-девушка! Что я с твоим трупом делать буду? Грейся об меня, дуручка, и молись какому-нибудь там богу, чтобы тебе выкарабкаться из этой передрыги хотя бы живой — пневмонию ты уже по-любому схватишь, но это хоть лечится!

— Го-го-господи, по-по-моги! — на полном серьёзе простучала зубами «девушка» и тут же отключилась.

— Дышит ровно, — отметил про себя Серёга. — Сердце тоже, вроде, работает без перебоев, может, и оклемаётся... Богомолка, блин! Бр-р-р! До чего же ледяночая! Словно в холодильник залез!

ГЛАВА 5. ГОСТЬЯ. ПРОДОЛЖЕНИЕ

Как он заснул, когда перестал ежиться от прижатого к себе холодного тела, Серёга не вспомнил.

Он проснулся, когда ещё только чуть-чуть забрезжил на прояснившемся от дождевых туч небе бледненький рассвет. Сперва он ошарашенно оглядел прижавшееся к нему и обнимающее его рукой за шею, ровно сопящее ему в ухо тёплым воздухом существо, похоже — женского пола. Проверив свои догадки осторожным прикосновением руки, он лихорадочно зашевелил мозгами и вдруг — всё вспомнил!

Ага! Значит, его реанимационные труды увенчались успехом — «пациентка» жива, тепла, дышит ритмично и спит крепко! Это «гуд», как любил говорить Кукарача, «оченный даже гуд»!

Сергей осторожно выпростал из спальника правую руку и, приложив ладонь ко лбу ночной гостьи, проверил температуру — жара не было. Ура!

Однако!

Сергей вдруг, словно прозрев, осознал, что он сейчас лежит здесь в спальнике — наедине с обнимающей его спящей обнажённой девушкой, волнуяще овевающей его забытой теплотой таинственного женского тела!

Ой, не погорячился ли он вчера, уверенно разоряясь про «некрофила»? Да и такая ли уж «дохлая кляча» дышит ему сейчас в лицо, крепко уцепившись тонкими пальцами за его мускулистую шею? Когда это он в последний раз был с женщиной? А если...?

Он явственно ощутил разрастающийся у него в груди, горячий, мутный комок.

— Стоп, солдат! — напряжённым усилием воли скомандовал себе бывший разведчик спецназа. — Ты чо — в натуре, охренел? Это ж ребёнок, малолетка, блин! Да хоть бы и не так! Животное ты или человек? Марш из мешка — «гоу, гоу», спецура!

Сергей, преодолевая взрывающий его изнутри тяжёлый тёмный комок, осторожно, стараясь не разбудить доверчиво сопящее создание, тихонько освободился от её обнимающей тонкой руки. Затем медленно, стараясь не трещать замком-молнией, приоткрыл спальный мешок, змеиным движением выскользнул из него наружу, опять тихонечко прикрыл спальник, заботливо укутав обнажившееся девчоночье плечо. Не одеваясь, выскочил наружу из палатки в прохладную морось утреннего тумана, встал босыми ногами на сырую мягкую траву, вскинув вверх руки, положил ладони на затылок и потряс трезвеющей на холодке русоволосой головой.

— Ух, блин! Вот испытание! Наверное, без парашюта прыгнуть проще!

Он постоял несколько минут, дождавшись, пока наружный холод не угасит в его теле внутреннее разгорячение, и, дав себе слегка продрогнуть, нырнул обратно в палатку, мимо проснувшейся и молчаливо взиравшей на происходящее овчарки.

Даша спала всё также безмятежно, вновь слегка приоткрыв плечо и подложив недавно обнимавшую Сергея ладонь под щеку. Сергей только сейчас заметил у неё на шее маленький

алюминиевый крестик на тонкой нейлоновой нитке.

Стараясь не шуметь, Серёга быстро оделся, нацепил на голову бейсболку камуфляжного раскраса, собрал валявшиеся у порога, всё ещё мокрые одёжки ночной гостьи и, выйдя на улицу, отжал руками и развесил их на оттягивающей палаточный тент верёвке. Затем присел на корточки рядом с лежащей на подстилке и смотрящей на него всепонимающим взглядом собакой, погладил её крупную породистую голову.

— Да, Нелька! Видишь, какая «жесть», однако! И на спецуру бывает прореха!

Собака утешающе лизнула его руку своим шершавым мокрым языком.

— Прорвёмся, подруга! Как говорит десантура — «никто кроме нас»! Совесть, собака, обратно не купишь, а что дороже-то её? Вот так, дружище!

Он помолчал, затем поднялся, тихонько достал из сумки походный котелок с крышкой, налил в него воды из канистры и поставил на зажжённую газовую горелку.

— Сейчас, собака, мы с тобой макароны с тушёнкой «по-флотски» забабахаем! — Серёга полушёпотом обратился к собаке. — Мы-то с тобой и сухпайком привыкли обходиться, но эту «де-де-девушку» Дашу надо, пожалуй, чем-нибудь горячим накормить, она ж — «гражданская»!

Скоро макароны с тушёнкой были готовы.

Сергей осторожно приподнял полог палатки и заглянул внутрь.

Его неожиданная ночная гостья, оказывается, уже проснулась и тихой мышью лежала в спальнике, застегнув его молнией под самый подбородок и, для надёжности, удерживая замок в зажатом кулачке.

— Привет, де-де-девушка Даша! — улыбнулся ей Серёга. — Услышал тебя твой Го-го-сподь — живая вон осталась и даже, похоже, пневмонию не заработала!

— Доброе утро! — тихо ответила девушка. — А где моя одежда? Можно мне её надеть?

— Одежда твоя пока ещё вся мокрая, я её сушиться повесил, может быть, часика через три-четыре высохнет. А если солнышко выйдет, то, вполне вероятно, и раньше.

— Спасибо, — вежливо ответила Даша, — вы разрешите, я тут побуду до тех пор, пока она просохнет?

— Не вижу смысла столько времени сидеть в мешке! — ответил ей Серёга. — Да и одёжка твоя, мягко говоря, не по сезону — октябрь в этом году не жаркий, в ней и в сухой замёрзнешь! Ты чего так легко вырядилась-то?

— Так получилось, — тихо ответила девушка, опустив глаза.

— Ладно! Раз получилось так, что ты сидишь в моём мешке, придётся мне тебя и приодеть пока, — Сергей открыл сумку с запасной одеждой. — Так, вот тельняшка тёплая, почти новая, чистая, стиранная! Она длинная, тебе за платье сойдёт, только рукава подвернёшь. Чтобы ноги не мёрзли, вот тебе штанишки тренировочные, флисовые — тепло и мягко будет, вот носки шерстяные и резиновые сапоги — извини, другой обуви у меня с собою нет! И ещё, вот

безрукавка-дутьик, надень — тебе пока, пожалуй, утеплиться лучше! Всё поняла?

— Спасибо, да! — также тихо ответила Даша, продолжая крепко удерживать в сжатой ладони замок спальника.

— Я выйду, — улыбнулся Серёга, — и снаружи застегну полог на молнию. А ты спокойно одевайся и, как оденешься, открой полог изнутри и выходи наружу, завтрак уже ждёт!

— Хорошо, спасибо! — не шевелясь, ответила Даша.

Серёга снова улыбнулся и вышел, застегнув полог.

ГЛАВА 6. МРАЗИ

— Ещё подложить? — Сергей приподнял крышку котелка и посмотрел на вытирающую хлебушком тарелку Дашу, сидящую против него на единственном раскладном стуле в его тельняшке, безрукавке, штанах и сапогах. Сам он сидел на пластиковом ящике с рыболовными снастями.

— Только немножко, — смущённо отвечала девушка, опустив глаза, — пожалуйста!

— Лопай на здоровье, — Серёга весело вывалил остатки «флотских» макарон в Дашину тарелку, — и расти большой и толстой! Ты когда ела-то в последний раз?

— Спасибо, — вежливо кивнула Даша, принимая из рук Серёги вновь наполненную тарелку, — я ела вчера утром!

— Оп-па! Однако ты жирку не нагуляла за прошедшие сутки, — воскликнул Сергей, — а откуда ты такая вежливая — «пожалуйста», «спасибо», «доброе утро»? Где тебя так воспитали?

— В детском доме, — прожевав, ответила девушка, — у нас очень строгие воспитатели были, нас всех заставляли вежливо разговаривать. Разве это неправильно?

— Да нет! Всё правильно! Просто уж больно непривычно в наше время, — Серега, прищурившись, взглянул на Дашу, — ну, раз детдом, тогда понятно! Там вроде как у нас в армии... А Родители у тебя есть? Ты как вообще в детдом попала? И сколько тебе лет?

— Мне восемнадцать лет, уже почти два месяца! — ответила Даша, закончив с добавкой и вытерев начисто тарелку хлебом. — А про родителей я ничего не знаю, меня оставили в роддоме, они отказались от меня сразу, как я родилась.

— Уроды! — не выдержав, выругался Серёга.

— Не надо их ругать! — взволновалась девушка. — Может быть, у них жизнь была тяжёлая или ещё какая-то важная причина так поступить!

— Прости, Даша! — стиснув зубы, пробормотал Сергей. — Я не хотел тебя обидеть! Просто у меня есть своё мнение о родителях, бросающих своих детей...

А как ты здесь-то оказалась, об этом можно мне тебя спросить?

— Да, конечно, — просто ответила девушка, — меня продали, а я убежала!

— Чего!? — выпрямился на своём ящике Серёга. — Продали? Кто? Кому?

— Меня продал наш директор Ефим Григорьевич Алику, который девушек в Турцию продаёт. Алик не русский, он с сильным акцентом говорит, кажется, он откуда-то с Кавказа.

— Так! Дашенька, пожалуйста! — ощущая начинающую подниматься в груди волну гнева, нарочито спокойно проговорил Серёга. — Расскажи мне поподробней, что и как с тобой произошло! Не волнуйся, расскажи всё, как было, мне нужно это знать, чтобы помочь тебе!

Девушка поёжилась, видно было, что воспоминание чего-то ужасного, произошедшего с ней ещё вчера, вновь нахлынули на неё.

— Дашенька! Выпей чаю! — наливая ей в кружку из термоса крепкий ароматный чай, сказал Серёга. — И ничего не бойся! Поверь, пока ты здесь со мной — ты в безопасности!

Даша дрожащими пальцами взяла кружку, отхлебнула из неё несколько раз и, не выпуская кружки из пальцев, начала говорить.

— У нас в детдоме все считают Ефима Григорьевича очень хорошим директором, добрым, заботливым! Все воспитанники слышали, что он выпускникам, особенно девочкам, когда им исполняется восемнадцать лет, помогает получить положенную по закону квартиру, устраивает на работу, говорили, что даже многих за границу устраивал учиться в колледжи и подрабатывать там же себе на учёбу. Там за границей хорошее образование и можно удачно выйти замуж. Говорили, что там многие выпускницы нашего детдома с помощью Ефима Григорьевича уже устроились. Многие наши девочки мечтали, чтобы он им также помог! Я тоже...

Серёга почувствовал, как его скулы сводит судорога, пальцы его рук под столом сжались в кулаки. Он волевым усилием постарался сохранить спокойное выражение лица.

— Когда мне исполнилось восемнадцать лет, я как раз в этом году окончила одиннадцатый класс и оставалась пока жить в детдоме, Ефим Григорьевич пригласил меня в свой кабинет и сказал: «Дарья, скажи: ты хочешь учиться за границей в колледже на менеджера-экономиста? Там есть возможность подрабатывать на оплату учёбы официанткой в кафе или уборщицей. А с твоей внешностью, может, удастся устроиться фотомodelью в какой-нибудь рекламный журнал. Возможно, там ты встретишь красивого местного парня и выйдешь за него замуж! Ты хотела бы поехать попробовать?»

Я от счастья даже растерялась! Да, говорю, конечно, хотела бы!

«Ну тогда я всё устрою, — говорит он, — тебе надо только подписать документы о твоём согласии работать за границей, я уже сделал для тебя заграничный паспорт и оформил визу. И ещё, вот — подпиши мне генеральную доверенность на твою квартиру, чтобы я смог оформить и получить её для тебя, пока ты будешь учиться за границей! Я могу её сдать в аренду и деньги переводить тебе туда, где ты будешь там жить. Это могут быть небольшие деньги, но и они тебе там пригодятся!»

Я, конечно, сразу всё ему подписала — доверенность и какие-то бумаги на иностранном языке, я просто вне себя была от радости!

А потом — сегодня — он привёз меня на своей машине к придорожному кафе, рядом с лесом, познакомил с Аликом и сказал, что дальше он будет заниматься моей отправкой за границу, в Турцию. Но так получилось, что я нечаянно подслушала их разговор наедине и поняла, что

Ефим Григорьевич меня Алику продал за деньги, что он так делал уже много раз с нашими девочками, что квартиры, которые он получал по нашим доверенностям, он тоже продавал и делился деньгами с какими-то чиновниками.

Ещё я услышала и поняла, что наших девочек в Турции делают проститутками и заставляют работать в публичных домах. А за меня Ефим Григорьевич больше денег от Алика просил, чем обычно, потому что я красивая, у меня светлые волосы и голубые глаза, и потому что я девственница. Он говорил, что меня в Турции можно дорого продать, потому что на таких девушек там большой спрос. Они долго ругались и торговались из-за денег, а я попросилась у помощника Алика в туалет и оттуда убежала в лес, хорошо, что в туалете окно было большое и плохо закрытое. А куртку свою оставила в их машине.

А потом я заблудилась, пошёл дождь, я очень промокла, замёрзла и пришла сюда, потому что увидела свет фонарика. Вот, наверное, я и всё уже рассказала! Вы что, плачете?

Сергей сидел, опустив голову, его скулы ходили желваками, ногти до крови вонзились в ладони, по щекам прокатились две быстрые солёные капли.

— Мрази! — только смог тихо прорычать он.

— Что вы сказали? — не расслышав, переспросила девушка.

— Даша! Ты извини, я до сих пор тебе не представился: меня зовут Сергей Русаков, я майор российской армии в отставке, я воевал и убивал бандитов. Некоторых из них нельзя даже назвать людьми, они — животные, зверьё, с которыми нельзя договориться, их можно только уничтожить. Это жестоко, но это — реальность нашей жизни. Мы, солдаты, существуем для того, чтобы защищать нормальных людей от этой звериной мрази, даже ценой собственной жизни.

Даша! Вероятно, эти нелюди будут тебя искать в ближайшее время. Я говорю это тебе, чтобы ты знала, что опасность реальна. И ещё я тебе говорю как солдат — до тех пор пока я жив, они не тронут тебя — это не пустые слова, это обещание офицера, который жизнью отвечает за сказанное. Мои бывшие сослуживцы могли бы подтвердить тебе это, но они на своей войне, а у меня здесь начинается моя война — за тебя. И за Родину, которую я поклялся защищать от всякой мразоты, когда принимал присягу. Доверься мне и ничего не бойся.

Пожалуйста, посмотри мне в глаза и скажи — ты веришь мне?

Девушка внимательно посмотрела в глаза Сергея, в которых отражались спокойная уверенность и вместе с тем глубоко запрятанная боль.

— Да! Я вам верю, Сергей! Вы хороший человек, вы не обидели меня, хотя могли... Вы знаете, что нам делать сейчас? — голос девушки звучал очень спокойно, пожалуй, даже слишком спокойно.

«Наверное, у неё всё ещё продолжается шок», — подумал Сергей, глядя на её неестественно спокойную для девичьей психики реакцию в имеющихся обстоятельствах. По логике, должен наступить прорыв, истерика, плач, что-то подобное — надо быть к этому готовым!

— Знаю, девочка! Сейчас мы, не торопясь, но и не медля, соберём все пожитки, загрузим их в машину и уедем отсюда ко мне на дачу. Там я созвонюсь с некоторыми людьми, посоветуюсь с ними, и мы решим — что делать дальше. Хорошо?

— Конечно! Давайте делать, как вы скажете!

— Не надо «вы», зови меня на «ты», согласна?

— Да, конечно! Как ты скажешь, Сергей!

— О'кей! Поехали! Ты быстро собираешь всю посуду в этот мешок и кладёшь его сзади машины, мыть её уже нет времени. Затем ты сложишь эти столик и стул и отнесёшь их туда же! Вперёд!

Собака, наострив уши, вдруг поднялась на месте и тихо зарычала.

— Стоп! Тихо! — Сергей прислушался: со стороны берёзовой рощицы за поляной явственно послышался звук мотора приближающейся машины.

Мгновенно он схватил свой пластиковый ящик с рыболовными снастями, открыв крышку, безжалостно перевернул его, свалив в кучу всё его содержимое. Затем быстро надел валявшиеся в этой куче нитяные рабочие перчатки в резиновых пупырышках и, подняв ящик, подцепил с его днища тонкий пластиковый поддон, открыв второе дно. Там, на распорках из пенопласта, был укреплён тускло поблескивающий чёрный пистолет — «приватизированный» во время операции из чеченского схрона и нелегально привезённый в Россию, в один из отпусков. То был простой и надёжный советский ТТ — из тех украденных ворами в погонах со складов длительного хранения и проданных боевикам за арабские доллары, бесчисленных, теперь стреляющих по «федералам», стволов.

Привычным движением Сергей быстро выкинул из рукояти магазин, мгновенно оглядел находящиеся в нём патроны и загнал магазин обратно в рукоять, удовлетворённо выслушав знакомый щелчок фиксатора. Затем он быстро оттянул на себя узкую затворную раму и, резко отпустив её, загнал в патронник длиненький, в латунной тускловатой гильзе патрон. Придерживая за зубчатое «колёсико», Сергей осторожно снял курок с боевого взвода и сунул пистолет за пояс внутрь штанов, прикрыв рукоятку вытасненным наружу краем тельняшки. На всё это он потратил не более пяти секунд.

Звук приближающейся машины возрастал. Сергей взглянул на Дашу.

Девушка, увидев пистолет сперва как будто обмерла, уставившись на манипулирующего с оружием Сергея застывшим, вмиг остекленевшим взглядом, и вдруг, словно подкошенная, рухнула на колени, и, обхватив ноги спецназовца, захлёбываясь слезами, запричитала:

— Серёжа, Серёжа, Серёженька! Серёженька, миленький! У вас, у тебя, есть пистолет — пожалуйста, убейте меня! Я их боюсь! Серёженька! Застрели, застрели меня, пожалуйста! Только не отдавай меня им, не надо!!! Я не хочу быть проституткой в Турции, я не буду, я никогда не стану проституткой, я не хочу, пожалуйста, Серёжа, Серёженька, Серёжа!!! Убейте меня, пожалуйста, быстренько застрелите меня, пока они не подъехали, скорее, скорее, скорее стреляйте, пожалуйста!!! Не отдавайте меня им!!! Серёженька-а-а!!! — её захлёбывающийся голос сорвался на исполненный ужаса крик, в нём слышалось такое отчаяние, такой страх, какого Сергей не слышал ни разу за всю свою насыщенную криками боли и страха военную жизнь.

Он быстро опустился на колени и, схватив кричащую девушку за голову обеими руками, прижал её трепещущие криком губы к своим, обветренным, растрескавшимся губам, вложив в этот неожиданный, безумный поцелуй всю свою уверенность, всю нерастратченную силу своей души.

Она сперва застыла, обомлев от неожиданности, потом, начав задыхаться, с широко распахнутыми испуганными глазами попробовала освободиться от крепких рук Сергея, заботливо, но твёрдо державших её взлохмаченную пшеничноволостую головку, затем вдруг ослабела и повисла обессилена, успев обхватить его крепкую шею слабеющими хрупкими руками.

Сергей отнял от её губ свои и, не отпуская её головы из рук, сказал:

— Ну всё? Девочка моя, не бойся! Я не отдам тебя никому! С тобою всё будет хорошо!

— А они не убьют тебя? У них — я видела — тоже есть пистолеты!

— Слушай, девочка! — Сергей медленно, чётко разделяя слова, словно вбивая их в её находящееся на грани помрачения сознание, произнёс:

— Они меня не убьют! Они не тронут тебя даже пальцем! Они ничего не смогут нам сделать! Верь мне!

— Я верю, Серёжа! — вдруг успокоенным, но ещё слегка всхлипывающим голосом прошептала Даша, вновь обхватывая руками шею Сергея и повисая на ней. — Пожалуйста, Серёженька, защити меня!

— Всё будет хорошо, девочка! — шепнул ей прямо в детское маленькое ухо Сергей, поднимаясь с колен и подымая девушку вместе с собой. — Войди в палатку и сиди там тихо-тихо! Всё остальное предоставь мне, я всё-таки солдат и знаю, как решаются такие проблемы! Ныряй! — и он подтолкнул заплаканную девушку ко входу в палатку. — И молись там своему «Го-го-споду». — Сергей улыбнулся, вспомнив её краткую ночную молитву. — Он тебе обязательно опять поможет!

Девушка юркнула за полог и затихла.

Сергей повернулся в сторону преданно смотрящей на него собаки и, указав на ещё покачивающийся полог палатки, коротко сказал: «Сторожи!»

Собака молча села, преграждая собою полог.

Сергей мягкой, рысиной походкой вышел из-под тента к рвущемуся в его уши нарастающему рыку мотора.

На поляну въехал большой чёрный джип с сильно затонированными окнами.

ГЛАВА 7. МРАЗИ. ПРОДОЛЖЕНИЕ

«QX пятьдесят шестая», — отметил про себя Сергей. — Такие «джигитовозы» не бронируют, пуля 7, 62 прошьёт его как картонную коробку. Неплохо встали — правым боком, двери откроются ко мне, кавказец должен сидеть справа на переднем, «телок» с пушкой за рулём, кто-то может быть сзади... Кто? Долбаный директор детского дома? Вероятно! Денег он не получит без найденного товара, значит, поедет сам, чтобы не кинули, сказав, что не нашли. Кто там может быть ещё... Второй бычара? Вряд ли, не за мужиком охотятся, хотя... Кавказец храбр толпой, ещё одним быком подстраховаться может, да и девчонку сунуть между двумя мужиками на заднее сиденье надёжней. Так, как работаем? Валить кавказца сразу, как ступит на землю? Хозяин мёртв — бык поумнее вряд ли начнёт стрелять, скорее, предпочтёт убраться без риска для собственного зада. Хотя, всё вероятно... Ладно, ждём!» — все эти мысли

пронеслись в натренированном сознании Сергея за ту минуту, что машина, лениво переваливаясь по кочкам асфальтовыми рессорами, остановилась и заглохла метрах в пятнадцати от палатки Сергея.

— Даша! — негромко позвал Серёга. — Ложись на спальник и не поднимайся, если услышишь выстрелы, даже головы не поднимай! Не издавай ни звука, ни при каких обстоятельствах, и не выходи, пока я сам не позову, слышишь, девочка?

— Да! Хорошо! — раздался Дашин громкий шёпот.

Машина стояла беззвучно, никто из неё не выходил, сквозь наглухо затонированные окна не видно было ничего.

— Совещаются. Небось, «гайцам» за тонировку хозяин тачки только успеваешь бабки отбивать, — легонько усмехнулся Серёга, — номерок-то не сильно крутой, «три ольги» нынче уже не канает! Кто же ещё может быть сзади?...

Наконец, правая задняя дверь начала открываться. Серёга быстрым, почти незаметным движением взвёл сквозь тельняшку ребристый курок «тэтэшника», тот, щёлкнув, замер на боевом взводе.

Дверь, наконец, открылась, из неё неуклюже вывалился курчаво-седовато-лысоватый мужичок, лет пятидесяти пяти, не русской, но и не кавказской внешности, одетый в недорогой, слегка поношенный костюм, в очках, с небольшой папочкой в руках, которую он инстинктивно прижимал к животу. Оглядев стоящего рядом с палаткой Сергея, мужичок сделал несколько шагов в его сторону.

«Директор, сука...» — безошибочно определил его бывший разведчик.

— Доброго вам утра, молодой человек! — слегка грассируя, обратился мужичок к Серёге.

— И вам не болеть! — ответил, улыбаясь, Сергей.

«Не факт, что это утро будет добрым для тебя, мразота! А может быть, и для меня...»

— Вы тут не встречали девчухи, лет шестнадцати с небольшим, такой белокуренькой! — мужичок, не замечая ёрничества Сергея, обратился к нему с вопросом.

— Чужих не видел! — отвечал Сергей.

«Только бы он не заметил платя на верёвке! Как я его забыл убрать!»

Мужичок быстро «отсканировал» глазами окружающее.

— Ну, может, всё-таки встречали? В голубеньком таком платьице, вот как у вас на тросике висит!

«Увидел, гад! А ведь был шанс у тебя живым уехать, мразь!»

— В таком, как у моей жены? — переспросил чуть удивлённо Сергей.

— Да-да! В таком же точно! — тон мужичка был вежлив, но настойчив.

«Чувствует силу за спиной, тварь!» — отметил мысленно Серёга.

— А, может, ваша жена её видела? — настырно продолжал мужичок. — Вы попросите её выйти, я её спрошу!

«Ага! Прямо сейчас!» — усмехнулся про себя Сергей.

— Не! Не хочу её будить — спит крепко! Свежий воздух, ночь любви, там, всё такое!

— Вы лучше всё-таки разбудите «жену», — тон мужичка стал ощутимо жёстче, выпученные глазки сверкнули злобою из-под очков, — и выведите её наружу!

— Не, ну ты чо! Нельзя! Ночь любви, там, утомилась, всё такое! — почти в открытую издевался Серёга.

«Давай, сучара, разозлишь, веди сюда абреков!» — мысленно подтолкнул ситуацию Сергей.

— Тогда с тобой поговорят другие, — отбросив псевдо-интеллигентность, зло прошипел директор, — и по-другому!

— А я чо? Да я ничо! Другие — вон чо, и то ничо! — издевательски скосил под дурака Серёга.
— Другие так другие!...

Директор молча развернулся и направился к машине, обе передние двери которой открылись одновременно ему навстречу.

«Шоу начинается!» — подумал Серёга и быстрым движением подвинул пистолет за поясом в более удобное для выхватывания положение.

Из правой передней двери вышел молодой кавказец, по виду не старше двадцати пяти лет.

«Молодой — значит, чей-то сынок или родственник, чужого салагу бригадиром не поставят. Это на перспективу хуже» — отметил для себя Сергей.

Одет был молодой кавказец в чёрную шёлковую рубашку с золотой застёжкой-цепочкой у воротника-стойки, поблёскивающий искоркой серый пиджак и чёрные, с бритвенной стрелкой брюки, из-под которых торчали длинные лаковые носы вечерних туфель. За поясом из искусственной крокодиловой кожи с инкрустированной стразами пряжкой поблёскивал хромировкой — «мечта колумбийского нарко-барона» — Кольт М 1911 — с переливающимися перламутром накладками рукояток. Дорогая кожаная барсетка висела у него на ремешке, на левом запястье.

«Аксессуар, однако! Наверняка калибр — сорок пятый, такому джигиту девять миллиметров — запаadlo. Это хорошо — отдача у сорок пятого мощнее, а он и так стрелять, конечно, не умеет. Да плюс барсетка на руке, с двух рук стрелять она быстро не даст, а одной рукой килограммовую дуру сорок пятого калибра, ещё поди удержи без навыка при выстреле!» — решил Серёга.

Кавказец был худ, по моде подстрижен, традиционно усат, из-под сросшихся густых бровей величаво смотрели на Серёгу маленькие, близко поставленные чёрные глазки.

«Ну, здравствуй, Алик! — подумал Сергей. — А ты, кажется, «даг» — это хуже! Молодой «даг», да уже — бригадир — будет «быковать» до упора. Кто там у него «телок»-водитель? Гюльчатай, яви-ка нам личико!»

Вышедший из-за машины телок-водитель оказался явным славянином, с короткой стрижкой, низким лбом и выражением сощуренных глаз — «всех порву»! Лет тоже вряд ли старше двадцати четырёх-двадцати шести. Одет он был в чёрные джинсы, наглаженную белую сорочку с ярко красным галстуком, пиджак или куртку он явно снял заранее, нарочно, чтобы продемонстрировать висящий в дорогой подплечной кобуре ПМ.

«Так! Этот тоже не боец, из такой «сбруи» он полчаса вытаскивать свой ствол промучается! Это — хорошо! Но кто же там, в машине-то остался? Что за «киндер-сюрприз»?»

Серёга боковым взором заметил, что в закрытой задней правой двери автомобиля, захлопнувшейся после выхода из неё директора, кто-то только что приспустил оконное, излишне затемнённое стекло, оставив сверху щель не больше десяти сантиметров шириной.

«Так! — быстро сообразил Сергей. — Стрелять в такую щель, да из-под потолка этот «киндер-сюрприз» не сможет, попасть куда-нибудь оттуда под силу разве что Кукараче, значит, пока он будет только наблюдать. Это — хорошо!»

Кавказец и его «бычок» сделали несколько шагов в сторону Серёги и остановились метрах в десяти от него. Директор, что-то быстро сказавший Алику, когда тот только вышел из двери, остался наблюдать происходящее, стоя в двух шагах от машины.

Сергей неторопливо отошёл несколько шагов вбок от палатки, уводя от лежавшей в ней девушки потенциальную линию огня.

— Здыраствуй, брат! — приветствовал Серёгу кавказец.

«Ага, блин, родственничек нашёлся!» — усмехнулся про себя Сергей.

— Привет, Алик!

— Ты уже понял, да? Слюшай, брат! Тот чилавэк, — он небрежно махнул рукой в сторону директора, — сказал, что мой тавар — моя дэфка — у тебя! Что это её адэжда! — Алик показал на висящие Дашины вещи. Увидев на верёвке, кроме платья, сушащееся нижнее бельё, кавказец изменился в лице.

— Ты што, тырахал мая дэфка? Ты портил мой тавар?

— Ага! — пожал плечами Серёга. — Сам понимаешь, одинокий мужик, ночь, романтика! А тут «дэфка» сама приходит! Ну и как «тавар» не «испортить»?

— Ты зынаешь, что ты сдэлал? Я дэфка Рахиму целий абищал! — разгневанно жестикулируя, заверещал Алик. — Ты зынаешь, сколько ты мне типерь дэнэг должен, а? Мамоу клянусь — ни атдаш дэфка и дэсят тысяч доляров — я тибя убю!

— Хрен тебе, абрек, а не «дэфка» с «долярами»! — голос переставшего прикалываться Сергея зазвучал железными нотками. Он перекинул край тельняшки между телом и пистолетом, открывая на общий обзор находящееся за поясом оружие. — Садись-ка лучше на свою «арбу», джигит, и быстренько вали отсюда прямо в свой аул, тебя там овцы заждались и твой любимый ишак!

— Эта ты ешак! — взбесился «абрек-джигит». — Тибе канэц, свиня рюсский! Ты думаишь — ты «Ремба», да? Ты сичас сдохниш, как сабака!

Серёга медленно пошевелил пальцами правой руки, разогревая суставы фаланг, его рука плавно потянулась к поясу.

— Алик! Стоп! Не трогай оружие! — раздался вдруг из открывающейся двери с приспущенным стеклом громкий и показавшийся Серёге знакомым голос.

— Пачиму нэ трогай? — не оборачиваясь, визжал Алик. — Я его стырилят буду!

— Это Русак — лучший стрелок бригады, после меня, конечно! Он вас всех перестреляет как щенят, вы даже квакнуть не успеете! — из открывшейся полностью двери на траву шагнула долговязая упругая фигура. — Ну, здравствуй, командир!

— Здравствуй, Кукарача...

ГЛАВА 8. МРАЗИ. ПРОДОЛЖЕНИЕ. КУКАРАЧА

— Слышь, Алик, я с ним сам поговорю, — кивнул «джигиту» Кукарача. — Попробуем без крови обойтись, твоему бизнесу это пользы не прибавит!

— Харашо! Давай, гавари! — быстро отозвался сразу остывший кавказец. — Мне дэньги нужны и дэфка, дагаварись па харощему!

Кукарача подошёл к Сергею, подал руку. Тот пожал, затем, не отпуская Витюхиной ладони, посмотрел на неё, повернув тыльной стороной кверху.

— Невинной крови на ней много? — Сергей глубоким взглядом посмотрел в глаза Кукараче.

— Нету совсем, командир! — спокойно глядя в глаза Сергею и не отнимая руки, ответил Витя. — За всё время, что работаю на них, — он кивнул головой в сторону стоящих у машины, — убрал лишь пару мразей, таких же, как они, если не гаже. Один был чиновником, тварь продажная, крутил с квартирами стариков, другой — кидала-нарколога, попробовал «кидок» своих на триста килограммов героина повернуть, не вышло...

— И как тебе сейчас?

— Да как тебе сказать, Серёжа... — Витёк задумался на мгновение, в его сощуренных глазах блеснул отсвет страдания. — В армии было все так мутно! Свои ребята, с кем зелёнку топчешь, это понятно — мужики, герои! А чуть повыше глянь, уже не знаешь, на какую сволочь там нарвёшься! Начиная с самых верхов, ты вспомни, что ребята-ветераны про Первую чеченскую рассказывали: про суку «Пашу -мерседеса», про «Берёзу», про бабло, которое они на той войне с Дудаевым в долях срубили на крови русских и чеченов, про всю эту «бизнес-войну», где нас — как быдло и «пушечное мясо» — всё время предавали и продавали! Свои! Гори они в аду!

А сейчас! Хрен разберёт, кто там сейчас против кого, с кем и за что воюет! Разведка принесёт инфу — бах, а инфа уже у «чехов». Штурмовики пошли бомбить засечённую нами базу — опа! — там уже лишь колья от палаток да пустые консервные банки! Генералы рубят бабло на своём «товаре», полкаши на «своём», интендантура вообще ворует всё, что можно, и продаёт тем, кто денег даст — тем же «духам»!

Влоть до «мусорни» на блокпостах, которые за бабки банды пропускают, а о наших передвижениях «чехам» по мобильникам звонят! Есть среди них всех мужики непродажные? Есть! Но как их отличить от тварей, что сегодня тебе — «братишка!», а завтра труп твой за долюшку от «басмоты» твоей же родне за бешеные бабки будут впаривать?

Такие есть? Полно! Кому нужна эта война — мне, тебе, чеченам простым, салагам ихним одураченным: «Аллах Акбар», мочи «кафиров», на тебе «баксей» на жизнь родне в ауле! Тарифы помнишь? За офицера, за сержанта, за БТР, за БМП? За фугас на дороге? За отрезанные у живых мальчишек-срочников головы?

Устал я от этой долбанной непонятки, командир! Я ведь солдат, солдат хороший — знаешь сам! Я должен знать — вот враг, а вот — свои! Я должен понимать, за что воюем!

Вот ты скажи, за что ты сам сейчас этих уродов перебить готов? За деваху эту детдомовскую? Она тебе нужна? Таких кругом как грязи, они же сами к этим Аликам, Юсуфам, Магомедам в лапы лезут? Их что, всех обманом, как этих дур детдомовских, животным-туркам продают? Да большинство из них прекрасно знают, как и чем там заниматься будут! Не знают лишь, что вместо VIP-салонов их ждёт сарай, и в нём по пятьдесят скотов, а то и больше обслуживать за смену!

Ты хочешь это изменить? Вот здесь, сейчас? Прихлопнув этих трёх уродов? Да на их место завтра десять явятся! Поверь, я в этой стае уже год почти! Зверьё! Зато без лицемерия — хищные твари, и меж собой всегда договорятся, как наша мразь, друг друга не «сливают» — иначе Витю-Кукарачу к ним пришлют со «Стечкиным» с глушителем или взорвут наглядно, в воспитательных целях, чтобы другие шакалы из стаи не выбивались!

Слушай, командир, Серёжа! Ты классный мужик, за что ты сейчас хочешь воевать, за эту дуру? Да она расходный материал! Ты за неё всерьёз сейчас готов умереть или убить?

— Не только за неё, Витюша, — покачал головой Серёга, — за Родину! За собственную совесть, да и за неё тоже, конечно! Я не знаю, как тебе сейчас сказать, братишка... просто в этой девчонке для меня сейчас сошлось всё — и Родина, и совесть, и память родителей, и все наши ребята, которые со мной сражались бок о бок и умирали на моих руках, чтобы я жил! Если я эту глупую девчущку сейчас предаю — я сам себя предаю, душу свою предаю! Я всё равно жить не смогу тогда, жить с ощущением, что я — тварь продажная и трусившая сука! Поэтому, Витёк, без вариантов — «горный козёл» так не уйдёт, понты не пустят, тем более имея в арсенале — тебя! А я, живым, девчонку не отдам.

— Ты же понимаешь, Серёжа, что против меня у тебя нет шансов!

— Понимаю, Витя, но по-другому не могу.

— О'кей! Всё понял, командир, ты счастливый человек, тебе есть за что умирать!

— А ты, Витя?

— Я тоже, командир, умереть хотел за Родину, одну присягу мы с тобой давали, и... кажется, я знаю, как это осуществить! Мечтал на выходе, в бою, а придётся... Да ладно, видать планида так легла! Моя жизнь, Сергей, осталась в армии, а в тюрьму я по-любому не пойду... Не думай, командир, что Кукарача сгнил! И за «братишку» спасибо, до смерти не забуду!

— Так, значит, как?

— Так, значит, — не договорились! Ты, типа, Алику его «товар» не отдаёшь, а я, типа, — его наёмный «штык», и вариантов нету! Хозяина, как и коня, «на переправе» не меняют, а мне «в падлу» слово нарушать, даже говённому бандиту данное! Встретимся в другой жизни, командир!

— Прощай, Витя!

— Прощай, Серёжа! Да, послушай, — Кукарача вдруг улыбнулся и, посмотрев с высоты своего роста на макушку Серёги, сказал: «Что за хреновая какая-то пуговка у тебя на бейсболке, командир, ты бы её убрал!»

— Чего? — не понял Кукарачин ход мыслей Сергей. — Пуговка как пуговка, так продавалась! — он, сняв бейсболку с головы, взглянул на обтянутую тканью, круглую пуговицу и, пожав плечами, водрузил её опять на голову, прикрывшись козырьком от начинавшего слепить в глаза утреннего солнца.

Кукарача, повернувшись спиной к Сергею, пошёл к машине.

— Ну, дагаварылись? — Алик явно нервничал, наблюдая со стороны столь долгий разговор бывших сослуживцев.

— Нет, хозяин! Он «дэфку» не отдаст!

— Тагда убей его!

— О'кей! Слышь, командир! Тебя убить велют! Ну что?

— Работай, снайпер!

— О'кей! Давай по «чесноку» — «ковбойская дуэль»! Ты фильм «Хороший, плохой, злой» смотрел?

— Вместе смотрели, в армейском клубе!

— Значит, ты — «Хороший» Иствуд, а я — «Плохой» Ван Клиф! Поехали на счёт «три»! Раз, два, три!

Два выстрела почти слились в один.

Для Сергея, чьё сознание со слова «три» переключилось в какой-то особый, наверное, лишь опытным бойцам, и то не всем, знакомый режим, время пошло, как в замедленном фильме. Он видел и успевал осознавать и принимать решения в событиях, чьё время измерялось долями секунд. Его рука скользнула к рукоятке пистолета, большой палец вошёл между телом и рамой «ТТ», уткнувшись кончиком в затворную задержку, скользнул чуть вниз и лёг на скос ребристой, звёздчатой, накладки. Одновременно, все три нижних пальца — средний, безымянный и мизинец — обняли рукоять с противоположной стороны и потянули пистолет вверх из-за ремня. Указательный палец лёг первую фалангою на спуск и плавно выбрал его до упругого упора. Левая рука взлетела вверх, подхватывая на лету в складывающуюся горсть снизу, сжатую пальцами правой руки рукоятку пистолета и создавая треугольник, вершиною имевший пистолет, а основанием — грудь между плечами. Слегка пригнувшись и выводя на цель ствол пистолета, Сергей взглядом поймал на ствол верх грудины Кукарачи, то место, где обычно заканчивается ворот бронезилета. Затем он выжал спуск до конца, коротко выдохнув и задержав дыхание на выстрел. Колёсико с нарезками, венчающее, словно «ирокез», курок «ТТ» сорвалось вверх, влекомое телом курка и вздрогнуло, ударив по торцу бойка, с железным характерным звуком, услышать который перед взрывом пороха в патроне успевают лишь очень тренированные люди. Бах! — выстрел! Серёга замирает, пытаясь осознать — кто же в кого попал, и осознание это, как обычно, происходит задолго до того, как разорванные пулей нервные окончания в плоти посылают в мозг свой последний, словно звук лопнувшей струны,

сигнал. Сергей, прищурившись, сквозь лёгкий дымок выстрела видит, как его пуля входит Вите в горло, чуть выше края грудины и, пробивая ткани горлового хряща и мышцы за ним, пронзает шейный позвонок, навеки прерывая связь мозга Кукарачи с его прекрасно развитым, таким живым мгновением раньше телом. Витя, открыв рот, падает, рухнув всем телом, как бык, которому тореадор перерубает шпагой спинной мозг в задривке. Сознание Сергея сканирует себя, пытаясь распознать — куда попала пуля Кукарачи: не в голову (раз он способен думать), не в сердце (раз оно не схлопнулось, выбрасывая струи крови в грудную полость через вновь возникшие, «нештатные» отверстия). Так, значит, есть ещё огромнейшая целая секунда, в которую Сергей должен успеть отработать ещё две цели, может быть, даже три, и лишь потом разрешить себе расслабиться и позволить телу ощутить те разрушения, которые в нём, возможно, произвела пуля из пистолета Кукарачи, если она всё же в него попала...

Со стороны происходящее выглядело так.

Два выстрела одновременно, Кукарача падает, Сергей, развернувшись в сторону Алика с телохранителем всем телом, «жёсткой рамой» стреляет в ухватившегося за перламутровую рукоять кавказца. Бах! — и, пока тот падает с пробитым пулей сердцем, «жёсткая рама» уже направлена на суетливо дергающего «ПМ» из кобуры «быка». Бах! «Бык» с пробитой пулей головой рухнул рядом с ещё не успевшим начать истекать кровью телом хозяина.

Секунда, длившаяся для Серёги вечность, закончилась. Стоя с пистолетом наизготовку в тренированных руках, он обратил свой взор на ошарашенного грохотом стрельбы и всем произошедшим Ефима Григорьевича, в волнении поправляющего на носу очки.

Два человека, объединённые взаимной ненавистью, взглянули друг другу в глаза, и старший, толстенький, с прижатой к груди папкой, не выдержал взгляда спецназовца, в котором слишком ясно высветился приговор торговцу вверенными ему для сбережения телами и душами сирот.

Директор, вскрикнув, бросился бежать: сперва к реке, затем, сообразив, что там тупик, обратно, в сторону леса. Сергей опустил пистолет.

— Нелли! Взять!

Собака вылетев из-под палаточного тента, длинными прыжками мгновенно догнала пытящего и спотыкающегося о кочки человечка, ударом мощной овчарочьей груди свалила его с ног и, придавив упавшего к земле широкими, когтистыми лапами, зависла страшной клыкастой пастью над побелевшим от ужаса лицом директора детдома.

— Держать! — скомандовал Сергей и повернулся к Кукараче. Тот был ещё жив, судорожно открывал рот, словно желая сообщить Сергею что-то очень важное, и смотрел на сразившего его боевого друга призывным, требовательным взглядом.

Серёга подскочил к нему, встал на колени и склонился к лицу застреленного им «братишки». Кукарача улыбнулся. Сплёвывая всё наполняющую рот кровь, сочащуюся из простреленного горла, теперь уже бывший снайпер прошептал:

— Командир! Командир! Серёжа! Пуговку на бейсболке покажи!

Ещё не успев врубиться в смысл этой самой бессмысленной в такой момент просьбы, Сергей «на автомате» снял бейсболку и повернул её макушкой к взгляду Кукарачи. Увидев нечто, столь важное ему, Витюха весь расплылся в блаженной окровавленной улыбке.

— Попал! — выдохнул он и, закрыв глаза, умер.

Сергей взглянул на верх бейсболки. Пуговка, венчавшая её маковку, была начисто срезана пулей Кукарачи. Сергей автоматически надел бейсболку задом наперёд и, наклонившись, поцеловал покрытый смертной испариной лоб убитого им боевого друга.

Собака вдруг завyla.

Серёга, удивившись столь необычному поведению животного, встал с колен и направился к распластанному на земле телу директора, венчаемому опирающейся ему на грудь лапами и почему-то тоскливо воющей, задрав морду в небо, собакой.

Сергей, идя к этой «скульптурной группе», пытался вспомнить, выла ли при нём Нелли хоть раз за всё время их совместной жизни. Не вспомнил. Видно, всё-таки не выла.

Лишь подойдя вплотную к телу и наклонившись над ним, Сергей всё понял. Директор детского дома Ефим Григорьевич, торговец своими воспитанницами и украденным у них жильём, был мёртв. Лицо его наполовину стало багрово-синим, из носа и изо рта виднелись подтёки крови. Сосуды головы не выдержали натиска потоков крови, гонимого в них бешено работающим на адреналине стресса сердцем. А может, страх перед собачьей пастью или перед ожидающей его пулей спецназовца, или ещё что-то необъяснимое земной логикой сделали своё дело.

Сергей на всякий случай потрогал шейную артерию лежащего и, убедившись, что перед ним труп, взял из сцепленных, сведённых судорогой пальцев ту самую папку, которую так трепетно берёт усопший.

Сергей открыл потёртый простенький замочек, откинул крышку и достал из папки пачку документов, заполненных и чистых бухгалтерских бланков, счетов из прачечной и ещё каких-то неинтересных Серёге бумажонок. В отдельном конверте лежали документы Даши: паспорт гражданский, паспорт заграничный, свидетельство об окончании одиннадцати классов, генеральная доверенность от Дашиного имени на оформление и любые действия, вплоть до продажи и получения денег за полагающуюся ей от государства квартиру, выданная на имя Ефима Григорьевича Чиркина, и несколько Дашиных фотографий на документы.

Сунув пакет в широкий боковой карман своих военных штанов, Сергей почти бегом устремился к палатке.

— Даша, Дашутка, Дашенька, девочка моя! Всё кончилось! Тебя никто и никуда больше не попробует продать! — Сергей нырнул во внутреннюю часть палатки.

Даша стояла на коленях, сложив ладошки вместе и вперив свой взор в висящий перед ней на ниточке маленький алюминиевый крестик, зацепленный за пластиковую застёжку форточки. Тот самый крестик, который Сергей заметил у неё на шее утром. Она молилась — понял Сергей. Молилась так усиленно, что даже не услышала, как он позвал её и как проник в палатку.

Сергей осторожно коснулся её плеча, Даша радостно, со светлым лицом обернулась к нему!

— Дашенька, всё хорошо! Мы победили!

— Он победил, Серёженька, Он победил! — счастливо улыбнулась девушка и показала взглядом на освещённого проникшим в полумрак палатки лучиком утреннего солнца Распятого Бога.

— Он? — удивлённо глядя на засверкавший отражением солнца Крест, переспросил, садясь на корточки рядом с сияющей девушкой, Серёга.

— Да! Он! Христос, Серёжа!

— Ну, я не знаю, что сказать...

— Не говори сейчас ничего, Серёженька, ты потом поймёшь!

— Возможно! — пожал плечами Сергей. — Даша! Нам надо очень быстро уезжать отсюда, выстрелы вдоль реки всегда слышны далеко, нельзя чтобы нас здесь обнаружили...

— Да, конечно, Серёжа! — девушка быстро поцеловала крестик и надела его себе на шею. — Давай собираться!

ГЛАВА 9. БОГ

Восемь минут спустя палатка была снята и брошена в багажник вместе с тентом и невынутым из неё спальником, все остальные вещи собраны и свалены кучей там же, прямо на палатку. «ТТ» покоился в илистом дне реки, а «паджерик» Сергея, с Дашей на правом переднем сиденье и лежащей Нелли на заднем, уже вырुливал с колеи от поляны на грунтовку, ведущую к федеральному шоссе.

Четыре тела, разбросанные в разных позах по поляне, остались остывать вокруг большой чёрной, тоже мёртвой без человеческого в ней присутствия, машины. Только периодически раздавалась весёлая мелодия лезгинки, несущейся рингтоном из чьего-то мобильного телефона.

— Даша! — Сергей прервал молчание, зависшее в кабине с момента выезда с поляны. — Скажи, откуда ты всё это знаешь про религию? Крестик носишь, молишься! Неужели тебя этому учили в детском доме?

— Учили! Наверное, нашим ребятам и девочкам просто очень повезло, Серёжа! — повернулась к нему девушка. — У нас в детдоме есть Валерия Ивановна, замдир» по воспитанию, очень верующая, у неё сын в семинарии учится, а дочка замужем за священником, батюшкой Леонидом! Он молодой батюшка, но очень хороший — добрый, внимательный и очень много знает. Он всегда может ответить просто и понятно на любой вопрос, он к нам каждую неделю приходил по нескольку раз — и к малышам, и к средним классам, и, конечно, к старшекласникам! Старшекласники его очень любили и уважали, особенно девочки!

Когда у нас в детдоме сделали молитвенную комнату, отец Леонид стал служить там молебны, исповедовать ребят и девочек, привёз туда много духовных книг и сделал при молитвенной комнате библиотеку — я оттуда много книжек перечитала!

Он всех нас учил — как стать христианином, как общаться с Богом, как надо любить ближних, как надо всех прощать и никого не осуждать!

— Всех прощать! — не выдержал Серёга. — И эту сволочь Ефима Григорьевича? И тех бандитов, которые сейчас хотели меня убить, а тебя в турецкий бордель продать? Их тоже надо прощать и не осуждать?

— А мы сами разве никогда не делаем ничего плохого, неправильного? — спросила его девушка. — Я делала очень много плохого: дразнила очкариком Васю в четвёртом классе

вместе с другими детьми, а он плакал и даже разбил свои очки, чтобы его так не дразнили, хотя без очков плохо видел! Я украла у Женечки в шестом классе её коллекцию календариков, она тоже плакала очень сильно из-за этого, правда, я потом ей эти календарики под подушку подсунула... Я долго злилась на учительницу физкультуры, которая меня «глистой бессильной» называла за то, что я действительно всегда плохо на физкультуре успевала, а я её «старой жабой» про себя дразнила... Я очень завидовала Таньке Лапиной и Маратику Фаттахову, когда их усыновили... Ну, это мы все, всегда завидовали, когда из нас кого-нибудь усыновляли и забирали в семью — всем же хочется иметь маму и папу, и чтобы тебя любили! Правда из нашего детского дома не часто усыновляли... Я часто списывала у Маши по физике и по математике, я в этих предметах не очень хорошо разбиралась, я пожадничала Костику фломастеры, когда он опоздал к раздаче «гуманитарки», а мне досталось два набора, разных... Я обижалась часто, унывала, ленилась! Я столько всего плохого сделала в своей жизни, столько грехов! Как же я могу, зная это, осуждать другого человека, который тоже что-то плохое делает, тоже грешит?

Когда к Иисусу Христу привели женщину, которую по закону, за её грехи положено было камнями закидать до смерти, Христос им сказал: «Кидайте, только пусть первым из вас бросит камень такой человек, кто ни одного греха сам не совершил!» И все ушли, потому что не нашлось такого человека, который бы не согрешил никогда!

— Ну да! — кивнул Серёга. — Что-то я про это слышал, про бросание первого камня...

— Вот! Видишь — этой женщине Христос сказал: «Не осудили тебя люди? И Я тебя не осуждаю — иди и не грехи больше!»

— Только Его Самого, если я правильно помню, и осудили и распяли! Где же тут справедливость? А если Бог есть, разве Он может быть несправедливым? Разве Он может терпеть всю эту несправедливость вокруг, всех этих «Аликов», «Ефимов Григорьевичей», и прочую мерзоту? Разве Он не видит, что хорошие люди страдают, а всякое отстойное чмо процветает? Сколько я всего этого повидал и на войне, и на гражданке! Так не должно быть, но так есть! Поэтому я и не верю в Бога, ты уж меня извини, конечно...

— Скажи, Серёжа! — помолчав, спросила Даша. — Как получилось, что ты сейчас жив, а они, — Даша, вздрогнув, обернулась назад, словно могла увидеть оставшуюся на десяток километров позади поляну с убитыми, — они нет? Как ты думаешь, почему так получилось?

— Хороший вопрос! — задумался Сергей. — Честно говоря, Дарья, шансов у меня не было никаких... С теми двумя уродами, Аликом и его «бычком», справиться не было проблем, директор твой вообще не в счёт, но когда возник Кукарача, мои шансы стали равны нулю!

— Кто такой Кукарача?

— Сослуживец бывший по батальону, снайпер моей разведгруппы, лучший стрелок бригады, а может быть, и всей армии! Был... — добавил с грустью Сергей.

В том разведвыходе, когда меня ранило, у нас стояла очень важная задача, от выполнения которой много зависело в военной ситуации на территории большого района, и поэтому она проводилась максимально скрытно. Об этой операции знало всего несколько человек. Успех был почти гарантирован, и вдруг мы нарываемся на засаду там, где её быть никак не могло, причём она была явно устроена против нашей группы, нас явно ждали! Бой был очень жёсткий: погибло пятеро наших ребят — лучшие из лучших разведчиков батальона, меня ранило в позвоночник, уйти удалось только чудом — в живых осталось три человека, включая

Витю-Кукарачу, они меня и вытащили на себе!

Нас явно «слили» — продали боевикам за деньги информацию об операции и о нашем маршруте, и кто это сделал, вычислить оказалось несложно, тем более что тот подполковник уже был под подозрением в связях с боевиками. Его, наверное, ФСБ по-любому бы раскрутило, но Витя их опередил: не выдержал такого предательства и гибели близких друзей — убил того полковника, перерезал ему горло и набил рот его же деньгами. После чего сам скрылся и ушёл в «нелегалы», стал частью криминального мира, киллером — наёмным убийцей. Вот так мы с ним и встретились сегодня...

— Это тот, что лежал в джинсовом костюме? — Даша судорожно поёжилась, вновь представив себе поляну с трупами бандитов. — Его зовут, звали Виктором? Он был крещёный?

— Да, тот самый, в джинсовом костюме. Насчёт крещения не знаю, не интересовался! — пожал плечами Сергей. — Но то, что он совершил сегодня, я понять пока не могу! Логике это не поддаётся!

— Что, Серёжа?

— Он фактически отдал свою жизнь, чтобы спасти нас с тобой!

— Как это, Серёжа? Разве он не был тоже бандитом?

— Выходит, не был... Намного превосходя меня как стрелок, он сам дал мне себя застрелить, чтобы я смог ликвидировать тех, кто хотел убить меня и погубить тебя! Смотри! — Сергей снял с головы бейсболку, продолжая управлять машиной одной рукой. — Он отстрелил мне пуговицу, чтобы показать, что мог бы прострелить мне голову, но не делает это потому, потому... Невозможно ответить — почему!

Понимаешь, в бою мы много раз рисковали жизнью, прикрывая и заслоняя друг друга, но в каждом бою всегда есть шанс всё-таки остаться живым! А здесь он осознанно пошёл на гарантированную смерть, ведь он точно знал, что если он не застрелит меня — я застрелю его! Я не знаю, как объяснить, почему он так поступил! Это нелогично, это парадокс, какое-то чудо!

— «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих»! — на память прочитала. — Так, Серёжа, Апостол и Евангелист Иоанн передал слова Господа Иисуса Христа!

— Значит, выходит, что Кукарача исполнил проповедь Христа?

— Не проповедь, Заповедь! — улыбнулась Даша. — Хотя и проповедь тоже... Ты лучше не называй его больше Кукарачей, Серёжа, он раб Божий Виктор, это по-гречески значит — «победитель». Я буду теперь всегда молиться за него!

Даша перекрестилась, что-то прошептав про себя.

— Да! Точно, победитель! — кивнул Серёга. — Он победил меня...

— Он победил зло в самом себе, Серёжа! Он впустил в сердце Христа, и Христос победил в его сердце дьявола и сделал его воином Христовым — настоящим Виктором — Победителем! Если бы он не впустил в сердце Господа, он не смог бы поступить так! Он не смог бы пожертвовать своей жизнью за нас, он просто убил бы тебя!

— Он умер за Родину, как хотел, как настоящий солдат, — задумавшись, сказал Сергей. — Теперь я понимаю, почему он сказал мне, что знает, как осуществить своё желание исполнить присягу и умереть за Родину! Он в тот момент принял решение умереть за меня и тебя. Я сказал ему перед этим, что для меня сейчас Родина — это ты, моя совесть, память о тех, кого я любил. А для него Родиной стали мы с тобой, Даша! Он умер как герой!

— Но ведь и ты был готов умереть за меня, Серёжа! — девушка осторожно дотронулась до его щеки своими тонкими пальцами и посмотрела на Сергея каким-то необычно глубоким и задумчивым взглядом. — Ты ведь тоже герой!

— Какой я герой, что ты! — мотнул головой Сергей. — Витя — герой, он погиб, а я жив! Я... я просто солдат. Я просто сделал свою солдатскую работу. И, боюсь, моя война только началась...

Какое-то время они ехали молча, только Нелли, высунув язык, шумно дышала лёжа на заднем сиденье.

— А может, Он и есть, твой Бог, — задумчиво произнёс вдруг Серёга, — иначе я ничего вообще не понимаю!

Машина выехала на широкую автостраду.

ГЛАВА 10. ДЖАБРАИЛ

— Мамой клянусь, Расул! Я найду того, кто убил твоего племянника! Скажи Зайнаб, пусть осушит слёзы, этот шайтан будет проклинать тот день, когда родился! Ты знаешь, твой зять никогда не обманывал твои седины! Пусть меня не зовут больше Джабраилом, а зовут поганым псом, если я не отомщу за своего родственника! Передай родителям Алика Камалу и Шамсият, что Джабраил утешит их горе!

Джабраил положил трубку и устался на сидящего напротив его стола в глубоком мягком кресле своего компаньона Мурада!

— Этот дурак Алик мало того, что поймал где-то пулю в сердце и тем самым устроил мне геморрой с родственниками, он ещё и поставил под удар такой большой проект! Может лопнуть контракт с этим турецким бабуином Фатихом, у которого совсем перестали работать мозги и который, в свои семьдесят лет, кроме русских белобрых девок, ни о чём больше думать не хочет! Подавай ему русскую девственницу-блондинку с ногами от ушей и непременно голубыми глазами! А этот дурак Рахим уже показал ему фото какой-то детдомовской девки, которое дурак Алик послал ему с телефона! Теперь дурак Алик мёртв, дурак директор детдома, у которого он покупал эту девку, тоже мёртв! Девка исчезла, а эта старая похотливая обезьяна Фатих уже ждёт её в своей кровати и визжит, что подпишет контракт с другой транспортной компанией! Что ты так спокоен, Мурад? Как будто не твои тоже деньги вложены в эти тридцать восемь фур, которые возят сюда это турецкое дерьмо от бабуина Фатиха! Я понимаю, что моё дело возить — твоё продавать, но маржа у нас идёт с одного котла!

— Послушай, Джабраил! — молодежавый, дорого одетый, чернобровый и черноусый красавец лет сорока пяти поставил на столик у кресла толстостенный стакан с ирландским виски. — Зачем ты портишь своё здоровье, когда так нервничаешь? Тебе надо найти убийцу Алика? Напряги своих ментов, ты платишь им деньги — пусть работают! Найдут его — наймёшь киллеров у чеченов, они его грохнут! Тебе надо найти какую-то девку — пусть менты её и ищут! Найдут —

отправишь её Фатиху, не найдут — отправишь ему двух других, трёх других, целый гарем других! Надо ему белобрыхых — найдём ему белобрыхых, надо с голубыми глазами — найдём хоть с фиолетовыми, этого добра вокруг как грязи! В конце концов, Фатих не единственный турок, который хочет продавать здесь своё турецкое кожевенное дерьмо! Не надо тратить нервы на это, ты ещё кровную месть объяви, вендетту, из-за этого сопляка Алика!

— Какая кровная месть! Я плевать хотел на кровную месть, я плевать хотел на этого Алика и на этого Фатиха! Хотя условия реализации, которые даёт нам Фатих, тоже на дороге не валяются! Мне не плевать на мои деньги! Мне не плевать на мой бизнес! Ты понимаешь — кто и зачем убил дурака Алика? Ты понимаешь, кто и зачем забрал именно эту девку, которую хочет обезьяна Фатих? Ты понимаешь, кто за всем этим стоит и кому понадобилось сейчас ставить подножку нашему бизнесу? Ты понимаешь, кто из шакалов смотрит на наш бизнес жадными глазами и готов в любой момент занять наше место на рынке, стоит нам только раз по-крупному ошибиться? Я не понимаю! Меня больше всего и бесит то, что я не понимаю — кто за этим всем стоит и какие принять меры, чтобы защитить наш бизнес! Наш с тобой бизнес, Мурад!

— Ай! Не ломай голову, Джабраил! Зови ментов, пусть они голову ломают! Нервные клетки не восстанавливаются! Мы же с тобой цивилизованные люди, а не эти полудикие горные бараны, которые приезжают сюда, чтобы мы пристроили их к своим деньгам! Поедем к Валентину в клуб, проведём этот вечер, как подобает изысканным джентльменам!

— Езжай один, Мурад! Я уже вызвал сюда эту свинью полковника Хрюнова, надо же русской свинье иметь такую свинскую фамилию! Я потом, когда разберусь с этим жадным кабаном в погонах, подъеду, если всё успею решить за час-полтора!

— Ну тогда до вечера, Джабраил!

— Пока, Мурад, пока!

— Ассалам алейкум, Анатолий Михайлович! Проходи, уважаемый, садись! Хочешь чай, кофе, виски, водка? Говори, чего хочешь, сейчас угощать буду!

— Ну какой чай! — вошедший полковник водрузил пышное тело в кресло, которое недавно покинул Мурад, понюхал оставшийся после него стакан. — Вот, Джабраил, вот это, что здесь было, давай!

— Угощайся на здоровье, уважаемый! — Джабраил достал из пристенного бара бутылку и новый стакан и налил в него виски полковнику. — Что ты мне про Алика можешь сказать, нашли, кто его убил?

— Всё очень странно, Джабраил, много вопросов: зачем он там на поляне оказался, непонятно, почему в такой компании — директора детского дома Чиркина, охранника из ЧОПа Шмутко и находившегося в розыске за убийство офицера спецназовца-грушника Михалевича. Все, кроме Чиркина, с оружием, но стрелял только Михалевич, один раз. Алик, Шмутко и Михалевич убиты выстрелами из «ТТ», каждый получил по одной пуле в жизненно важные органы, все умерли практически мгновенно! Найдено только три гильзы калибра 7,62 от «ТТ» и одна от «АПС» Михалевича, в магазине пистолета которого не хватает одного патрона. Так может стрелять только профессионал высокой категории — мы сейчас проверяем всех профессиональных стрелков, которые могли находиться в этом регионе. Ещё одна загадка в том, что Михалевич — по материалам его дела — сам высококласный стрелок, снайпер разведгруппы спецназа, ветеран Второй чеченской кампании. На его счету больше

восьмидесяти разведывающих, куча наград, отличные характеристики, абсолютный чемпион бригады по стрельбе из пистолета, а смог сделать только один выстрел, и, судя по отсутствию следов крови или других признаков поражения, — неудачно! На месте преступления густая мягкая трава, следов на ней практически не осталось. Нашли только следы стоявшей неподалёку двух— или трёхместной палатки и автомобиля — очевидно, внедорожника, судя по оставленным им отпечаткам протектора на съезде с дороги. Хотя — не факт, что следы палатки и машины имеют отношение к данному убийству. Возможно, там незадолго до убийства находились рыбаки или просто отдыхающие, скорее всего, пользовавшиеся газовой плиткой с баллоном, и, очевидно, интеллигентные, так как ни кострища, ни мусора они после себя не оставили. Чиркин найдён вообще скончавшимся от кровоизлияния в мозг! Словом, ситуация крайне мутная!

Если ты хочешь раскрутить это дело быстрее, мне нужно узнать от тебя некоторые моменты, ты согласен ответить мне на несколько вопросов?

— Ты что, Хрюнов! Меня допрашивать хочешь?

— Ни боже мой, Джабраил! Просто, кроме тебя, сейчас нам никто нужной информации не даст. Ну, если ты хочешь, чтобы дело превратилось в висяк...

— Какой висяк, зачем висяк! Я тебе для чего столько денег плачу! Мне не нужен висяк! Мне нужен результат — кто и зачем убил Алика? Кто украл девку, которую Алик обещал Фатиху! Кто хочет перебить у меня важный контракт и разрушить мой бизнес? Может быть, это азиаты? Я тебе ещё денег дам, полковник, ты только найди — какой враг у меня появился?

— Деньги деньгами, Джабраил, но ими не всё сразу сделаешь... А вот про Фатиха и девку — ну-ка, ну-ка объясни поподробней!

— Да что тут объяснять, полковник! Фатих — старая турецкая обезьяна с большими деньгами и несколькими фабриками по пошиву качественных кожаных изделий, мы с ним работаем уже давно и очень выгодно! Твои ребята ездят сопровождать от границы как раз тот товар, который я вожу от этого бабуина! Этот старый развратник обожает русских девок, особенно девственниц, которых наш турецкий компаньон Рахим поставляет этому похотливому старику из числа тех дур, которых вербует здесь наше агентство по найму на работу фотомоделями за границей...

— В борделях Анталии! — понимающе кивнул Хрюнов.

— Вай, мне какая разница, где они там работают? Агентство заключает с ними контракт на работу фотомоделью, а куда их там Рахим устраивает, это не наша забота!

— Алик работал у тебя в этом агентстве?

— Ну да! Молодой дурак, вчера с гор спустился, всё из себя крутого гангстера изображал, Аль Капоне хренов! Теперь мне перед старыми дураками — его родителями — надо скорбь изображать! Не хотели, чтобы сын овец пас, хотели, чтобы бизнесменом в Москве стал? Получите вашего бизнесмена в морозильнике!

— А Чиркин ему кандидаток в «фотомодели» подбрасывал из своих детдомовок?

— Конечно! Ты сейчас откуда ещё девственниц найдёшь, которые в Турцию на работу поедут? В детдоме и то не все такие! Но этот дурак Чиркин нам хороший товар поставлял, брал, правда, дорого, но ни разу не обманул с качеством!

— Джабраил! Что-то у тебя всё дураки: Чиркин — дурак, Алик — дурак, родители его дураки?

— Вай! Умный, Анатолий Михайлович, это тот, кто живой и богатый! Кто бедный или мёртвый в наше время, однозначно, — дурак! И место ему среди баранов или на кладбище!

— Ну да, наверное... — полковник заглотив остатки жёлтой пахучей жидкости из стакана. — У тебя, Джабраил, закусить есть чем-нибудь, икорки, там, какой-нибудь?

— Вай, уважаемый Анатолий Михайлович! Для такого человека, как ты, всегда есть, конечно!
— он нажал кнопку селектора: «Лена! Быстро бутербродов с икрой сюда ко мне, осетрины и ещё, чего там есть у тебя!» Он повернулся к полковнику:

— Сейчас, уважаемый, секретарь принесёт!

— Спасибо, Джабраил, вискарь у тебя хорош, заборист, однако!

— Для дорогих гостей плохой не держим! Анатолий Михайлович, ты, как найдёшь этого нехорошего человека, который дурака Алика застрелил, его не арестовывай, хорошо? Ты мне дай знать, кто он, что из себя представляет, где он находится, а я с ним сам, по-нашему, по-кавказски поговорю, ладно? И девку эту, как найдёшь, не «закрывай», хорошо? Мне она для бизнеса с макакой Фатихом важна!

— Ну, это проблема, Джабраил! — покрутил головой полковник. — Случай не рядовой, столько огнестрелов сразу, тут и военная прокуратура может сунуться из-за Михалевича! Твой расклад может и не прокатить, сам понимаешь, там, кому надо, прилично занести придётся, ну и операм премийку в конвертике, которые искать будут, чтобы память правильно работала...

— Не вопрос! Анатолий Михайлович! Не первый день знакомы, уважим всех, кого надо будет, только ты мне этого человека найди!

В дверь, постучав, вошла секретарша в короткой юбке с подносом, заставленным закусками.

— Хорошо, сюда поставь, Лена! Иди пока!

— М-да, Джабраил! — засовывая в рот бутерброд с чёрной икрой и подставляя пустой стакан Джабраилу, проговорил Хрюнов. — Насчёт баб у тебя губа не дура! — он посмотрел в сторону закрывшейся за секретаршей двери. — Уже опять новая?

— Вай, Анатолий! — подливая ему в стакан новую порцию виски, вздохнул Джабраил. — Красивая женщина — это украшение мужчины! Но кто же носит всё время одно и то же украшение: богатство жизни — в разнообразии!

— Ну, чтоб у тебя, это, — полковник поднял налитый стакан, — с разнообразием всё было разнообразно!

— Твои слова Аллаху в уши, Анатолий! — улыбнулся Джабраил. — Значит, договорились? Ты мне — убийцу Алика, я тебе, как обычно, — зелёных президентов!

— Авансик бы надо, Джабраил, — дожевывая бутерброд, встал Хрюнов. — Сам понимаешь, накладные расходы...

— Не вопрос! Пятёрочку зелени для начала хватит?

— Десяточку бы лучше... ну давай косариков восемь, по первости сгодится!

— Вот тут семь в конверте, пока ладно, да?

— Ладно, давай семь! — полковник стоя взял ещё бутерброд с подноса. — Там у тебя рыбки такой не осталось, что тебе в прошлый раз с родины привозили?

— Лена! — крикнул в селектор Джабраил. — Там, в левом холодильнике, рыба, дай гостю одну тушку со второй полки!

— Отличненько, благодарю, Джабраил, — вытерев руку салфеткой, протянул её для пожатия Хрюнов, — бабе тоже надо гостинчика принести, сам понимаешь...

— Вай, конечно, уважаемый! — похлопал его по плечам Джабраил. — Долгой жизни и благополучия твоей уважаемой супруге, Анатолий Михайлович!

— Ну, бывай, Джабраил, будет информация — сообщу!

— До свиданья, дорогой, буду ждать известий от тебя!

Дверь за полковником захлопнулась.

— Чтоб ты сдох, жадная скотина! — выругался кавказец, набирая номер на мобильнике. — Алло, Валентин! Здравствуй, дорогой! Мурад там ещё не уехал?

ГЛАВА 11. ЯБЛОКИ

— Ты здесь живёшь? — удивлённо-радостно воскликнула Даша, когда Серёгина машина въехала в ворота его новопеределкинского «поместья».

— Да, уже полтора года! — откликнулся Сергей, заводя внедорожник под лёгкий навес из поликарбоната, сделанный им своими руками в углу двора.

— Так здорово! — не переставала восхищаться девушка. — Это яблони такие старые? А яблоки на них бывают?

— Полно! — ответил Серёга, глуша двигатель. — Несколько корзин, с верхом насыпанных, на веранде стоят. А ты что, яблоки любишь?

— Очень! — девушка улыбнулась. — Меня даже Танюшка Гришина «яблочным грызуном» дразнила! Я, когда нам яблоки в столовой давали, даже выменивала их на второе или на печенье у тех, кому яблоки меньше нравились!

— Ну вот и хорошо, — Сергей посмотрел на этого ещё, по сути, большого ребёнка, столь неожиданно вторгшегося в его жизнь. — Будет теперь, кому грызть эти корзины, чтоб не пришлось их в компостную кучу высыпать, когда испортятся, как в прошлом году!

— Яблоки — высыпать?! — ужаснулась Даша. — Несколько корзин!

— Вылезай, яблочный грызун, помоги разгрузиться, и пойдём антоновку грызть с белым наливом и китайками!

Они вылезли из машины, открыв багажник, вытащили оттуда побросанные впопыхах вещи, разобрали и сложили в чехлы палатку и спальник, повесили досушиваться на верёвке под навесом всё ещё влажные Дашины вещи, перенесли ящик с рыболовными принадлежностями

вместе с палаткой в стоявший рядом с навесом сарайчик.

Затем вошли в дом.

— Вон, грызун, твой продуктовый склад, вставай на довольствие, — указал Серёга на стоявшие в углу веранды несколько больших плетёных корзин с разложенными в них по сортам спелыми яблоками, — а я пойду в холодильнике пошарю, что-то надо и посерьёзней, чем яблоки, проглотить, после всех сегодняшних мероприятий...

— А несколько разных взять можно? — спросила девушка, с восторгом разглядывая свалившееся на неё яблочное изобилие.

— Да хоть все сразу сгрызи! — отозвался Сергей. — И не спрашивай у меня здесь «можно — не можно», тебе здесь всё можно, будь как дома!

— Спасибо, Серёжа! Просто я никогда раньше не жила в доме, где не нужно спрашивать разрешения...

— Ну!.. — не зная, что ответить, Серёга просто махнул рукой. — Набирай, сколько унесёшь, и проходи в дом на кухню, в эту дверь и налево!

Сам он вошёл в дом и, открыв шкафчик в прихожей, достал с верхней полки оставленный ему в госпитале Михой мобильный телефон. Он был разряжен. Сергей воткнул в телефон и в розетку зарядочный шнур и отправился на кухню.

Холодильник был пуст, пятидневной давности открытый пакет с творогом составлял единственное его содержимое, если не считать банку горчицы и пяток яиц на дверце. Сергей понюхал творог, поморщился — соседским курам еще, наверное, сойдёт...

Достал из шкафа пачку спагетти, банку томатной пасты, консервы «Кальмар в собственном соку». Поставил на плиту кастрюлю с водой для макарон, сковородку с налитым в неё растительным маслом, по-армейски быстро почистил и покрошил в сковороду крупную луковицу. С плиты раздалось шкварчанье и потёк сладковатый запах жареного лука.

— Так, а куда мой яблочный грызун запропастился? — вдруг вспомнил о Даше Серёга. — Неужели и впрямь последнюю корзину приканчивает?

Он вышел на веранду и остановился, созерцая открывшееся его глазам зрелище — девушка спала, свернувшись калачиком в большом старом «сталинском» кожаном кресле, сжав в тонких пальцах надкусанное яблоко.

— Ребёнка сморило! — отметил про себя Сергей. — Очевидно, защитная реакция организма — не хилую нагрузку получила её психика за последние сутки! Ладно, пусть спит, пока...

Он, стараясь не шуметь, тихонько вышел обратно на кухню, осторожно прикрыв за собою дверь. Лук уже начал подрумяниваться. Сергей открыл банку консервированных кальмаров, вывалил содержимое на пластиковую разделочную доску, мелко пошинковал и сгрёб в сковороду нарезанные кусочки. Шкварчанье усилилось. Сергей прикрыл сковородку крышкой, вывалил в миску несколько ложек томатной пасты, залил парой стаканов воды, посыпал сверху приправой из пакетика и начал вилкой размешивать содержимое миски в однородную массу. Когда консистенция жидкости показалась ему удовлетворительной, Сергей вылил содержимое миски в шкварчащую сковороду и, размешав, вновь закрыл крышкой и уменьшил высоту пламени в конфорке. Вода в кастрюле уже закипела, пора было бросать макароны. Сергей

вскрыл прозрачную упаковку, высыпал в кипящую воду чайную ложку соли, затем, помешав воду шумовкой, ссыпал в неё длинные тонкие соломинки спагетти. Присев на табуретку, он дождался, пока макароны сварятся. Время пролетело незаметно, без мыслей, без ожидания чего бы то ни было. Серёга просто сидел и молча ощущал за стеной присутствие в глубине помнящего ещё «апокалипсис» XX съезда компартии кресла этого свернувшегося котёнком в клубочек хрупкого незащитного существа, непонятным образом влетевшего в его жизнь, словно тополиная пушинка в открытую настежь форточку.

— Ну ладно, хавчик почти готов, пора будить грызуна! — Сергей слил сквозь дуршлаг спагетти, выключил конфорку под сковородой с уже готовым соусом, затем вышел на веранду, подошёл к безмятежно спящей девушке, присел рядом с ней на корточки и прислушался к её ровному, тёплому дыханию.

Веки девушки периодически чуть-чуть вздрагивали, губы слегка приоткрылись во сне, прядь её густых, несколько спутанных белокурых волос распушилась по щеке, ниспадая к тонкой, с почти прозрачной белой кожей, шее.

Сергею вдруг мучительно захотелось поцеловать Дашу — не страстно, не вожаделенно, не плотски, а как-то особенно целомудренно, нежно, словно родного, вернувшегося после долгой разлуки дитёнка — хрупкую радость стосковавшегося без любви одинокого солдатского сердца. Сергей понял, что он не сумеет так поцеловать, не сможет не разбудить и не испугать своим непрошенным проявлением сердечного чувства и без того измученную пережитыми страхами девушку. Он неглубоко, осторожно вздохнул.

— Дашенок, подъём! — Сергей тихонько пощекотал девичий нос её же собственной прядью волос.

Девушка поморщилась, чихнула, встряхнув головой, открыла глаза и, увидев напротив своего лица улыбающееся лицо Серёги, также улыбнулась в ответ.

— Привет! С пробуждением!

— Спасибо! — несколько смутилась Даша. — Я как-то случайно заснула... Ой! Это чем таким вкусным пахнет? — девушка приподнялась, принимаясь к проникшему сквозь открытую дверь из кухни запаху Серёгиной стряпни.

— Это блюдо называется «Итальянский отдых», типа, итальянцы отдыхают -засмеялся Серёга, одновременно отметив про себя, что он уже забыл, когда смеялся так радостно и непринуждённо. — Пошли, синьора с надкушенным яблоком, лопать произведение спецназовской кулинарии!

— Пошли-пошли! — соскочила девушка с кресла, уцепившись за протянутую Сергеем руку. — Ой, Серёжа, я, оказывается, так проголодалась!

Они вошли в кухню, по советской традиции совмещающую в себе обязанности и столовой и кают-компаний.

— Как у тебя тут уютно-о! — протянула Даша, с восторгом оглядывая продизайнированное ещё покойной тёткой в деревенском стиле просторное помещение. — Красиво, как в кино!

— Это ещё тетя Лиля украшала, — отозвался Сергей, — она любила все эти народные рушники, корзинки, туески берестяные, собирала их долгие годы. Теперь, вот, я в этом всё здесь живу...

— Серёжа! А давай я подежурю! Где у тебя тарелки, вилки с ложками?

— Да ладно! Садись за стол, почувствуй себя настоящей гостьей, мне быстрее самому всё поставить, чем показывать, где всё лежит, — улыбнулся Серёга, — а ты в следующий раз подежуришь!

— Хорошо! Только, чур, я посуду помою!

— О'кей! Договорились, посуда твоя, — согласился Сергей, ловко расставляя на столе тарелки, кастрюлю и сковородку с кальмарным соусом, раскладывая вилки и ложки.

— Серёжа! — осторожно промолвила девушка. — Ты не будешь против, если я перед едой молитовку коротенькую прочитаю?

— Читай на здоровье! — согласился Сергей. — Вон в углу тёткина икона висит, кажется, «Несгораемая ветвь» называется... Вроде, от пожара, что ли!

— «Неопалимая купина», Серёжа, — осторожно поправила его Даша. — Так Матерь Божью называют, потому что Она вместила в себя огонь Божества и осталась неповреждённой из-за своей святости и чистоты. А сама «неопалимая купина» переводится как «несгораемый куст», этот куст пророк Моисей в пустыне видел, и с ним Сам Бог из пламени того куста разговаривал! А куст горел, но не сгорал! Потому и — «неопалимая купина»!

— Этому тебя тоже отец Леонид научил? — с лёгкой улыбкой спросил Серёга.

— Ну да! Батюшка Леонид! Я в детской Библии прочитала, которую он мне дал!

— Тогда читай свою молитву и давай есть, пока не остыло всё!

— «Очи всех на Тя, Господи, уповают, — начала Даша, перекрестившись и глядя на «Неопалимую Купину», — и Ты даёшь им пищу во благовремени, отверзаеши Ты щедрую руку Твою и исполняеши всякое животное благоволения!» Господи! Благослови нам пищу и питье! — девушка с серьёзным видом перекрестила стоящую на столе еду.

Сергей, посмотрев на девушку, тоже несколько неуклюже перекрестился.

— Как всё вкусно! — Даша по-детски радовалась простому удовольствию, получаемому от еды. — Где ты научился так вкусно готовить, Серёжа?

— Да это так, на скорую руку, — отозвался, подкладывая девушке добавки, Сергей, — у меня мама хорошо готовила, а отец ещё лучше! Он очень любил готовить в свободное время, хобби у него было такое! А я любил помогать ему, когда он что-нибудь делал: готовил или мастерил что-то по дому — он меня многому научил!

— А кто у тебя папа, — спросила Даша, аккуратно собирая вилкой рассыпающиеся скользкие от соуса макаронины, — он жив сейчас?

— Умер несколько лет назад, через пару месяцев после смерти мамы, — Сергей перестал есть и посмотрел в окно на желтеющие листья осенних деревьев. — Мама у меня молодая умерла, в сорок семь лет, от рака. Отец её очень любил, ухаживал за ней, как самая лучшая сиделка, до последнего её вдоха. А когда она умерла, он загрустил, ушёл в себя, часто ходил гулять на Патриаршие Пруды, сидел на лавочке, где они с мамой познакомились в молодости. Там его и обнаружили, на той лавочке, думали, что заснул — стали будить, а у него сердце остановилось;

врачи написали «сердечная недостаточность», хотя он никогда сердцем не болел. Он у меня военным был, в космических войсках инженером-электронщиком, их там регулярно врачи обследовали. Отец хотел, чтобы и я пошёл в военные электронщики по его стопам, но я выбрал спецназ, разведку. Мне «зелёнку» топтать показалось интересней, чем за пультом штаны просиживать. Вот и топтал почти десять лет, пока не ранило в позвоночник...

— У тебя и сейчас рана болит? — озабоченно спросила девушка. — Может, тебе надо чем-нибудь помочь, лекарством намазать или ещё как-нибудь полечить?

— Да нет! Спасибо! — засмеялся Сергей. — Это уже не полечишь, хирург сказал, что медицина бессильна, только Бог может что-либо сделать!

— Ну вот! — обрадовалась Даша. — Это хорошо! Я и буду тогда о твоём здравии теперь молиться! Я верю, что Господь, по милости Своей, тебя обязательно вылечит!

— Ну, молись! — улыбнулся Сергей. — У тебя это, кажется, неплохо получается, судя по результатам...

Внезапно зазвонил поставленный Сергеем на зарядку телефон.

Серёга взял его, нажал кнопку ответа.

— Алло!

— Сергей! Это Михаил! Есть разговор! Ты можешь выйти за свои ворота и пройти сто метров до будки с трансформатором? Я там жду тебя в серой «Тойоте Камри» с номером 430. Прямо сейчас!

— Иду, Миха!

— Ты куда, Серёжа? — встревожилась девушка.

— Сосед попросил помочь, я минут на двадцать отойду. Ты как раз доедай спокойно и приступай к обязанностям дежурного по посуде! Договорились?

— Есть, командир! — радостно улыбаясь, «взяла под козырёк» Даша.

ГЛАВА 12. ШНУРОК

— Шнурка ко мне! — полковник Хрюнов положил трубку внутренней связи.

Через пару минут в дверь постучали.

— Разрешите войти? Капитан Шнурков по вашему приказанию яви...

— Заходи давай, — оборвал его полковник, — дверь прикрой плотнее! Подойди ближе! Глаза не отворачивай! Так, опять вмазанный?

— Обижаете, Анатолий Михайлович! Чуть-чуть коксика нюхнул для работоспособности и всё! С «белым» завязано, гадом буду!

— Да ты и так, Шнурок... Я твою задницу второй раз от уэсбэшников отмазывать не буду, спалишься с говном каким-нибудь опять, готовь сидор!

— Ни боже мой, Анатолий Михайлович! Я вас не подведу, я же понимаю, что я вам тоже нужен...

— Нужен, Шнурок, нужен! — сплюнул на пол полковник. — Слушай сюда! Вчера под Томилкиным стрельба была, троих вальнули очень профессионально, материалы с места происшествия здесь, — полковник кинул через стол папку капитану, — делом интересуются серьёзные люди, следаком по делу назначаю тебя. В группу возьми оперов только из своих, все результаты лично мне, без моей санкции никаких действий по задержанию кого бы то ни было не совершать! Только информация, но — максимально быстро и полно! Собственно, тебя учить не надо, если бы не твой собачий нюх, давно бы уже парился на зоне с наркологами! Вопросы есть?

— Вопросы... — задумчиво протянул листающий бумаги в папке с делом Шнурков. — Вопрос один, Анатолий Михайлович, как бы вам сказать, я тут поиздержался...

— На! — бросил на стол стодолларовую купюру Хрюнов. — Работай, не обижу!

— Премного благодарен, Анатолий Михайлович! — осклабился в полупоклоне Шнурков. — Разрешите идти?

— Иди, Шнурок, землю рой!

— Миха! Здорово! — Сергей уселся на правое сиденье поджидавшей его в условленном месте машины.

— Здорово, Серёга, братишка! — обнял его, с трудом развернувшись в пространстве автомобильного салона, здоровяк Михаил.

— Ну, чего вызвал с такой конспирацией? — Сергей посмотрел в глаза друга.

— Сам не догадываешься? — также прямо глядя в глаза Сергея, спросил Михаил. — Где ты вчера утром был, Серёжа?

— На рыбалке!

— Отгадай с трёх раз, братишка, откуда у меня это? — Миха достал из кармана и, развернув, показал Сергею лист с распечатанной на принтере фотографией самого Сергея, скопированной, похоже, из его личного армейского дела.

— Откуда?

— Из убойного отдела нашего УВД, Серёжа! Случайно зашёл к мужикам, по мелкой надобности, и вижу, как капитан Шнурков — редкая гниль, но профи первоклассный, твою фотку на принтере распечатывает! Я шлангом прикинулся: что за чел, говорю. А он ко мне обернулся:

— А! Шлычков! Ты же в «чечении» этой воевал?

— Было, говорю!

— А вот с этим майором Русаковым Сергеем Валерьевичем не был знаком?

— А он из наших, из «вовиков»?

— Спецназ ГРУ, разведчик!

— Не-е! Мы с «грушниками» не пересекались! У них там была своя песня, а у нас своя! Чего-то накосорезил этот майор?

— Пока не знаю, но возможно! Ты про стрельбу под Томилкиным слышал?

— Не! А что мои бойцы на задержание нужны?

— Да нет, не нужны, пока... Ладно, бывай, Шлычков, некогда мне!

— Вот такой базар у меня утром вышел, Серёжа! И что ты мне об этом скажешь?

— «Спасибо, Миха!» — скажу.

— А ещё?

— Ещё скажу, Миха, — попал я в такую передрагу, что пока не знаю, как из неё вылезти...

— Рассказывай, братишка!

— Слушай, Миха...

...и вот сейчас она у меня в доме посуду моет, а я думаю, какой дурак был, что только один ствол с войны притащил!

— Ствол вот, возьми! — Миха вытащил небольшой свёрток из-под сиденья машины. — «ПМ» из конфиската, мы там тоже, не всё оформляем, как положено... Иногда такая неоформленная волына вдруг в нужный момент в кармане у принятого бандоса обнаруживается, пока он мордой асфальт шлифует! Сам понимаешь, разговорчивость у него уже другая... Этот ствол чистый, новё! Там в кульке есть пара запасных магазинов с патронами. Это пока всё, чем я тебе могу помочь. И ещё! У меня в Тверской области есть дача — старый дом в деревне Колонтаево, только этой весной купленный, вот адрес, — Миха протянул Сергею листок из блокнота. — Там местных уже почти не осталось, одни дачники, поэтому ты там никого не насторожишь, бери девочку и валите туда по-быстрому, пока гайцов на твою машину не навели. Пересидите пока там, я — как что узнаю — позвоню на твой мобильный, симка в нём безопасная: ни на меня, ни на тебя не выведет. Но, на всякий случай, ты сам мне звони только по крайней необходимости вот на этот номер, — Миха показал номер телефона, записанный на листке с адресом. — Этот номер тоже на какого-то бомжа зарегистрирован. Ну и молись, разведка, чтобы Бог тебя из всего этого живым вывел, уже пора начинать молиться, разведчик! — улыбнулся богатырь в полицейской форме.

— У меня по этой части Дарья есть! — улыбнулся в ответ Серёга.

— Это хорошо, что она у тебя теперь есть! — хлопнул его по плечу Михаил. — Прорвёмся, спецура?

— Прорвёмся, Миха...

— Серёжа! А я уже всё перемыла и чай заварила! — радостно встретила Сергея с порога Даша. — Это ничего, что я без спросу в твой кухонный шкаф за чаем лазила?

— Чай, Дашутка, будем пить в другом месте, — на ходу отвечал встревоженно-собранный Сергей. — Можешь залить его вон в тот металлический термос! Мы сейчас быстро собираемся

и уезжаем отсюда, здесь нам быть небезопасно!

— Хорошо! Как скажешь, Серёжа! — покорно кивнула головой Даша, кидаясь к полке за термосом. — Да! Тебе на городской телефон звонил какой-то Вазген, сказал, что в твою квартиру, которую ты его родственнику сдаёшь, милиционер приходил и про тебя спрашивал!

— Быстро они, однако! — бросил на ходу Сергей, закидывая в рюкзак самые необходимые, по его мнению, вещи. — Ну как, ты готова?

— Вот, перелила! — девушка показала Сергею наполненный термос.

— Тогда, по коням: нас ждёт деревенский покой и всякая, там, красота природы! — попытался поестественней улыбнуться Серёга.

— Я готова, Серёжа, — спокойно ответила Даша, глядя ему в глаза взрослым серьёзным взглядом, — я готова!

— Тогда я пошёл к соседу, собаку на сохранение отводить!

Через пять минут машина Сергея выезжала в направлении МКАДа.

ГЛАВА 13. ШОПИНГ

— Итак! Выводы, Шнурков! — полковник Хрюнов вытер носовым платком потный загривок и блестящую от пота лысину. — Выводы на настоящий момент!

— Выводы неокончательные, Анатолий Михайлович, но близкие к ста процентам вероятности, — Шнурков полистал бумаги в папке. — Прокачав линию убитого Михалевича, находившегося с мая позапрошлого года в федеральном розыске за убийство, удалось получить от военной прокуратуры данные по нему и его преступлению. Вояки прокурорские были счастливы получить труп Михалевича и закрыть дело об убийстве им в армии полковника Мурзаева, теперь у них одним висяком меньше! Также я связался с частью, в которой служил Михалевич и получил сведения по нему и его окружению. Сам Виктор Денисович Михалевич, старший лейтенант спецназа ГРУ, выпускник N-ского военного училища, отличник огневой и боевой подготовки, снайпер разведгруппы, прозвище, оно же и позывной — «Кукарача». Чемпион части и округа по стрельбе из пистолета и снайперской винтовки, со слов сослуживцев, вообще уникальный стрелок. Это стало отправной точкой в поисках подозреваемого в убийстве самого Михалевича и находившихся с ним...

— Короче, Шнурок! Кто мог завалить этого Кукарачу?

— Исходя из предпосылки, что такой профессионал, как Михалевич, к тому же вооружённый автоматическим пистолетом Стечкина, мог быть застрелен либо из засады, либо стрелком, как минимум, не менее квалифицированным, чем он сам, я проверил все материалы обследования места преступления. Поскольку данные обследования места преступления говорят об отсутствии засады, и пуля, извлечённая из тела Михалевича, соответствует одной из трёх гильз от «ТТ», найденных на месте преступления...

— Ещё короче!

— Короче, из потенциальных кандидатов есть только бывший сослуживец Михалевича, командир его разведгруппы майор в отставке по ранению Русаков Сергей Валерьевич, прозвище и позывной «Русак», чемпион по стрельбе из пистолета и по офицерскому

пятиборью, имеющий две квартиры в Москве, проживающий в частном доме в посёлке Новопеределкино, владеющий автомобилем «Паджеро Спорт» с номерным знаком «,,,,», увлекающийся рыбалкой и выезжающий с этой целью преимущественно на водохранилища и реки О-ского района Московской области, в том числе и в район села Томилкино, близ которого и находится место преступления. Мотивы преступления не понятны, версия криминальной разборки маловероятна, скорее, какие-то армейские счёты, присутствие на месте преступления тела умершего от кровоизлияния в мозг директора областного детского дома № 14/61 Чиркина тоже пока не находит себе объяснения. Убитый Хамзатов и его охранник Шмутко...

— Это не важно! Где сейчас этот Русаков?

— Русаков скрылся на своём автомобиле в неизвестном направлении. Обыск, произведённый в его новопеределкинском доме, извиняюсь — без официальной санкции...

— Плевать!

— Обыск показал, что с ним в доме, возможно, была молодая женщина, ростом около ста семидесяти сантиметров, худощавая, судя по одежде, оставленной ею сушиться под навесом для автомобиля, со светлыми волосами, несколько из которых найдены нами в кресле на веранде дома. Судя по обстановке в доме, Русаков и его спутница покинули дом впопыхах, примерно за полтора часа до прибытия туда моей оперативной группы. Сотрудники областного ГИБДД оповещены о номере и марке автомобиля, на котором скрылся подозреваемый, его фотографии разосланы на все стационарные посты ДПС.

— Хорошо, Шнурок, молодец! — полковник с довольным видом встал из-за стола. — Держи меня в курсе событий по этому делу, помни, важен только Русаков, в остальное пока не лезь! Как только по Русакову поступит новая информация сразу звони мне на личный мобильный, понял?

— Понял, Анатолий Михайлович, только...

— Что только?

— Ну, «молодец» это, конечно, приятно, но...

— На, держи! — бросил несколько стодолларовых купюр на стол Хрюнов. — Тебе и твоим парням. Работайте, это аванс!

— Так точненько, работаем! Не покладая сил, Анатолий Михайлович! — радостно сгребая купюры, залебезил Шнурков. — Как только — так сразу!

— Машину мне! — бросил в трубку внутренней связи полковник.

— Слушай, Дашутка! — Сергей гнал машину по левой полосе МКАДа. — Тебя бы приодеть надо! А то твои одёжки мы впопыхах забыли, да и уже не по сезону они! А в моей обмундировке ты, конечно, классно выглядишь, но совсем уж по-туристически! Сейчас скоро гипермаркет будет, последний большой из Москвы, давай заедем и приоденем тебя малость!

— Хорошо, как скажешь, Серёжа! — отозвалась девушка, посмотрев на него улыбающимися голубыми глазами.

— О! Вот и приехали, — Сергей включил поворотник и, перебравшись на правую полосу, начал

притормаживать, готовясь к повороту на стоянку гипермаркета.

— Вылезаем! — машина остановилась на громадной площади автостоянки около растянувшегося на полкилометра ангара универсального торгового центра. Сергей вынул из данного ему Михой свёртка пистолет, проверил наличие патронов в магазине, сунул пистолет за пояс и прикрыл его джинсовой курткой. Запасные магазины разложил по боковым карманам камуфляжных штанов, накинул через плечо ремень сумки с кошельком и документами, своими и Дашиными, поставил машину на сигнализацию и, взяв девушку за руку, направился к входным стеклянным дверям.

— Ой, Серёжа! Какой большой магазин! Я в таком никогда не была! — поражённо огляделась Даша, когда они оказались внутри торгового комплекса.

— В жизни всё когда-нибудь бывает в первый раз! — улыбнулся Серёга. — Давай на плане посмотрим, где тут у них женская одежда! О! Да тут её полно! — воскликнул он, обнаружив на плане длинный список бутиков в разделе под заголовком «Одежда для женщин». — Ладно, пойдём по порядку! Начнём вот с этого конца!

— Серёжа! — Даша придержала Сергея за руку, когда они проходили мимо бутика женского белья, и смущённо опустила глаза. — Мне бы в этот магазин тоже надо...

— А! Ну да! Прости, тормознул головой, — спохватился Серёга. — Возьми кошелёк, выбери там сама, что тебе надо, я посижу здесь. — Он показал на банкетку рядом с небольшим фонтаном.

— Ты только не уходи никуда, ладно? — Даша испуганно оглядела наполненное снующими посетителями гипермаркета пространство вокруг. — Я боюсь потеряться!

— Ничего не бойся, Дашонок! — Сергей успокаивающе погладил её по руке. — Я буду сидеть здесь и видеть тебя через стеклянную стенку.

— Хорошо, я быстро! — девушка нырнула в открытые двери бутика.

Однако Сергей даже не успел расположиться как следует на банкетке, как Даша показалась обратно в дверях с широко открытыми от страха глазами.

— Серёжа! Пойдём отсюда! Там всё такое дорогое! Я не представляла, что это может так много стоить!

— Так, Дарья! — взял на себя командование Серёга, вставая с банкетки и направляясь к дверям бельевого бутика. — Времени у нас нет, чтобы искать, где подешевле, поэтому пошли вместе, сейчас разберёмся!

— Ой! Серёжа! Мне неловко, что ты туда со мной зайдёшь! — Даша, покраснев, потупила взор.

— Пошли, наша! Чего стесняться, стесняться нужно только подлости и вранья, — Сергей решительно ввёл девушку в магазинчик и направился к прилавку с кассой, за которым томно дефилировало благоухающее духами, ярко раскрашенное создание.

— Девушка! Мне вот на неё, — Сергей показал на сгорающую от смущения Дашу, — надо трусиков несколько штук и лифчиков!

— Бюстгальтеров! — окинув Сергея взглядом королевы, снисходительно поправила его продавщица. — Вам бельё какой фирмы? Французское, итальянское? Есть «Dim», «Васи

lingerie», «Calvin Klein», «Incanto»! Вам комплектами или отдельно?

— Так, красавица, давай-ка каждой фирмы, что ты назвала, по два комплекта, — Серёга посмотрел на продавщицу взглядом командира разведгруппы, — и отдельно трусиков, тоже каждой фирмы, по паре штук, и в темпе марш-броска, пожалуйста!

— Вы представляете, сколько это будет стоить? — ещё раз окинув теперь уже удивлённым взглядом прикид покупателей, спросила продавщица.

— Красавица! — с нотками стали в голосе произнёс Сергей. — Мне некогда представлять, радиатор закипает, товар в пакет — бегом марш!

«Красавица», почуяв шестым чувством, что лучше выполнять команду беспрекословно, моментально заполнила большой фирменный пакет упаковками с указанным бельём, приняла деньги, выдала сдачу и облегчённо выдохнула, глядя в спины покидающих бутик спецназовца с девушкой.

— Ух! Ну ты и строгий, Серёжа, оказывается! — приходя в себя от смущения, выдохнула на ходу Даша, держа в руках большой пакет с предназначавшимися ей обновками. — Что я теперь буду со всем этим делать?

— Носить и радоваться! — Сергей уже углядел своим острым взором другую витрину с выставленными в ней манекенами, изображающими стильных молодых леди. — Нам сюда! Вот здесь, смотри!

— Серёжа! — растерянно проговорила Даша, войдя в большой зал, сплошь заставленный вешалками с разнообразной одеждой, и изумлённо оглядываясь в окружающем её одежном изобилии. — А что мне смотреть-то надо?

— Я могу вам быть чем-нибудь полезна? — словно из ниоткуда возникла рядом с Сергеем и Дашей среднего возраста, с внимательным взглядом продавщица. — Вам помочь что-нибудь выбрать?

— Да, конечно! — откликнулся Сергей. — Будьте любезны, помогите мне приодеть сестрёнку! Что-нибудь повседневное, практичное, что-нибудь спортивного типа и какое-нибудь платьице понарядней!

— Цена имеет значение?

— Имеет значение качество и время, мы немного торопимся!

— Никаких проблем! Как вас зовут, милочка?

— Даша! — всё ещё ошалело озираясь вокруг, ответила девушка.

— Пойдёмте, Дашенька, вон к тем примерочным, сейчас мы вам всё подберём!

— Виолетта! — обратился Сергей к продавщице по имени, написанному на золочёном бейджике, приколотому к её жилету. — Присмотрите, пожалуйста, за девочкой, я отлучусь в спортивный отдел ненадолго!

— Не беспокойтесь! С ней всё будет в порядке! Дашенька, вам какой цвет джинсов больше нравится: серый, голубой, коричневый? — приобняв Дашу за плечи, продавец-консультант

Виолетта повела девушку в сторону примерочных.

— Серёжа! Ты недолго, да? — обернулась к Сергею Даша.

— Шустрой мышью! — улыбнулся в ответ Серёга и вынырнул из бутика.

ГЛАВА 14. ПРИГОВОР

— Вай! Анатолий Михайлович, дорогой! Я всегда чувствовал, что мы найдём точки, в которой пересекаются взаимные интересы, и окажемся весьма полезны друг другу!

— Мой интерес прост, Мурад! Доля в бизнесе, стабильная часть в прибылях! — полковник смотрел в глаза кавказца жёстким, холодным взглядом. — Все эти одноразовые и временные бабки меня больше не устраивают! Я готов работать только за долю в бизнесе!

— Это мудрый подход, уважаемый! Я бы сказал, современное экономическое мышление! — взгляд Мурада был подстать взгляду полковника, только ещё что-то звериное, волчье, иногда посверкивало в уголках его чёрных блестящих глаз. — Я могу предложить половину доли Джабраила! Мы с ним имеем по половине этого бизнеса, соответственно, двадцать пять, даже тридцать процентов от общей суммы я могу предложить вам, уважаемый полковник!

— Почему не всю его долю?

— Минимум двадцать процентов я должен отдать людям, что будут прикрывать меня от проблем, которые возникнут с притязаниями на бизнес со стороны родственников Джабраила. К сожалению, это неминуемая плата за реорганизацию бизнеса!

— Реорганизацию? — ухмыльнулся Хрюнов. — Вот, бл..., слово ведь какое культурное! Хрен с ним! Пусть будет реорганизация! А как насчёт доли во внутреннем, втором бизнесе, Мурад?

— О чём ты говоришь, уважаемый? — в глазах Мурада вспыхнула тревога. — Какой такой второй внутренний бизнес?

— А тот, про который даже Джабраил не знает, только ты! Да ещё я, вот, разнюхал! Про пакеты с белым порошком, которые в упаковках с кожаными куртками провозят, потом у тебя на складах разгружают и оптом реализуют! Как насчёт доли в этом бизнесе, Мурад? Думаю, там бабки посерьёзней, чем в кожаном барахле, крутятся?

— Вай! Анатолий Михайлович! Раз уж ты про этот бизнес узнал, тогда знай и то, что в этом бизнесе моя доля всего десять процентов — за трафик и временное хранение! Тут других людей деньги крутятся, таких, что нам с тобой и не знать лучше!

— А нам знать лишнего и не надо, Мурад! — полковник откинулся в кресле, пальцы его ритмично перестукивали по подлокотнику. — Только раз их товар на твоих фурах и под охраной моих ребят возят, значит, и мы в этой теме не самые последние винтики! Не то обходились бы и без нас, своими каналами! А так — могут и ещё на десять процентов подвинуться, мы же с тобой на равнях идём, так, Мурад? Так что ты поговори с этими «большими пацанами», скажи — новый акционер в долю просится, нужный для бизнеса акционер, очень нужный!

— Что же, поговорю, Анатолий Михайлович! Думаю, твои аргументы будут убедительными для всех! Тем более что при твоём участии этот бизнес может быть и расширен, с соответствующим увеличением прибылей!

— С этим разобрались! Буду ждать ответа! — полковник вынул из кейса папку с делом. — А теперь давай решать, что с Джабраилкой делать будем? У меня информация по его стрелку уже есть, это профессионал — разведчик спецназа ГРУ, думаю, скоро мне и лёжку его достанут. Девка, скорее всего, тоже с ним вместе!

— Вай! Это хорошо, Анатолий Михайлович! Пусть Джабраил пока думает, что это азиаты под его бизнес копают! И трезвонит об этом среди родни, как он всегда делает, словно баба! Нужно, чтобы этот стрелок вместе с девкой пропали, исчезли навсегда! Тогда и Фатих с Джабраилом рассорится окончательно, и тема азиатов уже не опровергнется никем! И если Джабраила найдут расстрелянным на дороге в машине, пусть его родня, а там, поверь мне, тоже не все простые, решает: азиатов или Фатиха в этом обвинять! Ну а со следствием по его убийству ты, я думаю, всё сделаешь как надо!

— А если Фатих и впрямь контракт расторгнет? От кого кожу возить будем?

— Вай! Уважаемый полковник! Таких Фатихов пол-Турции к нам прибежит, шить не велика мудрость, важно продать! Да и ты уже сам знаешь, что не с кожи основные деньги идут...

— Ох и коварный вы народ, кавказцы! — покачал головой Хрюнов. — Как ты, однако, всё премудро рассчитал! Был Джабраил и нет Джабраила!

— Ничего личного, только бизнес, как говорится в одном великом американском фильме! Наши народы небольшие по сравнению с вами, русскими, и там, где вы массой давите, нам головой работать приходится! Исторически обоснованная эволюция, уважаемый!

— Эволюция, однако! — полковник убрал папку в кейс. — Только, Мурад, торпеды ты отправляешь! У меня таких специалистов нет, чтобы грохнуть, а потом и самим, если понадобится, исчезнуть! Розыск мой, рулёжка следствием моя, а уж киллеров ты среди своих «зелёных братьев» доставай!

— Вай! С этим нет проблем, Анатолий Михайлович! Кавказская война нам столько специалистов наготовила! Кроме как убивать и умирать, ничего не умеют! Но уж что умеют, то умеют как следует! Значит, по всем вопросам договорились? По рукам, уважаемый Анатолий Михайлович?

— По рукам, Мурад! Только «братом» меня не назови, а то у вас как братом назовут, так жди кинжала в спину!

— Зачем братом! Компаньон!

— Ну, пока, до связи, компаньон! Готовь торпеды!

— До связи, дорогой! Приготовлю!

Хрюнов вышел. Мурад взял телефон, набрал номер.

— Алло! Ассалам алейкум, Умар!

— Ва-алейкум ассалам, Мурад!

— Дело есть, надо поговорить, Умар!

— Приезжай, куда обычно, Мурад!

— Сегодня в девять, хорошо?

— Жду в девять, Мурад!

— Хорошо, в девять буду!

— Алло! Валентин! Здравствуй, дорогой! Джабраилу, если приедет вечером, скажи — Мурад новую женщину встретил, с огненными глазами! Пусть не ждёт меня сегодня в клубе! Дай тебе Аллах всякого благополучия, Валентин!

— Серёжа! Это тебе нравится? — Даша робко стояла в распахнутых шторах, только что закрывавших вход в кабинку примерочной. На ней было тонкое изящное платье цвета морской волны, лёгкое, опускающееся чуть ниже колен, с небогатой, но элегантной отделкой из искусственного речного жемчуга. Волосы её были окутаны дымкой тонкого шарфа, такого же нежного оттенка, как и платье, на ногах были надеты маленькие лёгкие туфельки на невысоком каблукке, синие, с маленькими пряжечками из такого же, как на платье, жемчуга. Её тонкая гибкая фигурка деликатно обрисовывалась этим платьем, широко открытые голубые глаза углубились и засверкали в обрамлении дымчатого шарфа, выбивающиеся из-под него пряди белокурых волос, словно дизайнерскими кистями, обрамляли грациозную девичью шейку.

Серёга обомлел.

— Ба-лин! Вот это да!... — всё, что смог из себя выдать поражённый неожиданным зрелищем спецназовец.

— А то! — довольно подмигнула Даше Виолетта. — Милочка, ты просто фотомодель!

— Ой! — испуганно вздрогнула Даша. — Пожалуйста, не называйте меня этим словом!

— Хорошо, хорошо, деточка, — успокаивающе коснулась её плеча продавщица, — просто Принцесса! Вы согласны? — обернулась она к пребывающему в ступоре Серёге.

— Не то слово! Виолетта, вы волшебница!

— Уж больно «исходный материал» хорош, — удовлетворённо улыбнулась Виолетта. — Теперь вашу «сетрёнку» хоть на кремлёвский приём отправляй или на «красную дорожку» в Канны! Дашенька, вы в этом платьишке пойдёте или в джинсовом комплектике?

— Я, я, наверное, лучше в джинсах поеду и в кофточке, которую вы мне подобрали!

— Хорошо, милочка, сейчас я вам всё остальное упакую! А вы, — она обернулась к Сергею, — готовьтесь к новым потрясениям! В джинсовом варианте Даша не менее восхитительна!

— Типа, понял! — вздохнул Серёга. — Готовлюсь! Вот, возьмите сумку спортивную, я её только что в туристическом отделе купил, туда можно Дашину одежду, в которой она приехала, положить и всё, что она не наденет!

— Отлично, — сказала Виолетта, — давайте вашу сумку, пусть у девочки в новой одежде начнётся новая жизнь, тоже красивая и светлая!

— Дай Бог! — произнёс Сергей и удивился собственным словам.

— Мне так неловко, Серёжа! — шепнула Сергею Даша, когда они, выйдя из одёжного бутика,

шли по длинному, широкому, как улица, коридору торгового центра, обрамлённому с обеих сторон стеклянными дверями и витринами бутиков и магазинчиков. — Мне кажется, что все на меня смотрят, особенно мужчины!

Даша шла в серо-голубых джинсах из тонкого денима, серовато-бежевой вязаной кофточке из тонкой пряжи и лёгких мокасинчиках из серой замши.

— А что же на тебя не смотреть, — улыбнулся в ответ Серёга, — если ты такая красавица!

— Но ведь я и раньше была такая же, как сейчас! Я просто надела другую одежду!

— Так люди и видят, прежде всего, одежду, — ответил Сергей, — они же не знают, что ты и душой такая же красивая!

— Серёжа, ты неправду говоришь, — смутилась Даша, — я просто неразвитая детдомовская девчонка, которая и в магазин-то такой в первый раз попала, и всего везде боится! Если бы не тётя Виолетта, я бы никогда не смогла так красиво всё подобрать!

— Это её профессия, — ответил Сергей.

— Она ещё и человек хороший, Серёжа, — горячо отозвалась Даша, — она очень по-доброму ко мне отнеслась, от души! Не так, как в бельевом отделе...

— Ну что же, продавщицы тоже разные бывают! — Сергей пропустил Дашу впереди себя в автоматически открывшиеся входные двери. — Так, где там наша машина?

И вдруг замер.

— Стоп, Даша! Не смотри в ту сторону! Медленно повернись ко мне, идём обратно в магазин!

Около Серёгиной машины стоял полицейский «Форд Фокус», один из полицейских заглядывал внутрь внедорожника сквозь боковое стекло, другой разговаривал с кем-то по рации.

ГЛАВА 15. БЕГСТВО

— Думаю, тебе придётся нанять нескольких бойцов, Мурад! — благородного обличья пожилой кавказец погладил аккуратно подстриженную седеющую бороду. — Такой профессионал, как этот твой Русак, непростая цель! Надо будет подобрать сильную группу опытных бойцов, это будет недёшево стоить!

— Вай, Умар! Разве я когда-нибудь торговался с тобой? — почтительно-удивлённо отозвался Мурад. — Ты говоришь цену, я кладу на стол деньги!

— Хорошо, Мурад! Я приготовлю людей, и, как только ты дашь мне информацию о цели — имя, желательную фотографию, место, где цель находится, — люди поедут туда и сделают свою работу. Этим людям тебе знать не нужно, будешь иметь дело только со мной. Когда ты дашь мне информацию о цели?

— Не могу сказать точно, Умар! Как только цель засекут менты, они сдадут её мне, а я сразу передам информацию тебе!

— Хорошо, Мурад!

— Есть ещё одна цель, Умар, только для неё не нужен опытный киллер, достаточно человека, способного держать в руках оружие, который потом исчезнет сам и никогда никому не доставит проблем!

— Тебе нужен «одноразовый киллер», Мурад?

— Именно так, Умар, какой-нибудь бомж, наркоман, которого не жалко терять...

— Есть у меня такой человек, Мурад, — русский! Он воевал срочником во Вторую федеральную кампанию против Ичкерии, попал к нашим в плен, со страху отрёкся от своих, признал себя мусульманином и стал воевать на нашей стороне!

— А он не захочет сдаться властям?

— Он знает, что у нас есть видео, как он расстреливает пленных русских солдат, у него нет дороги к своим, его не простят. Недавно его привезли в Москву для одной работы, но я могу использовать его в твоих целях, Мурад! Он слишком много употребляет наркотиков в последнее время, я думаю, что его надо использовать сейчас, скоро он может стать совсем ни на что не годным! Он сделает свою работу и сам пропадёт, Мурад! Кто вторая цель?

— Вторая цель — Джабраил!

— Твой компаньон? — кавказец с благородным лицом приподнял бровь и взглянул в глаза Мураду.

— Мой компаньон, Умар! Он стал мне мешать в бизнесе, я могу потерять большие деньги из-за его действий, потерять доверие других компаньонов, которые очень важны для моего бизнеса!

— Мне не нужно знать ваших отношений, Мурад! Это твоё решение, как поступать с твоими компаньонами или кем-то другим, для моего бизнеса это неважно. Ты называешь цель, платишь деньги и получаешь сделанную работу! Когда Джабраила нужно будет убрать?

— Как только начнётся работа по первой цели, Умар!

— Хорошо, Мурад! Я подготовлю людей и буду ждать от тебя сигнала, когда начинать работу!

— Договорились, Умар! Тебе нужен аванс или отдать сразу все деньги за работу вперёд? — Мурад потянулся рукой к внутреннему карману пиджака.

— Ненужно, деньги отдашь после сделанной работы, как обычно.

— Тогда я прощаюсь с тобой, Умар! Жди от меня сведений в ближайшее время!

— До связи, Мурад, буду ждать!

Мурад встал с дивана, на котором он сидел во время разговора с Умаром, пожал руку хозяину дома и вышел из комнаты. Умар взял в руки маленькую рацию:

— Леча! Приведи ко мне Якуба, Магомеда и Эдика-Латыша! Пошли Зелимхана к Ахмеду, пусть перестанет давать наркотики Ваське, он скоро понадобится! Пусть его немного поломают!

— Что случилось, Серёжа? — Даша обеспокоенно вцепилась в Серёгино предплечье.

— Кажется, нам уже сели на хвост... — ответил Сергей, быстро оглядывая пространство вокруг

и лихорадочно обдумывая пути отступления.

— Сели на хвост? — не поняла девушка.

— Скажем так, преследователи вышли на наш след! — поправился Сергей. — Очевидно, гайцы или ППС-ники обнаружили мой автомобиль, уже заявленный в розыск, и сейчас докладывают об этом начальству. Надо срочно уходить отсюда, пошли вон туда!

Сергей быстро двинулся, увлекая за собой встревоженную девушку, ко второму выходу, расположенному с противоположной от автостоянки стороны здания. Быстро оглядев пространство за стеклянной стеной с автоматическими дверями и не заметив явных признаков опасности, Сергей вывел девушку наружу и, смешавшись с толпой направлявшихся к фирменному автобусу гипермаркета покупателей, приблизился к проезжей части перед входом в торговый центр. Внезапно почти прямо перед Сергеем, чуть-чуть не доехав до автобусной остановки, с металлическим писком стёршихся тормозных колодок, резко остановилась выдавшая виды четвёрка, с затонированными окнами и бесшабашным «джигитом» за рулём. Выпустив из недр машины пожилую, скромно одетую супружескую пару, джигит начал складывать в кошелёк, видимо, полученные от пассажиров смятые десятирублёвые купюры, расправляя бумажки и покачивая головой под льющуюся из дешёвой автомагнитолы бойкую мелодию лезгинки.

Серёга мгновенно подскочил к водительскому окну.

— Свободен, шеф?

— Свободен! Садись, дорогой! Куда едем?

— Я покажу, — бросил Сергей, открывая заднюю дверь и заталкивая туда девушку вместе с набитой вещами спортивной сумкой. — Сейчас налево и на трассу, в сторону Твери, — указал он рукой водителю по направлению к выезду от торгового центра.

— Как далеко ехать? Сколько денег заплатишь? — поинтересовался «джигит», трогаясь резким рывком с места.

— Ехать недалеко, заплачу, сколько сам попросишь! — ответил Сергей, устраиваясь в неудобном жигулёвском кресле.

— Вот это хорошо! Ты хороший клиент! — улыбнулся Сергею черноволосый небритый водитель. — Я по-честному попрошу: не бойся!

— Я не боюсь, — вздохнул Серёга, — отвык бояться...

Гремя лезгинкой, машина вырулила на трассу и понеслась вдаль от первопрестольной.

«Почему стоишь в черкеске? Потому что я черкес!

Почему кинжал твой острый? Он врагам головорез!

Отчего ты сердцем в небе? Оттого, что в сердце — бес!

Почему ты смотришь гордо? Потому что я черкес!»

— Простите, пожалуйста! — Даша осторожно наклонилась вперёд с заднего сиденья. — А вы настоящий черкес?

— Нет, уважаемая! — засмеялся в ответ водитель. — Я даргинец, из Дагестана, из Махачкалы! Почему ты спрашиваешь?

— Песня такая... «головорез... в сердце — бес»...

— Да что ты, уважаемая! — ещё больше засмеялся водитель. — Какой там бес! В сердце одно желание — денег заработать, семью прокормить! Видишь, сюда к вам приехать приходится зарабатывать, у нас там очень плохо с работой! Это ненастоящая кавказская музыка, это так, папса! Это как у вас «Ранетки» или «Виа-гра»! Ваша русская музыка народная тоже красивая, душевная, настоящая, а то, что по радио и по телевизору крутят, — это не настоящая, это папса! Наша настоящая музыка тоже красивая, тоже душевная!

— А зачем вы её тогда слушаете? А не настоящую музыку?

— Настоящую музыку здесь слушать нельзя, душа болеть будет, домой проситься! В машине надо такую, чтобы подхлестывала, чтобы уснуть не давала! Вот как этот «Черкес» идиотский! Домой приеду с деньгами, там настоящую буду слушать!

— Вот здесь останови! — Сергей показал на небольшой придорожный рынок, раскинувшийся между деревьями на окраине маленького сельца. — Тут, перед автобусной остановкой!

— Пажалуста, уважаемый! — шофёр повернулся к Даше назад. — Вы с мужем приезжайте к нам в Дагестан, там увидите настоящий Кавказ и настоящих кавказцев, услышите настоящую кавказскую музыку! Здесь в Москве не любят кавказцев, но тех кавказцев, что вы здесь видите — они не самые хорошие люди, они себя и ведут так, потому что не дома, думают, что здесь всё можно, особенно молодёжь! Там у нас молодёжь по-другому себя ведёт, и взрослые тоже!

— Спасибо! Мы как-нибудь приедем, да, Серёжа?

— Да, конечно! — Сергей подал водителю деньги. — Достаточно?

— — Вах! Конечно, уважаемый, очень достаточно, — водитель радостно принял крупные купюры. — Дай вам Бог здоровья и благополучия! Приезжайте к нам с женой!

— Как только — так сразу! — отшутился Серёга, помогая Даше выбраться из машины и протягивая водителю ладонь для рукопожатия. — Ты, брат, не думай, я почти семь лет на Кавказе служил; таких трудяг и гостеприимных хозяев как там, нигде больше не видел и никогда нормального человека с бандитской мразью не спутаю. Всего доброго, уважаемый!

— До свиданья, дорогой!

Машина сорвалась с места и, развернувшись через сплошную линию, помчалась к Москве, оглашая пространство бравурными руладами: «Отчего ты сердцем в небе? Оттого, что в сердце — бес!»...

— Когда поедешь в Дагестан с мужем? — Сергей, улыбаясь, посмотрел Даше в глаза.

— Ну Серёжа! — смутилась девушка. — Я же так сказала, для конспирации...

— Ну, раз для конспирации, — понимающим тоном подхватил Сергей, — тогда пойдём, выясним, когда и куда здесь ходят автобусы!

— Пойдём, Серёжа! — не поднимая на него глаз, согласилась девушка.

Сергей поправил на плече сумку, и они отправились к стенду с расписанием автобусных маршрутов.

ГЛАВА 16. ХРАМ

— Эдик! А ты почему русских не любишь? — спросил Эдика-Латыша молодой чернявый Якуб, снимая с шампура на блюдо зарумяненные куски ароматно пахнущего шашлыка.

— А за что мне их любить? — флегматично бросил высокий, атлетически сложенный Эдик, перекладывая из одной руки в другую тугое замусоленное кольцо резинового кистевого эспандера. — Русские всегда были для нас, латышей, оккупантами: и в царское время, и в советское. А ты сам за что их не любишь?

— Как за что? Они ко мне домой с оружием пришли, они моих сородичей убивали! Мы у себя дома хотим по-своему жить, по своим обычаям, религии, а не так, как они нам навязывают! Депортацию тоже русские с нами сделали, сколько наших людей в Сибирь отправили, в Казахстан! За что мне их любить?

— Депортацию Сталин сделал, он грузин был, не русский, — также флегматично протянул Эдик, — нас, латышей, тоже депортировали в сорок первом году и в сорок девятом году.

— Магомед! — Якуб повернулся к смуглому, средних лет, худому жилистому мужчине, сидевшему с поджатыми «по-турецки» ногами на лавочке напротив входа в парильное отделение сауны. — Ты вообще иорданец, ты-то почему русских не любишь?

— Почему не люблю? — осклабился ухмылкой Магомед, лицо которого, украшенное косым шрамом через всю левую щеку, сделалось от этой ухмылки похожим на маску демона. — Я русских очень люблю... резать! Стрелять тоже хорошо, но резать лучше! Как тупых баранов резать и смотреть, как они подышают! Когда хорошие деньги за это платят, ещё больше люблю! Хаттаб хорошие деньги платил, Умар тоже хорошие деньги платит, только работы мало...

— Скоро будет работа, Магомед! — сказал вошедший в сауну Леча. — Умар к себе зовёт, заканчивайте балдеть тут и через полчаса в дом к Умару!

— Хорошо, Леча! Работа — это хорошо, без работы скучно тут сидеть! — Магомед встал с лавочки и пошёл в раздевалку.

— Э-э, Магомед! — позвал его Якуб. — Ты куда, давай шашлык есть по-быстрому!

— По-быстрому сам ешь, — отозвался из раздевалки Магомед, — шашлык не хочу, работу делать хочу!

— Ну, смотри... — протянул Якуб, вонзаясь зубами в кусок прожаренного мяса. — Шашлык не ешь, сил не будет работу делать! Так, Эдуард?

— Я не Эдуард, я Эдгарс, — спокойно ответил латыш, разрезая ножом мясо на блюде. — Хорошо ешь — хорошо работаешь, хорошо работаешь — хорошо ешь!

— Алло! Вазген, слушай! — Сергей повернулся спиной к стеклянной двери в кабинке для междугородних телефонных переговоров на переговорном пункте тверского почтамта. — Вазген! Переправь мне деньги за этот месяц на тверской почтамт, до востребования, предъявителю водительских прав под номером! Понял?

— Подожди! Ещё раз номер продиктуй, так, всё правильно записал! Хорошо, Сергей, сегодня, через час, отправлю!

— Спасибо, Вазген! — Сергей положил трубку и, открыв дверь, вышел в зал переговорного пункта к поджидавшей его на скамейке Даше.

— Поговорил? — спросила Сергея девушка. — Куда мы теперь пойдём?

— Куда? — Сергей задумался. — Смотря сколько у нас будет свободного времени! Сейчас выясним в отделе переводов, как скоро дойдут сюда деньги, отправленные сегодня из Москвы.

Они подошли к стойке с надписью «Переводы денежных средств».

— Девушка! — Сергей обратился к сидящей за стойкой сотруднице почтамта. — Если из Москвы сегодня через час отправят сюда перевод, как скоро можно будет его получить?

— Получить? — сотрудница почты посмотрела на часы. — Теперь уже только завтра, с восьми тридцати утра!

— Спасибо! Всего доброго! — Сергей отошёл от стойки к Даше. — Придётся ночевать где-то здесь! Нужно будет завтра получить с утра деньги и тогда отправляться дальше, в деревню!

— Серёжа! Ты много денег потратил на мою одежду? — глядя ему в глаза спросила Даша. — Может быть, можно её здесь продать, оставить только самое необходимое?

— Ноу, мэм! — улыбнулся Серёга. — Что упало, то пропало, то есть, что тебе куплено, то возврату не подлежит, носи и радуйся! С деньгами у нас всё в порядке, только нужно завтра их запас пополнить, потому что неизвестно, сколько нам придётся отсиживаться в «норке» и сколько денег нам может понадобится. Запас наличности никогда лишним не бывает! Пойдём, пока не поздно, прогуляемся по городу! Ты здесь никогда не была?

— Я вообще нигде, кроме детского дома, не была, Серёжа! — ответила Даша. — А церковь здесь есть?

— Вот прогуляемся и посмотрим!

— Пошли!

Церковь нашлась недалеко от почтамта. Пройдя по Советской улице и перейдя две площади: Советскую и Ленина, — Сергей и Даша увидели слева, на углу квартала большой светлый храм с колокольней. Двери были открыты.

— Давай зайдём, Серёжа! — обратилась к Серёге Даша. — Служба, наверное, уже идёт! Ну на немножечко! Я так давно не была в настоящей церкви!

— Конечно, зайдём, Дашонок! — бережно прикоснулся к её плечу Сергей. — Не вопрос! Молись, сколько тебе хочется, я буду рядышком!

— Спасибо, Серёжа! — она потянулась к сумке, висящей на плече у Сергея. — Разреши, я свой шарфик достану, мне в храме надо в платочке быть!

Она повязала голову шарфиком, привычным движением перекрестилась перед храмовыми дверями и вошла внутрь церкви. Сергей оглянулся вокруг, неуклюже перекрестился «для порядка» и вошёл вслед за ней.

В храме неторопливо шла вечерняя служба. Сгущающиеся на улице сумерки уже создали внутри храма таинственный полумрак, освещаемый лишь редкими светильниками по стенам и немногими свечами, горевшими тут и там на латунных напольных подсвечниках перед иконами. Из-за алтарной стены иконостаса, сквозь массивные золочёные ворота периодически доносились непонятные Сергею возгласы священнослужителя, хор негромко отвечал на них откуда-то сверху: «Господи, помилуй!» Народу было немного.

Сергей поискал глазами Дашу. Она стояла на коленях в углу, около возвышающейся на несколько ступеней от пола серебряной гробницы, богато украшенной чеканкой. Гробницу покрывала сверху полукруглая рельефная арка, опирающаяся на восемь небольших колонн. В глубине, на стене, над гробницей виднелась икона, с неразборчивым, с Сергеева места, ликом. Даша сосредоточенно молилась, периодически осеняя себя крестным знамением и кланяясь головой до покрытого ковром пола. Было видно, что она чувствует себя в храме привычно и комфортно. Сергей встал в уголке у стены, поставил снятую с плеча сумку на пол между ног и, словно втянутый в этот неизвестный для него мир богослужения какой-то неведомой прежде, но явственно ощутимой силой, отдался новым для него, волнующим ощущениям.

— Что-то, наверное, всё-таки есть! — думал он, неторопливо оглядывая окружающее пространство и словно вливаясь сознанием в какой-то влекущий его душу к неведомому бескрайнему миру, неудержимый поток. — Наверное, даже не Что-то, а Кто-то! Вряд ли Бог, если Он есть, является бездушной вычислительной машиной... Тогда, наверное, не было бы никаких чувств... А я же чувствую страх, обиду, ненависть, жалость... Девчоночек этот тоже что-то мне в сердце запал, не надо бы этого сейчас, голова нужна трезвая... Что-то здесь ощущается особенное, в этом месте, такое, чего я никогда и нигде прежде не ощущал! Словно ты здесь не один, словно на тебя, как на играющего в песочнице ребёнка, смотрит заботливая любящая мама... Причём, это не моя собственная реакция на непривычную обстановку, это больше похоже на сработавшее профессиональное чутьё, когда, не видя глазами и не слыша ушами, явственно ощущаешь присутствие около себя некоего живого объекта... Да! Так и есть! Это ощущение присутствия рядом и вокруг Кого-то Живого! Но нет, явно не стоящих здесь людей... Неужели Его, Бога?

— Серёжа, Серёженька! — Даша осторожно коснулась его ладони, вкладывая в неё свои тонкие пальцы. — Вечерня закончилась! Какой ты сейчас красивый!

— А! Что? — восторгнулся, приходя в себя, Сергей. — Что, уже выходим, да?

— Он услышал мою просьбу, Серёжа! Он услышал! — девушка радостно сжала в своих тонких пальчиках его тяжёлую, обшарпанную ладонь.

— Аллаху Акбар! «Русак»! Я знаю этот позывной! — взорвался бешеной яростью Магомед. — Я слышал его в перехвате много раз в две тысячи четвёртом, когда наш отряд потерял почти всех бойцов вместе с Абу-аль-Валидом! О! С какой радостью я перережу ему глотку! Аллаху Акбар!

ГЛАВА 17. БАБУШКА ПОЛЯ

— Перережешь, если сможешь! — улыбнулся Умар, снисходительно взглянув на закипевшего иорданца. — Для этого тебя и посылают! Только ты учти, что это не мальчишка-срочник, это серьёзный профессионал, бывший офицер «грушник», спецназовец! Два дня назад он завалил тремя выстрелами трёх человек, из которых один был тоже разведчик-спецназовец! Он вооружён и готов к нападению на него! Поэтому я и собрал вас троих, лучших людей с боевым опытом, чтобы сделать эту работу!

— Тогда лучше стрелять! — задумчиво протянул Эдгарс. — С ножом к нему вряд ли подойдёшь!

— Ты не подойдёшь, я подойду! — всё ещё запальчиво ответил Магомед, взмахнув гневно рукой.

— Смотрите по обстоятельствам: пуля или нож — без разницы! Он должен быть мёртв. И девка, которая с ним, тоже, — Умар бросил на стол распечатанные на принтере фотографии Сергея и Даши. — Вот это они. Фото возьмите с собою, пригодятся.

Якуб взял в руки фотографию Даши, внимательно посмотрел на неё.

— Слушай, Умар! А она ничего! Может, её сначала...

— Как хочешь! Главное — она должна умереть, нам платят за это!

— Я разрежу тебя на куски, кафир, собака! — с ненавистью в голосе прошипел Магомед, разглядывая фотографию Сергея. — За Амира-аль-Хаттаба, за Абу-аль-Валида, за всех шахидов джихада!

— Нужен будет короткий «калаш», — обратился к Умару латыш, — или лучше ВСК 94, подойдёт и АПСМ с глушителем.

— Возьмите хоть гранатомёт, Леча даст вам оружие, деньги и машину! Старшим будет Якуб! Машину Русака нашли брошенной на стоянке около магазина на питерской трассе, в машине была карта Тверской области, очевидно, у него «лёжка» около Твери. Езжайте в Тверь и ждите информацию, вот телефон для связи! — Умар положил на стол мобильник. — Аллаху Акбар!

— Аллаху Акбар! — вставая с дивана, ответили Магомед с Якубом.

— Денег надо побольше, Леча, от мусоров откупаться, — Эдгарс кивнул на вставших мусульман. — С их «славянскими» лицами шерстить будут часто!

— Тогда ты и поведёшь машину, Эдик, со своим латышским лицом! — ответил долговязый усатый Леча. — И с ментами разговаривать будешь тоже ты!

— Пошли посмотреть оружие, — вставая с кресла, ответил латыш.

— Бог услышал тебя? — Сергей удивлённо посмотрел на Дашу. — А что ты просила у Него?

— Я просила, чтобы Он дал тебе почувствовать Себя, Серёжа! — лицо девушки светилось радостью. — Отец Леонид всегда говорил, что самое главное — это почувствовать Бога сердцем! Не головой понять, что Он существует, а именно почувствовать Его Самого сердцем, душой! Почувствовать Его любовь и откликнуться на неё!

— А ты Бога чувствуешь сердцем? — спросил Сергей.

— Конечно! Особенно в церкви, и всегда, когда искренне от всей души обращаюсь к Нему с молитвой! Ты ведь сейчас тоже почувствовал Его, я вижу это по твоему лицу! Оно стало таким светлым и красивым, Серёжа!

— Ну, не знаю, — смутился Серёга, — я и вправду почувствовал Что-то необычное здесь... Даже, пожалуй, Кого-то... Но насчёт светлого и красивого лица, это уж ты загнула!

— Со стороны виднее, со стороны виднее! — по-детски радостно захлопала в ладони Даша. И

вдруг, быстро приподнявшись на цыпочках, чмокнула спецназовца в щёку.

— Это что было? — Сергей сделал удивлённое лицо.

— Ну ладно! — смущённо опустила глаза девушка. — Извини меня, я от радости...

— Нет-нет, не беспокойся! — Сергей радостно улыбнулся. — Можешь повторять это, когда тебе только захочется! Ну, пойдём искать гостиницу на эту ночь, раз уж придётся ночевать в этом городе!

— Вам не нужно искать гостиницу, молодой человек! — вдруг откуда-то сбоку возникла невысокая худенькая старушка в большом чёрном платке и с молодыми, блестящими глазами. — Вы извините, что я нечаянно услышала ваш разговор, здесь акустика громкая! Я здесь просфорное послушание несу и за подсвечниками присматриваю. Просто я одна сейчас в трёхкомнатной квартире живу, если хотите, я вас на ночь у себя устрою! И вам денег не тратить, и мне всё веселее, чем одной!

— А вы не боитесь чужих людей в дом к себе приглашать? — с интересом посмотрел на неё Сергей.

— Да какие же вы чужие? — удивилась старушка. — Вы же — Божьи! Девочка, миленькая, вон как хорошо молилась всю службу, я же вижу, что она Божий человек! Это невеста ваша или сестрёнка?

— С чего вы так подумали? — спросил Серёга.

— Колечек нет, значит, не женаты, а в отцы вы ей не годитесь, уж больно молоды! Да и потом, с такой любовью глядеть на мужчину может только сестра или невеста, чай, не первый год живу!

— Ты мне сестра или невеста? — посмотрел Даше в глаза Сергей.

— Ну, Серёжа! — совсем засмушалась, покраснев и склонив голову, девушка.

— Значит, будет невестой! — уверенно заявила старушка. — Пойдёмте, детки, со мной, сейчас храм закрывать будут!

— А зовут вас как? — поинтересовался Сергей, закидывая на плечо ремень сумки.

— Меня Полиной Дмитриевной зовут, — отозвалась старушка, — а здесь, в храме, все просто Димитривной кличут! А вас, деточки?

— Меня — Сергей, — пропуская впереди себя Полину Дмитриевну и Дашу и придерживая массивную храмовую дверь, ответил Серёга, — а её — Даша!

— Идёмте со мной, деточки мои, Дашенька и Серёженька! Здесь совсем рядышком, через два дома, третий — мой будет!

— Полиночка Дмитриевна! — Даша застенчиво взяла в руки розетку от варенья. — А можно мне ещё немножко варенья, вишнёвого?

— Кушай, деточка моя дорогая, кушай на здоровьице! — старушка с удовольствием наполнила Дашину розетку вареньем из стоявшей на столе вазочки. — Я рада, деточка, что тебе моё варенье понравилось, кушай во славу Божью! Я гляжу на тебя и думаю: «Вот такая у меня

могла бы быть внученька сейчас! Такая же беленькая и хорошенькая, также бы я её своим вареньицем угощала! Если бы Васенька мой, ненаглядный, не погиб под Берлином, в сорок пятом году!»

— А ваш муж, Полина Дмитриевна, был солдат или офицер? — Сергей поставил на стол недопитую чашку крепкого чая.

— Солдат он был, деточка Серёженька, солдат простой, «гвардии рядовой»! В первый день войны на фронт ушёл, всю войну ни царапинки не получил, а перед самой Победой, в конце апреля тысяча девятьсот сорок пятого года, на mine взорвался! Под самым городом Берлином! А мужем он мне стать не успел, деточка, Васенька-то мой! У нас как раз свадьба двадцать первого июня состоялась, всю ночь мы с Васенькой с гостями гуляли, песни пели... А наутро уже и войну объявили, и Васенька мой в военкомат побежал, да так оттуда лишь за вещами, на пять минут, и вернулся! Поцеловал меня и говорит: «Не тужи, Поля, мы быстро немца разобьём, я вернусь и свадьбу догуляем! Жди меня верно!» Ну вот я и жду с тех пор... Только уже не его ко мне, а когда меня к нему призовут, к Васеньке моему! Теперь уж совсем скоро свидимся! Да ты не плачь, Дашенька, детонька моя! Ну, прости глупую бабку, что тебя, деточку мою, расстроила!

— Я.. я ничего! — всхлипнула в ответ Даша.

— А хочешь, детонька, я тебя развеселю? Хочешь, расскажу, как мамоньку мою, Александру Григорьевну замуж выдали? — улыбнулась старушка. — Чудо как занятная история!

— Рас... расскажите, п-пожалуйста! — успокаиваясь, проговорила девушка, отирая слёзы уголком своего нового шарфика.

— Ну, послушайте, детки, про старые времена, такого уже никогда больше в России не будет!

Мамонька моя, Александра Григорьевна, одна тысяча восемьсот девяносто второго года рождения, была уроженкой города Курска, как и родители её, дедушка и бабушка мои, Григорий Карпович и Марфа Степановна. Мамонька была старшею сестрою из двух дочерей своих родителей, младшую, родившуюся шестью годами позже мамоньки, девочку, назвали Клавдией. Когда мамочке моей в одна тысяча девятьсот шестом году исполнилось четырнадцать годков, её мама — бабушка моя, Марфа Степановна — почилла в Господе, из-за лёгочной болезни. Дедушка мой, известный в Курске столяр-краснодеревщик, схоронив супружницу, переехал с дочками в город Владикавказ, то ли из боязни за здоровье дочек, то ли от переживаний по возлюбленной супруге своей. Однако, не прожив полных трёх лет в городе Владикавказе, он и сам сильно простудился и, пролежав две недели в горячке, отошёл ко Господу и к дражайшей супружнице. Осталась мамонька моя в семнадцать лет круглой сиротою, имея на руках одиннадцатилетнюю сестрёнку. Как ей жить дальше и представить себе не могла! Лишь молилась Пречистой Матери Божьей, о Ея всемилостивой помощи!

Папонька же мой, Димитрий Георгиевич, был самый что ни на есть терский казак! Родился и жил он в казачьей станице Стодереvская, в ста пятидесяти верстах от города Грозный, в семье казачьего терского полка полкового музыканта Георгия Митрофановича Столярова. Папоньку Митю его отец в двенадцатилетнем возрасте привёл в полковой оркестр, дал в руки трубу духовую «корнет-а-пистон» и сказал: «Играй!» С тех пор папонька мой всю жизнь и был военным музыкантом, три войны прошёл, дважды из плена бежал, партизанил и опять в военном оркестре служил до самой его в одна тысяча девятьсот шестьдесят седьмом году случившейся смерти! В последние годы жизни он в симфоническом оркестре на литаврах играл, хоть уже и на пенсии был! Никаким молодым литавристом заменить не могли, такую

силу звука он из литавров извлекал! Но то — после было...

А когда исполнилось папоньке моему Димитрию Георгиевичу девятнадцать лет, решили его родители женить! Да-да, деточки мои! В те времена, да в казачьих станицах, такие вопросы исключительно родителями решались! Оно, может, и к лучшему было... Объявили они сыночку Мите своё решение родительское: «Будем тебя женить!»! Митя со смирением всяческим: «Как благословите, батюшка и матушка!» «Так и благословим!»

Присмотрели родители Мите в станице девушку подходящую, перекинулись словом с её родителями — те, вроде, и не против! Но до смотрин дела не доводили, до официального сватовства захотели о Митиной судьбе волю Божию узнать, очень благочестивые и богомольные дедушка с бабушкой мои были! Поехали они, взяв с собой Митю, в город Владикавказ к слепой блаженной старице Анастасии, известной своим даром прозорливости и изречения воли Божьей и почитаемой как мирянами, так и священством по всему Северному Кавказу. Вот примерно как сейчас в Москве блаженную Матронушку Московскую почитают! Привезли они Митю в дом, где старица Божья проходящих к ней за помощью принимала, дождалась своей очереди, вошли вместе с Митей в горницу.

— Ну, здравствуй, Митя, здравствуй, жених! — приветствовала его блаженная Анастасия, хотя ни имени его, ни дела, по которому тот приехал, блаженной не докладывали. — Есть, есть Божие благословение тебе, Митенька, жениться! Но не на той невесте, что тебе в станице присмотрели, а на той, что тебе Сам Господь приготовил! Вы идите, в другой комнате посидите пока, Меланья вам чаю предложит. А ваша невеста, с приданным, сюда через полчаса придёт, ждите!

Вот сидят они, ждут, слово старицы, как слово изо уст Божьих, принявши, молятся со смирением! А через полчаса приходит мамонька моя Александра, с сестричкой Клавонькой, покойной тётушкой моей, к блаженной Анастасии про свою сиротскую долю узнавать, как теперь ей жить дальше, самой кормиться да сестру содержать! Лишь вошла она в горницу к слепой старице, та и её сразу по имени называет!

— Здравствуй, Шура! — говорит. — Тут тебя жених твой, Митя, дожидается! Есть на то Божье благословение, чтобы вам с Митей честными супругами стать, Богу служить семейной любовью да деток в этой любви растить! Зови Митю, да на колени вставайте, благословлять вас буду, во исполнение воли Божьей!

Привели Митю. Встали Митя с Шурой на колени перед блаженной старицей, Божьим человеком, благословила она их святым образом Господа Спасителя нашего — вон он, в уголке за лампадой висит — и отправила восвояси! Приняли мои дед с бабкой Шуру с Клавонькой, как из рук Божьих, привезли, ничтоже сумняся, в станицу свою и сыграли свадьбу по местному обычаю! Прожили с той поры вместе мамонька с папонькой моим, почитай, шестьдесят два года в любви и согласии совершенных, народили трёх дочерей, я вот — средненькая осталась, а Маша и Галя, сёстрочки мои, уже в небесных обителях от трудов и скорбей земных почивают... Кушай, детонька моя, Дашенька, кушай ещё вареньица, вот из крыжовничка возьми!

— Спасибо, Полина Дмитриевна! Спаси вас Бог! — Даша замялась, словно застенявшись своих слов, которые хотела произнести. — Полина Дмитриевна! Я в детдоме выросла, у меня ни родителей, ни бабушек с дедушками не было... А можно, пока я у вас в гостях, я буду вас бабушкой Полей называть?

— Зови, милая, зови, внученька! — Полина Дмитриевна встала, подошла к Даше, слегка

приобняла её за плечики, поцеловала в макушку и погладила по пшеничным волосам. — Мы у Господа все друг другу родненькие, ты мне внученька, я тебе бабушка! А в Небесном Царствии Его все друг другу будем братики и сёстрочки, деточки Единого Отца, всех Своей любовью покрывающего!

— Спасибо! — всхлипнула девушка и, уткнулась лицом в старенькую кофточку на груди Полины Дмитриевны, обхватив старушку своими гибкими тонкими руками.

ГЛАВА 18. ПЕРЕВОД

— Анатолий Михайлович! Есть информация! — Шнурков без стука вбежал в кабинет Хрюнова, едва тот, усевшись на рабочем месте, успел пропустить «утреннюю» рюмку «после вчерашнего». — Клиент проявился в Твери на главном почтамте!

— Чего? — не врубившись сходу, рыкнул Хрюнов. — Ты что не стучишься, Шнурок, какой клиент?

— Русак, Анатолий Михайлович, Русаков Сергей Валерьевич! Он звонил вчера вечером с главпочтамта Твери, просил некоего Вазгена Арутюняна, родственники которого арендуют его жилплощадь, переслать деньги за аренду в Тверь, на главпочтамт до востребования! Деньги вчера вечером были отправлены, вот примерно сейчас, — Шнурков посмотрел на часы, — Русаков может уже их получать...

— Идиот! — взревел полковник. — Почему разговор был вчера, а я узнаю о нём только сегодня? Мы могли его принять прямо сейчас, а теперь он получит свои деньги и исчезнет!

— Девочки с прослушки не были проинструктированы о степени срочности, у вас уже кончился рабочий день, и вообще, прослушка по этому делу неофициальная... — виновато бормотал Шнурков. — Я уже связался с тверскими операми, попросил их присмотреть за получателями денег на почтамте...

— Ты выслал им фото Русака?

— Да, конечно, только недавно...

— Уроды! Дебилы! — бесновался Хрюнов. — С кем приходится иметь дело! Сраный отупевший наркоман — лучший следователь! Остальные вообще, кроме стрижки бабла, ни хрена не умеют и не хотят делать! Счастье, что у меня в областном УВД Твери начальник по розыску — старый приятель!

— Катя, быстро! — крикнул полковник в селектор внутренней связи. — Соедини меня с тверским УВД, полковником Митяевым!

— Анатолий Михайлович! — из динамика раздался удивлённый голос секретарши. — Но в тверском РУВД нет полковника Митяева!

— Катя! Кроме улицы Тверская в городе Москва, есть ещё город Тверь в стране Россия! — закатил глаза к потолку полковник. — Быстро связь! Дебилы...

— Полковник Митяев на связи, Анатолий Михайлович! — испуганным голосом объявила по селектору секретарша через несколько минут.

— Митяев, Гена? Здравствуй! — ободренно закричал в трубку Хрюнов. — Да, я! Выручай, Гена,

надо парня одного с девицей вместе принять и закрыть, данные и фото уже высланы!

— Принять, закрыть, а дальше?

— Дальше звякнуть мне, а их помариновать в «обезьяннике» или лучше в отдельных камерах полдня, пока не позвоню, затем извиниться — мол, обознались — и выпустить! Всё!

— А им на хвост от самых дверей уже присядут твои люди, Толя?

— Это другая тема, Гена, не сейчас!

— Ну, Толя! Только для тебя, сам понимаешь!

— Я твой должник, Геннадий!

— Поговорим об этом после, через недельку буду у вас в столице!

— Замётано! Обычная программа гарантирована!

— Бывай, Толян!

— Пока, Гена! Шнурок! Сюда!

— Полина Дмитриевна! Доброе утро! — Сергей тихонько вошёл на кухню и обратился к хлопочущей у плиты старушке. — Даша ещё не вставала?

— Спит, Серёженька, деточка, спит моя внученька! — Полина Дмитриевна вытерла руки об передник и повернулась к Сергею. — Умаялась девонька, видно, и тело и душа отдыха требуют!

— Да уж! — кивнул головой Серёга. — Досталось ей за последние дни! Пусть отдыхает! Я сейчас быстро пробежусь до почтамта, мне там перевод получить надо, и обратно! Если Даша проснётся без меня, вы ей скажите, пусть она не беспокоится!

— Хорошо-хорошо, Серёженька! — закивала старушка. — Я ей всё скажу, не дам волноваться ягодке моей! Чайку не выпьешь, на дорожку?

— С удовольствием, когда вернусь, Полина Дмитриевна!

— Ну, беги, деточка, тут рядышком, ты быстро обернёшься!

Сергей вышел на улицу. Осеннее утро было тёплым и солнечным. Сергей быстрым шагом двинулся в сторону почтамта, на ходу сканируя боковым зрением окружающее пространство: ничего не вызывало подозрений. Он зашёл в здание почтамта, продолжая незаметно оглядывать окружающих, подошёл к стойке, где выдавались переводы.

— Доброе утро! Мне должен был перевод поступить из Москвы, до востребования, на вот эти права! — Сергей протянул сидевшей в окошке сотруднице почтамта карточку автомобильных прав.

— Да, деньги пришли! — посмотрев в компьютере, сказала она. — Можете получить!

— Прекрасно! — обрадовался Сергей, неторопливо оглядывая помещение и мысленно намечая точки прохода в случае экстренной ситуации.

— Пожалуйста, распишитесь вот здесь! — сотрудница почтамта протянула Сергею бланк, Сергей расписался в нём. — Вот, возьмите ваш перевод!

— Спасибо! — Сергей, не пересчитывая, сунул деньги в карман куртки. — Всего доброго!

— До свиданья! — ответила сотрудница почтамта, не отрывая взгляда от экрана компьютера.

— Так! Кажется, всё спокойно! — подумал Сергей, быстрым шагом направляясь к выходу из почтамта. — Ага! Стоп! Всё-таки, спокойно не всё!

Сергей увидел, как в стеклянную дверь почтамта быстро входят два деловитых молодых человека с характерным, для представителей их профессии, выражением осознания своей власти над окружающими на чисто выбритых, бесстрастных лицах.

— Менты! — безошибочно определил Серёга! Мгновенно он изменил траекторию своего движения и остановился у стенда с информацией.

Двое вошедших сразу направились к окошку переводов.

Сергей спокойно, но без излишней медлительности, отошёл от стенда, не теряя из виду оперативников, разговаривающих с только что оставленной им сотрудницей почтамта, отошёл от стенда и, сделав ещё десяток шагов, выскользнул в бесшумно открывающиеся стеклянные двери на улицу. В его распоряжении были считанные секунды. Сейчас посланные искать его, выяснив, что разминулись с ним в нескольких шагах, кинутся вслед, на ходу объявляя по рации «план перехвата» или нечто подобное, могущее перекрыть Сергею дорогу к дому Полины Дмитриевны. Решение надо было принимать мгновенно. Он вышел на проезжую часть и встал на пути ближайшей двигающейся в его направлении машины, раздался визг тормозов.

— Ты что, совсем?... — высунулся из окна остановившейся «жигулюхи» водитель.

— Брат, выручай! Мне только до храма, тут недалеко! — обратился к нему уже впрыгнувший на правое сиденье Серёга. — Плачу тройную цену!

— Поехали! — вздохнул водитель.

Машина тронулась, в зеркальце заднего вида Сергей увидел, как из дверей почтамта выскочили те двое, в гражданке, и начали лихорадочно озираться вокруг, одновременно говоря по мобильникам или по рациям, этого Сергей уже не разглядел.

— Так что случилось-то, что ты так в храм заторопился? — спокойным и, как показалось Сергею, даже слегка насмешливым тоном спросил водитель.

Серёга повернулся к нему и только тут заметил, что водитель — священник! Реальный священник в черной одежде с большим металлическим крестом на цепи, свисающим почти до пупа. Лицо его было испитым, одутловатым, с отвисшими мешками под неопределённого цвета мутными глазами и нездоровым румянцем на носу и едва прикрытых редкой бородой щеках, безошибочно выдающим пьющего человека. Хотя вряд ли ему было больше тридцати с небольшим лет. В машине явственно пахло перегаром.

— Мне, собственно, не в сам храм! — пояснил священнику Серёга. — А к дому рядом с храмом!

— И мне к дому рядом с храмом! — пожал плечами священник.

Машина подъехала к дому Полины Дмитриевны, священник заглушил мотор и вынул ключ из замка зажигания.

— Мне сюда!

— И мне сюда... — Сергей взялся за карман. — Сколько я вам должен?

— Иди ты! — сверкнул взглядом священник. — Такси не мой бизнес!

Они вместе вышли из машины, вошли в подъезд, поднялись на второй этаж по старой широкой лестнице с коваными периллами и остановились перед дверью, где жила старушка-просфорница.

— Так ты к Димитривне? — посмотрел на Серёгу священник.

— Так точно, и вы к ней?

— Ну да! Тогда звони давай!

— Батюшка! Благословите! — открывшая дверь на звонок старушка, склонив голову в беленьком полотняном платочке, подставила священнику сложенные в горсточку ладошки.

— Бог благословит! Просфоры готовы? — недовольным голосом пробурчал священник.

— Готовы, батюшка, миленький, готовы! Проходите, батюшка, чайничек только вскипел, чайку с внучиками моими попейте!

— Сколько же у тебя этих внучиков, каждый раз всё на новых натыкаешься!

— Сколько Господь посылает, батюшка, миленький! Ему, Милосердному, виднее!

— Чай это, конечно, хорошо, — пробурчал батюшка, когда они с Сергеем вошли в прихожую, — а нет ли у тебя в загнилочках водочки стопарика или хоть кагора какого-нибудь?

— Ой! Не держу дома, батюшка! Никакого винного питья не держу, уж, почитай, лет так тридцать будет! Вы уж простите старую, нерадивую!

— Ладно... — священник поморщился, видно было, что ему лихо. — Давай чай, что ли...

— Проходите, садитесь, батюшка! Серёженька, миленький! Позови Дашеньку, внученьку мою, она уже умылась, ожидает тебя! Сейчас вместе с батюшкой завтракать будем!

Сергей прошёл в дальнюю по коридору комнату, постучал в дверь.

— Дашенок! К тебе можно?

— Конечно, Серёжа! Доброе утро! — дверь моментально распахнулась, словно девушка стояла сразу за ней, ожидая стука. — У тебя всё благополучно?

— Ну... — замялся Серёга, — в общем, всё... слава Богу! Вот! — выпалил вдруг он, и сам удивился тому, что сказал. — Пойдём завтракать, твоя «бабушка» нас зовёт! Там к ней гость пришёл, священник, только ты не смущайся, он немного... своеобразный.

— Пойдём, Серёжа! Там, может быть, надо чем-нибудь бабушке Поле помочь! — она

выпорхнула в дверь мимо Сергея, словно сверкнув на него солнечным лучиком сквозь щель в занавеске, и голос её зазвенел уже на кухне. — Бабушка Поля! Давайте я сковородку сама с плиты сниму, она же тяжёлая! Ой, батюшка! Благословите!

— Бабушка Поля! — улыбнувшись, покачал головой Сергей и опять повторил: «Слава Богу!»

ГЛАВА 19. ОТЕЦ ВИТАЛИЙ

— Серёженька! Познакомься: это батюшка Виталий, иерей Божий! — Полина Дмитриевна представила Сергею священника.

— Виталий! Можно отец Виталий, как нравится, — по-простому протянул священник ладонь Сергею, рукопожатие его было крепким. — Мы, Димитривна, собственно, уже знакомы! Я его чуть не сбил сегодня: он как прыгнет мне под колёса! Представляешь, завтра во всей жёлтой прессе заголовки: «Пьяный священник сбил человека посреди города!» Меня под запрет служения окончательно, а то ещё бы и посадили!

— Простите, отец Виталий! — извинился Серёга. — Обстоятельства были исключительные! Да и сбить меня вам не было никакой возможности, я офицер спецназа и на такие ситуации тренированный!

— Ну ладно, офицер, я не в обиде! Садись, вот жалко у Димитривны выпить нечего, а то бы мы с тобой сейчас на брудершафт!

— Да я не пью совсем...

— Чего так? «Питие есть веселие Руси», «егоже и монаси приемлют!» И должен тебе заметить, некоторые даже очень приемлют! Вот, например... Ладно! Не будем об этом. Димитривна! Ставь там на стол, что у тебя есть, мне ещё в мою «пупырловку» ехать надо, служить завтра...

— Сейчас, батюшка, миленький! Вот только салатик из капустки поставлю и всё! Благословите, батюшка, трапезу рабам Божьим!

Священник нехотя поднялся со стула.

— Ну, читай...

— Отче наш! Иже еси на небесех... — неожиданно чистым ровным голосом начала читать старушка, — Господи, помилуй, Господи, помилуй, Господи, помилуй! Отче, благослови!

— Христе Боже, благослови ястие и питие рабам Твоим, — пробурчал священник, небрежно перекрестив стол пятернёй.

Все присутствующие сели и начали есть приготовленный Полиной Дмитриевной завтрак.

— Полина Дмитриевна! А далеко от Твери деревня Колонтаево? На такси туда долго добираться? — спросил Сергей, отодвигая от себя пустую тарелку.

— Это рядом со мной! — продолжая жевать, сказал священник. — Километра два-два с половиной! Не надо вам никаких такси, я вас на повороте к Колонтаеву высажу, пешочком за полчаса доберётесь!

— Ой, как здорово! Спаси вас Господи, батюшка! — обрадовалась Даша.

— Только что вы там позабыли, в этом Колонтаеве? — подкладывая себе со сковородки яичницы, спросил отец Виталий. — Там глухомань — почище моего Погостища! У меня хоть двадцать дворов ещё живые, а в Колонтаеве хорошо если три дома дачников на осень осталось! Одни вороны да кошки бродячие!

— Друг попросил на его даче пожить, — уклончиво ответил Сергей, — подремонтировать кое-что, к зиме дом приготовить!

— Чего там к зиме готовить! — махнул рукой священник. — Снести там всё надо бульдозером или таджиков с узбеками заселить! А ещё лучше — китайцев! Вот эти там порядок наведут: всё засеют, запашут, бананы с ананасами вырастят и нам, русским, продадут! Если будет, кому покупать к тому времени, если остатки русских не сопьются и не перемрут от «палёнки» окончательно! Всё, приехали! Пропала Русь-матушка! Осталась «эр-эф-ия», и той скоро кердык!

— Нешто прямо и кердык, батюшка? — слегка прищурившись, спросил Серёга.

— Полный кердык и бесповоротный! «Всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет, и дом, разделившийся сам в себе, падет!» Сам Христос это сказал! Так нам Апостол и Евангелист Лука передал, глава одиннадцатая, стих семнадцатый. Во, Димитриевна, помню ещё! Не зря учился в семинарии, не до конца мозги пропил...

— А что это за «царство, разделившееся в самом себе»? — поинтересовался Серёга.

— А мы в нём живём! — отерев рот рукавом, ответил отец Виталий. — В нашей стране, да и во всём мире, кроме арабских стран, ну, и китайцев, естественно, все отделились друг от друга! Богатые от бедных, власти от народа, архиереи от попов, попы от прихожан — от бедных, разумеется! От богатых спонсоров себя ни один поп отделять не будет, наоборот, «без мыла» окормлять полезет! Это вот с этими, — отец Виталий показал пальцем на Полину Дмитриевну, — бабками всякими, их сыновьями-пьяницами, дочками-наркоманками, внуками беспризорными, возиться никому не охота — навару нет! А поп нынче попёр алчный, ему и дом надо по-евроремонтнее забабахать, и машинку поиностраннее да понавороченнее купить, попадью с детками в заграничных морях попрестижнее пополоскать! Тут Ви-Ай-Пи-прихожане нужны, а не бабки! Да только пусть бы они, попы, на крутых иномарках гоняли и по «канарам» с «гаваями» пузо грели, лишь бы свою поповскую работу делали, как следует, Богу да людям служили, а не одному кошельку своему! Нет, конечно, есть и такие, как мой сосед игумен, например! Этот пашет, как Папа Карло, всех принимает, никому в помощи не отказывает, так у него один инфаркт уже был, несколько лет назад, и когда опять шарохнет — неизвестно! Людям ведь только дай палец в рот: как прослышат, что какой-то поп исповедует не торопясь, готов всю их жизненную белиберду терпеливо выслушивать и, коли уж не «прозреть судьбу», так хоть пожалеть скорбящих и замороченных, — всё! Открывай ворота, выбрасывай замки, таким косяком попрут, что не будет тому попу ни отдыха, ни продыху! Оно, правда, может, и к лучшему это, самому попу-то, спасительнее... А остальные батьки — «на наш век треб хватит»!

А каковы попы, таковы и прихожане! Тоже всё разделяются: мужья от жён, родители от детей, дети друг от друга и от родителей! Разводятся, судятся, наследство и барахло родительское делят и ещё к нам, попам, за «благословением» на это бегут! «Благословите, батюшка, на сестру в суд подать, она мне не ту часть дачи родительской отдаёт, которую я хочу!» Приходится посылать таких подальше, а они обижаются! Ведь сам Господь таким делителям как сказал: «Кто поставил Меня судить или делить вас?» А уж тем более нам, попам, чего в арбитры-то лезть! Это ладно — наследство, человек в самом себе разделился! Совесть одно говорит, жадность — другое, ум от обжорства предупреждает, чрево жрать требует! Печень

уже от водки разлагается, а душа, страстями поражённая, кричит: «Кайфу хочу, кайфу давай!» Вот как у меня, например... Кто тут устоит, какое царство, какая личность, какая вера! Жди китайцев...

Священник безнадёжно махнул рукой. Все молчали.

— Слышь, Димитривна! — отец Виталий поднял голову. — Я уж и забыл, где тут туалет у тебя?

— По коридорчику, батюшка дорогой, вторая дверь направо!

— Извиняюсь, — буркнул, тяжело вставая, священник и вышел в коридор.

— Вы, деточки, не смотрите, что батюшка выпивает да всякие прискорбности говорит! — покачала головой Полина Дмитриевна. — Он добрый человек, только много скорбей принял: и жена оставила, и собратья священнослужители оклеветали, и начальство напрасно обидело! Не выдержал он, бедненький, столькох напастей, к вину стал прикладываться... Помогите ему, Господи!

Старушка перекрестилась, Даша последовала её примеру.

— Ну что, офицер! Бери подружку свою, поехали! — громогласно объявил вернувшийся из туалета отец Виталий. — Читай, Димитривна, благодарственную...

— Благодарим Тя, Христе Боже наш, яко насытил еси нас земных Твоих благ... — со смирением в голосе начала читать молитву старушка, — ... приди и к нам и спаси нас!

— С нами Бог, Своей благодатью и человеколюбием... — рыгнув, проворчал отец Виталий, — ...во веки веков!

— Аминь! — подтвердили Полина Дмитриевна и Даша.

— Внученька, ягодка моя, Дашенька! — целуя в лобик девушку и крестя её широким крестом, попрощалась с девушкой Полина Дмитриевна. — Огради тебя Господь от всякого зла как человеческого, так и бесовского! Не забывай старушку, как будет возможность, навести!

— Хорошо, бабушка Поля! — поцеловала её в ответ Даша и крепко обняла за шею. — Помолитесь за нас с Серёжей!

— Обязательно, дитятко! — ответила старушка и добавила тихонько на ухо девушке: «Ты, девонька, за Серёжу замуж смело иди! Я много людей повидала, он будет хорошим мужем!»

— Спасибо! — также тихонько ответила ей Даша. — Он очень, очень хороший!

— Всё, Димитривна, бывай! — священник, упаковавший, наконец, мешочек с просфорами в плохо застёгивающийся порыжелый от старости портфель, махнул хозяйке рукой: «Доживём — увидимся! Пошли, офицер!»

— До свиданья, Полина Дмитриевна! — Сергей вскинул сумку на плечо. — Как правильно сказать я не знаю, в общем, дай вам Бог всего самого лучшего! Спасибо вам за всё!

— Благослови тебя Господь, деточка! — старушка осенила Сергея крестным знаменем. — Дашеньку, внученьку мою, береги!

— Буду стараться! — улыбнулся Серёга и пропустил Дашу впереди себя в открытую дверь.

— Ясно, Умар, я всё понял, они где-то рядом! Ждём информации! — Якуб сунул мобильник в карман. — Слушай, Эдик, вон «Макдональдс», останови здесь! Ты сходи сам за жратвой, чтобы нам не сверкать здесь своими «неславянскими» рожами! Мне картошки жареной большой пакет и рояль-чизбургер двойной, и «Кока-Колы» со льдом! Тебе, Магомед, чего взять?

— Всё равно, можно то же, что и тебе, только чтобы свинины не было!

— Какая свинина, Магомед! — Якуб закатил глаза в потолок. — Ты что, с Луны свалился? В этих забегаловках ни свинины, ни какого другого мяса вообще нет, одна соя! Сою есть Коран не запрещает! Вот деньги, Эдик, возьми!

Латыш молча взял деньги и вышел из машины.

— Слушай, Якуб, а почему этот кафир в свою Латвию не уедет?

— Потому что он давно в розыске в Интерполе! Он и к нам в Ичкерия наёмником устроился, потому что у себя в Евросоюзе жить не может безопасно, чем-то он там засветился крепко! Он ещё в Первую кампанию за Дудаева воевал, Умар с ним тогда и познакомился. Потом в Грозном в девяносто девятом, когда федералы город штурмовали под Новый год, Эдик тоже себя хорошим бойцом показал, и снайпером, и подрывником! Умар его после того штурма в свой отряд взял, одно время Эдик даже его личным телохранителем был. И когда Умар свой бизнес в Москве сделал, латыш тоже с ним сюда перебрался, в горах трудно стало деньги зарабатывать!

— Деньги, деньги, Якуб! Я сюда ехал джихад делать, с кафирами за победу ислама воевать! А тут везде только деньги, деньги, деньги!

— А какая победа ислама без денег, Магомед, ты что? — покрутил пальцем у виска Якуб. — А оружие, патроны, взрывчатку тебе просто так подарят, да? Жрать тебе тоже без денег дадут? Иди сходи в этот «Макдональдс», попроси гамбургер бесплатно, они сразу полицию вызовут! Ты в каком мире живёшь, Магомед? Вы привыкли там, в горах с «чёрным арабом», что у него всегда долларов полный карман, вы там жили, как в коммунизме! А мне с четырнадцати лет приходилось «Калашниковым» на хлеб зарабатывать и себе, и семье, когда брата федералы в горах убили! У нас в селе финики не растут, как у вас в Иордании, у нас вообще на камнях ничего не растёт! У нас в горных аулах у молодых выбор один: в Москву бандитом или в горы ваххабитом — больше никак на жизнь не заработаешь! Молодым жить хочется, как в телевизоре показывают, а дома старики в узде, как ишака, держат: на год старше тебя вошёл — вставай! Вам, иорданцам и арабам, нас, кавказцев, не понять! Сперва жрать надо заработать, а потом — «Аллаху Акбар»!

— Сперва надо джихад делать, исламский мир надо делать, тогда всем мусульманам будет, что «жрать»! Настоящий шахид не о «жрать» думает, а как умереть за Аллаха!

— Держите, моджахеды! — севший в машину Эдгарс, протянул спорящим на заднее сиденье бумажные пакеты с эмблемой «Макдональдса», — расшумелись, прохожие уже внимание обращают!

— Ты прав, Эдик! — быстро оглядевшись, сказал Якуб. — Давай отъедем куда-нибудь, где людей мало!

— К речке поехали, на берег! — обратился к латышу Магомед. — Мне скоро намаз совершать!

— Сейчас, ребята, посидите минутку, — отец Виталий остановил машину около придорожного

магазинчика, — мне тут запастись кое-чем надо!

Он вышел, захлопнув дверь своей старенькой семёрки, и вошёл в неказистый придорожный павильончик.

— Ну, ты как, — обернулся Сергей с первого сиденья назад к Даше, — не укачало сзади?

— Нет! Всё хорошо, Серёжа! Мне, когда ты рядом, всегда хорошо!

— Ты знаешь, мне тоже хорошо, когда ты рядом! — засмеялся Сергей. — Это что за бусинки такие у тебя в руках?

— Это подарок от бабушки Поли, Серёжа, смотри! — она протянула Сергею маленькие чётки из разноцветных бусинок с небольшим серебряным крестиком посередине. — Это чётки из Святой Земли, из Иерусалима! Ей одна паломница из их прихода эти чёточки привезла, а она мне подарила! Спаси её Господи!

— А чётки — это амулет такой, он от чего-то защищает? — разглядывая крестик между бусинками, поинтересовался Сергей. — Или их перебирают для релакса, как психотренинг?

— Нет, Серёжа, какой психотренинг, — засмеялась девушка. — Чётки для того, чтобы по ним молиться! Это просто «счёты», молитовки считать! Вот видишь, идут десять синеньких шариков, потом большой красненький, потом ещё десять жёлтеньких и опять большой красненький, потом десять зелёных и крестик!

— А как по ним молиться-то, по этим счётам, — недоумевал Серёга.

— Очень просто! Например, так, — Даша взяла чётки из рук Сергея и начала показывать, — сперва читаешь десять молитв Иисусовых («Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешную»), потом, на большом шарике, «Пресвятая Богородице, спаси мя, грешную», потом ещё десять Иисусовых и опять Богородице, а затем десять Иисусовых и на крестике «Отче наш»! Так меня бабушка Поля научила, пока ты на почту за деньгами ходил!

— Ага, чётки! Исихазм — это хорошо, — влезший в машину отец Виталий был явно в улучшенном настроении. — Дарья, поставь вот эту сумочку рядом с собой на заднее сиденье, осторожнее, там стекло!

В сумке бутылочно звякнуло. Машина тронулась.

— Исихазм — это хорошо, конечно! — священник быстро гнал машину по загородному шоссе. — Я тоже в семинарии пытался практиковать, даже на Афон в монахи собирался! А что! Курсом старше меня один семинарист так и ушёл на Афон, причём не в русский монастырь, а к грекам! Тоже всё книжки про исихазм читал, на полунощницу к монахам бегал, а потом, окончил «бурсу» и на «Агион Орос»! А я, вот, дурак, женился! Может, тоже надо было мечту исполнить про афонское житие, глядишь, и печень бы сейчас не разваливалась... Ах ты, зараза, чтоб тебя! Опять они здесь!

Машина резко затормозила. Впереди из-за покосившейся ржавой автобусной остановки выскочил гаишник с полосатой палкой в поднятой руке.

ГЛАВА 20. ПОГОСТИЩЕ

— А, батюшка! — гаишник всунул своё красное обветренное лицо в открытое окошко «Жигулей». — Опять нарушаем! Превышенье скорости в населённом пункте на двадцать восемь километрик! Гляньте-ка!

Гаишник показал отцу Виталию дисплей похожего на оружие прибора.

— Да ладно, командир! Чего смотреть: виноват, каюсь! — не стал спорить священник. — Отпусти Божьего служителя!

— Вы, Божьи служители, чем питаетесь — подаянницей? И мы — подаянницей! — с наглой улыбкой объявил страж порядка на дорогах.

— Вот, прими, брате, подаяннице, — протянул ему купюру отец Виталий. — Достаточно?

— Нас двое, батюшка...

— Понял! Ну, держи и на собрата подаяннице! — священник сунул гаишнику ещё одну купюру.

— Счастливого пути! Не нарушайте больше, батюшка! — взял под козырёк гаишник.

Машина тронулась с места.

— Слушай, Гриша, чего-то морда того мужика, что рядом с попом сидел, мне кажется знакомой... — почесал затылок, отдавая одну из купюр напарнику, гаишник. — Не его ли фотка нам вчера по ориентировке пришла? Глянь-ка бумажку в бардачке!

— Какой хрен разница, — неохотно полез в бардачок сидевший в машине напарник. — Мы здесь деньги зарабатываем или, хрен знает кого, ловим? Вот, возьми!

Гаишник, только что принявший от священника «подаяннице», развернул смятую бумажку с распечатанной на принтере Серёгиной фотографией, взгляделся в неё.

— Не, ну точно! Он это! Русаков Сергей Валерьевич! Поехали, примем? Этот поп с Погостища, тут недалеко, я его знаю!

— Саша, ты охренел? — напарник вылупился на него как на больного. — А если он вооружён? Тебе бабки нужны или грамоту посмертно? Звякни на пульт и давай работать, вон уже две машины проехали, пока ты репу чешешь!

— Ладно, щас звякну, пусть группу задержания высылают! — он достал рацию. — Дежурный, дежурный, это двадцать вторая, как слышишь?

— Так, записываю! — Якуб расписал на картонке от сигаретной пачки шариковую ручку. — Громче говори, Умар! Село Погостище, священник, ВАЗ 21074, номерной знак записываю! Всё, понял, едем! На связи, Умар!

— Аллаху Акбар! Смерть собаке кафиру! — возвёл глаза к потолку Магомед. — Сам буду глотку резать!

— А с девкой я первый займусь! — бросил Якуб, погружённый в карту областных автодорог. — Эдик, давай сейчас налево, потом через пару километров ещё раз налево, дальше по трассе

километров тридцать пять и — поворот на это Погостище, там дорога тупиковая ещё семь километров, Погостище — конечный пункт, это хорошо!

— Плохо для отхода, если что-то не так пойдёт... — задумчиво проговорил Эдгарс, выводя машину с городской окраины на трассу.

— Всё так пойдёт! Работу сделаем, деньги получим, развлечься поедем! — Якуб весело посмотрел на Магомеда. — «Шахидам» в казино можно, а, Магомед? Или только с девками в сауноу?

— Отстань, шайтан! — зло отмахнулся от него янтарными чётками Магомед. — Молиться мешаешь!

— Вот моя деревня, вот мой дом родной! — отец Виталий остановил машину у кладбищенских ворот, у которых заканчивалась идущая сюда от основной трассы дорога. — Конечный пункт нашего пути! Все здесь поселимся! Тут на кладбище есть дореволюционный памятник с примечательной надписью: «Не ходи ты, Маша, не топчи мой прах! Я-то уже дома, а ты ещё в гостях!» Вот ведь как просто и тонко чувствовал раньше человек свою принадлежность к миру Вечности! А сейчас? Тьфу! Выходите, моя хибарка внутри ограды, около храма! Зайдём, я просфоры в холодильник уберу, перекусим, а потом подброшу вас до поворота к Колонтаеву, тут совсем рядом! Сумку свою можете в машине оставить, чего с ней таскаться, мы ненадолго!

Сергей и Даша вслед за священником вошли в старинные, обсыпанные многослойной штукатуркой, кирпичные ворота с массивными, проржавевшими решётчатыми створками. Всё кладбище было заросшим старыми и молодыми деревьями, среди которых ярко жёлтой листвой выделялись стройные белоствольные берёзы. Недалеко от ворот, сквозь редящую осеннюю листву, белел небольшой кладбищенский храм, к которому вела засыпанная опавшими листьями аллея. Стояла удивительная, умиротворяющая душу тишина: ни малейшего дуновения ветерка, даже чирикания кладбищенских птичек не было слышно.

— Красиво? — обернувшись, спросил у притихших спутников отец Виталий. — Мне тоже нравится! Я тут пятый год прозябаю. Зато прихожане у меня спокойные, — он показал рукой на стоящие вокруг кресты и памятники, — лежат себе и доносов на своего попа в епархию не пишут! Есть, правда, пяток бабок из деревни, но они и сами уже ждут не дождутся, чтобы под эти берёзы перебраться! Лепота...

Они прошли по аллее к храму и остановились около маленького, неказистого домика под позеленелой от времени, потрескавшейся шиферной крышей. Отец Виталий открыл ключом дверь, жестом пригласил Сергея и Дашу входить, они молча повиновались.

— Давненько у меня здесь никого в гостях не было! — священник провёл гостей сквозь крохотную прихожую в небольшую комнату, служившую, как видно, кухней и столовой одновременно. — Садитесь за стол, время уже ужинать, а мы ещё не пообедали! Сейчас глянем, что тут у нас есть в холодильнике.

Сергей с Дашей, с чувством некоторой неловкости, примостились рядом на лавке, стоявшей с длинной стороны стола, спинами к стене, завешенной старым домотканым ковриком с простеньким цветочным орнаментом.

— Так! Есть фасоль в томатном соусе, есть тушёнка говяжья, есть банка сайры, начатая... — священник понюхал открытую банку с рыбными консервами, поморщился. — Нет, это уже и кошки есть не станут! Во! Капуста есть, квашенная, это хорошо! Сок апельсиновый, новый пакет! И... и всё, ребята! Больше «ничого нэ маю»! Но мы люди не привередливые, обойдёмся!

Он, по-холостяцки привычно, вскрыл консервные банки с фасолью и тушёнкой, вывалил их содержимое на старую закопченную чугунную сковородку, перемешал и поставил на маленькую газовую плитку, на огонь. На сковороде зашкварчало.

— Хлеб я свежий с собой привёз, — продолжал отец Виталий, доставая из потёртого портфеля целлофановый пакет с буханкой «Бородинского», — а главное — вот он, «жидкий хлеб»!

Священник радостно извлёк из пластиковой сумки литровую бутылку водки и пару импортных бутылок пива.

— Дарье, по малолетству, не предлагаю, ей апельсиновый сок, а с тобой, офицер, мы сейчас за знакомство «остограммимся»!

— Мне тоже сок, батюшка! — улыбнулся Серёга. — Я уже говорил...

— Ах да! Помню, ты трезвенник! Это похвально! Хотя в поповской среде и не особо приветствуется, особенно на официальных мероприятиях... — отец Виталий поставил перед Сергеем и Дашей стаканы, вскрыл пакет с соком и наполнил им эти стаканы до верха. Себе он, также до верха, наполнил стакан водкой, нарезал хлеб, положил его в эмалированную мисочку и поставил посередине стола. — Ну, пока пища разогревается, промочим горлышко!

Он единым махом выпил полный стакан водки, отломил от отрезанного куска хлеба маленький ломтик, положил в рот, пожевал.

— Да чего вы сидите как неживые! — посмотрел он на не знающих, как себя вести в подобных обстоятельствах, Сергея и Дашу. — Глотните хоть сочка, за компанию, за знакомство!

Сергей и Даша пригубили сок и поставили стаканы на стол.

— Так! Ястие готово! — отец Виталий поставил перед гостями тарелки, разложил в них почти всю разогретую тушёнку с фасолью, остатки в сковороде поставил перед собой прямо на стол. — Угощайтесь поповских яств, ребята! Господи, благослови! — он перекрестил стол быстрым коротким движением.

Сергей с Дашей потихоньку принялись за еду.

— Будем здоровы! — отец Виталий налил себе ещё стакан, наскрёб вилкой со сковороды немного фасоли с тушёнкой, положил это на маленький кусочек хлеба. — Офицер, ты там даме соку сам подливай, ну, и себе, понятно! Хочу выпить за вас, ребята, молодых, красивых! Не знаю, кто вы друг другу, и знать не хочу, чтобы не искушаться и не завидовать, но люди вы светлые, это я своим поповским глазом, хоть и не вполне трезвым, вижу... Чтобы вам было счастье, ребята! Простое такое человеческое счастье, семья, там, детки... У меня с этим не получилось... Ну, пусть у вас будет! За вас!

Он залпом выпил полный стакан водки, сморщился слегка, зажмурил глаза. Потом, понюхав, забросил в рот свой маленький бутербродик с тушёнкой и подцепил вилкой чуток капусты из целлофанового пакета. Пожевал. Лицо его покраснело, щёки налились румянцем.

— Вы не смущайтесь, ребята, я всё понимаю, священника хочется видеть святым, а не скотиной пьяной! Простите нас, попов! Мы ведь из того же мира, из того же общества в Церковь пришли, что и все остальные люди! А мир наш больной, и люди больные, и мы, попы, тоже такие же люди, и такие же больные... Нет, бывают, конечно, и герои среди нашего брата, вот сосед мой, игумен из Покровского храма, тот — да: работяга, подвижник! Такие есть, но их

немного, героев всегда немного... Апостолов, вон, вообще всего двенадцать было, а они весь мир перевернули! Всю Римскую империю христианской сделали! Бог им, конечно, помогал... Но Он и сейчас помогает тем, кто старается, кто хочет жить чисто, свято, по любви! А раз вокруг нас и внутри нас такое свинство, грязь такая, мерзость запустения, пророком реченная, значит, не стараемся, значит, не хотим... Значит, жить в дерьме больше устраивает! Вот, как меня... Вы не подумайте, ребята, я не всегда такой скотиной был! Я в семинарию пришёл весь горящий верой, любовью к Богу, желанием послужить ему жертвенно, даже до крови! Я о мученичестве мечтал! Чтобы умереть за Христа, за Него муки претерпеть, кровь пролить, как сонм святых мучеников! И в семинарии, несмотря на то, что там чего я только не рассмотрел: лукавства, фарисейства, интриг, пороков самых пакостных — я всё равно о праведности ревновал! Молился много, несмотря на насмешки наших карьеристов, постился строго, на службы к лаврской братии ходил, мечтал монахом стать, афонским... Не выдержал... На третьем курсе от девок-регентш голову сносить пошло, и всё — монашество моё накрылось медным тазом... Ну и Любаня, попадья моя бывшая, тут, как из табакерки чёртик, выскочила! Дочь маститого протоиерея, тётка у неё — игуменья известного монастыря! А сама дура-дурой...

Щас! Подожди, добавить надо, — отец Виталий нетвёрдой рукой наполнил вновь свой стакан водкой. Сергей и Даша, оторопев, безмолвно наблюдали всё это как бы со стороны, словно не с ними происходящее, чувствуя лишь, что это надо выдержать, перетерпеть, что за этим отталкивающим, странным поведением священника стоит какая-то огромная трагедия, причём, отнюдь не только его личная.

— Вот! — влив в себя ещё стакан, отец Виталий поковырял вилкой в сковородке, но закусывать ничем не стал, лишь налил себе в тот же стакан немного апельсинового сока и запил им водку. — Так о чём, бишь, я говорил? Ах да! Любаня... Жаль её! Польстилась, дурочка, на призрак шикарной жизни, меня, дурачка, молоденького попа, бросила, не захотела в попадьях на сельских развалинах «молодость гробить», выскочила за бизнесмена кавказской национальности, а тот её бить начал, гулял по бабам, отобрал ребёнка при разводе, чуть не прибил совсем! Она потом ещё два раза замуж выходила, первый раз — за нового русского, но тот в тюрьму сел надолго, за какие-то махинации с банковскими бумагами, потом за украинца-гастарбайтера, богатого достаточно, имевшего в Москве и в области Московской несколько бригад своих земляков-строителей, с ним тоже развелась... А дальше и не знаю, как её жизнь сложилась, перестал следить, только молюсь о ней, несчастной, у престола...

ГЛАВА 21. ПОГОСТИЩЕ, ПРОДОЛЖЕНИЕ

Он задумался, тяжело положив взлохмаченную голову на руки, локтями упёртые в стол. Сергей и Даша безмолвствовали.

— А я всю нерастраченную силу души бросил на приход, развалины свои восстанавливал, воскресные школы для взрослых и для детей устроил, брошюрку даже для начинающих прихожан напечатал, выкладывался весь... Хорошо у нас было на службах! Зимой мороз тридцать градусов, а в храме отопления нет, окна плёнкой для парников затянуты, рука к чаше примерзает, когда причащать идёшь! А люди в храме стоят и молятся! Службы у нас долгие были, всё выслуживал, как положено по уставу, не сокращал! Бывало, на улице потеплеет, уже пятнадцать градусов мороза, а в храме ещё тридцать, стены-то толстые, промёрзли, как морозильник, холод отдают! Пока исповедовал причастников, люди из храма на улицу в пятнадцатиградусный мороз погреться выходили! И ведь ехали в наш храм! Даже из тех сёл, где свои храмы тёплые, не закрывавшиеся, службы короткие, всё комфортненько! А приезжали к нам мёрзнуть! Всё потому, что Дух был! Дух веры настоящей, дух подвига, дух молитвы! А

люди это чувствуют! Ради этого Духа и в храм-то идут, те, кто понимает, конечно... А те, кому в тепле под красивое пение с соседками поболтать охота о том, как попы на их копейки жируют, те к нам не ездили, понятно, им себя верующими чувствовать везде удобно было. Хорошие были времена! Голод, нищета, разруха начала девяностых, деньги в бумажки превратились, попы — в попрошаек с протянутой рукой, бегущих по новым русским: «Подайте на машину кирпича да пару кубов бруса!» А Дух был! И сколько людей тогда к вере приходило, и сколько попов тогда сердцем горели Богу послужить! Потом погасли многие, зажрались... Жрать друг друга начали... Меня вот тоже Мишка, мой однокурсник по семинарии, сожрал. Подожди! Надо выпить за его здоровье!

Отец Виталий снова налил себе водки, чуть расплескав на стол, вытер пролитое рукавом, зажмурился, залпом выпил, посидел, сморщившись, выдохнул.

— Фу, гадость эта водка, никогда её не любил... Ну, дай Бог здоровья, покаяния и спасения рабу Своему, протоиерею Михаилу! — он широко перекрестился. — А то ведь тоже спился, бедный, хуже меня...

Оно и понятно, с сильными мира сего: мэрами, генералами тусоваться — это ж какую печень надо иметь! Банкеты, дни рождения, мероприятия всякие! И везде надо слова всякие льстивые от лица Церкви говорить, тщеславие начальничков улаживать! Чтоб милостивые были, чтоб спонсоров на пожертвования напрягали, льготы там всякие от них поиметь, участки земельные, санатории не для простых... Да и своё начальство епархиальное такого попа ценит, который с миродержателями в дружбе, наградки там внеочередные подкидывает, на грешки глаза закрывает... А страшно-то ведь — что любить всё это начинаешь больше, чем Бога, славу человеческую, достаток, удовольствия, кресло, на котором задница пригрелась... И ради кресла этого, ради славы да богатства совесть начинаешь продавать потихоньку, идти на компромиссы с дьяволом, всё под предлогом-то благим: мол — интересы Церкви защищаю! А Дух Божий отходит, и дух лукавый заползает в душу, и поработает... Глядь, а ты уже — законченный фарисей, «сребролюбец и лицемер» — всё, как Господь в Евангелии обличал! Дообличался — распяли! И сейчас распнут! Всё те же попы, архиереи, богословы, монахи... Не все, конечно! Много есть и рабов Божьих среди духовенства! Но их и жрут, и гнобят свои же, те, кому задница на кресле дороже Царства Божьего! Те держатся, смиряются, несут свой Крест ради служения, которое избрали и которому все силы отдают, вот как сосед мой, игумен! А я сломался... Эх, офицер! Как жаль, что ты не поп! Сейчас бы дал тебе епитрахиль да выплакал бы все, что на душе скопилось!

Отец Виталий, уронил голову на руки, затих, лишь плечи его слегка вздрагивали.

— Свинья я, свинья, офицер! Какой великий дар мне дал Господь — священство! Я же этими погаными руками своими на престоле хлеб и вино в Тело и Кровь Самого Бога прелагаю! Касаюсь его святости пальцами, трясущимися от пьянства! Стыдно, фу, как стыдно мне, офицер, горько! Тошно мне от самого себя, офицер, от немощи моей душевной, от лени, от себялюбия, гордыни оскорблённой, от обид — как так, меня, такого хорошего, сожрали! Приход разрушили, загнали в глухомань, унизили! Дал Бог испытанье, а я не вынес, не смирился, молитвой в себе скорбь не победил, а запил... Тьфу, дерьмо я, а не пастырь Божий! А я ж Его люблю! Люблю и оскорбляю, всей жизнью своей оскорбляю, всей мерзостью своей греховной... Вот, офицер, считай, что исповедался тебе... Да жаль, что ты не поп с епитрахилью...

Даша тихонько встала, осторожно обошла вокруг стола, бережно положила свои тонкие девичьи руки священнику сзади на плечи и благоговейно, как икону, поцеловала его поникшую голову.

— Батюшка, миленький! Господь вас обязательно помилует и спасёт!

Отец Виталий замер, затем медленно поднял голову, повернулся и посмотрел на девушку. Лицо его, залитое слезами, улыбалось!

— Я верю в это, девочка! Это не ты, это сейчас Ангел Божий через тебя сказал!

Он окинул окружающее почти совсем трезвым взглядом, остановившимся на окне.

— Ребята! Ночь на дворе, а я вас заболтал совсем! Сегодня в Колонтаево вам не попасть, я не смогу сейчас машину повести, а сами вы по темноте дороги не найдёте. Эх! В этой халупе даже положить вас негде... А, есть, придумал! Я дам вам одеяла и провожу до края кладбища. Там, с другой стороны от входа, вы выйдете на поле, пройдёте вдоль опушки метров сто пятьдесят, там сеной амбар со свежим летним сеном. Там спать одно удовольствие, ночи сейчас тёплые, да и в одеяла завернётесь — не замёрзнете! А утром раненько я вас разбужу и быстренько, до службы, подброшу к повороту на Колонтаево, а сам вернусь служить! Ну, как вам этот план?

— Отлично, батюшка! Сто лет не спал на сеновале! — вставая, потянулся Сергей.

— А я вообще ни разу не спала! Как здорово! — радостно отозвалась Даша.

— Ну, пойдёте! — священник открыл стоявший в углу сундук, вынул из него два свёрнутых рулонами старых байковых одеяла, похожих на армейские, вручил их Сергею. — Тут недалеко!

Они вышли на улицу.

Светила полная луна, в её свете очертания храма, деревьев, надгробных памятников и крестов казались фантастическими декорациями какого-то великого вселенского действия, загадочного, полного тайн и неожиданностей.

Священник уверенно шёл впереди по петляющим, сменяющим друг друга кладбищенским тропинкам, ведя за собой Сергея с Дашей, словно уверенный проводник в неведомом таинственном мире. Минут через пять кладбище закончилось и перед взором вышедших на открытое пространство открылось поле, обрамлённое справа уходящей к ночному горизонту опушкой редколесья.

— Идите прямо вдоль опушки вон туда! — священник указал рукой. — И прямо в тот амбар уткнётесь, двери в него всегда открыты, сена там под потолок! Спокойной ночи!

— Спокойной ночи, батюшка, благословите! — Даша сложила ладошки под благословение. Отец Виталий, осенив её крестом, благословил.

— Отец, Виталий! И меня благословите! — Сергей, слегка сконфузившись, тоже подставил руки, повторив движение девушки.

— Бог благословит тебя, офицер! Помолитесь обо мне...

— Обязательно, батюшка! — горячо откликнулась Даша. — Мы всегда будем молиться о вас!

— Ну, прощайте! — махнул рукой священник и посмотрел долгим, каким-то умилённым взглядом вслед уходящим. Вскоре Сергея с Дашей не стало видно.

Не торопясь, отец Виталий вновь прошёл по лабиринту кладбищенских тропинок мимо старинных и современных надгробий, держа путь на сверкающий в лунном свете сквозь листву

золотой крест на куполе храма. Тихая улыбка не покидала его уст. Он подошёл к своему домику, взошёл на крыльцо, открыл дверь и шагнул в комнату.

— Здравствуй, поп! — приветствовал его сидящий за столом Якуб. Магомед, сидя на лавке напротив него, поигрывал тонким клинком кривого ножа. Эдгарс шагнул за спину священнику, отрезая ему путь на улицу, и прихлопнул плотнее дверь.

— Привет, бандиты! — с улыбкой ответил отец Виталий!

— Зачем «бандиты», — изобразил на лице удивление Якуб, — может, мы хорошие люди!

— По рожам видно, что бандиты! — насмешливо отозвался священник. — Надо-то чего?

— Надо? Надо нам парня с девкой, которые у тебя в гостях находятся! Где они сейчас?

— Каких парня с девкой? — попробовал изобразить неведение священник.

— А тех, чья сумка с женской одеждой лежит у тебя в машине за воротами! — сказал Якуб, вставая. — Тех, кто вот из этих двух стаканов пил! — он указал пальцем на стаканы с остатками сока, из которых пили Сергей с Дашей. — Скажи мне, где они, тогда останешься живой! — Якуб распахнул полу куртки, демонстрируя торчащий за поясом пистолет.

— Ну уж это — фиг твоей бандитской морде! — словно выплюнул Якубу в лицо отец Виталий.

— Ты зря так говоришь, ты умереть хочешь, да? — поднял брови Якуб.

— Всю жизнь к этому готовлюсь!

— Умирать мучительно будешь, поп! Всё равно всё расскажешь!

— Давай, пробуй! Я жил как свинья, может, даст Господь, умру как христианин!

— Собака ты, кафир, поганый пёс, а не человек! — взъярился бешенством Магомед. — Лучше скажи «Аллах Акбар», а то я тебе голову резать буду!

— Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ и сущим во гробех живот даровал! — перекрестился священник на иконы в углу.

— Давай скотч, латыш! — злобно прошипел Якуб.

ГЛАВА 22. ЛЮБОВЬ

— Серёжа! Как ты думаешь, отец Виталий до сих пор любит свою жену? — Даша задумчиво смотрела на освещённое луной сквозь слуховое оконце сеного амбара лицо Сергея.

— Не знаю, может быть! Но мне кажется, Бога он любит больше!

— Наверное, это очень больно, когда тебя бросает жена! — девушка накинула одеяло на плечи, сидя на самом верху кипы сена, где Сергей устроил себе и ей по спальному месту.

— Больно. Но ничего, пережить можно! Я вот пережил! — Сергей грустно улыбнулся.

— Ты был женат, Серёжа? И тебя тоже бросила жена? — поражённо воскликнула Даша, глядя на Сергея, словно увидела его в первый раз.

— Тебя это удивляет? — посмотрел на неё Сергей. — Да, Дашутка, я был когда-то женат, недолго, правда, а потом моей жене надоела жизнь с нищим воякой, которого всё время не бывает дома, которого могут выдернуть из постели среди ночи и отправить на неделю в командировку без связи с домом. Быть женой военного, особенно спецназовца ГРУ, — это особое призвание, я не один такой, из наших ребят офицеров, жена которого ушла искать себе более спокойной и обеспеченной жизни! Они свободные женщины, имеют право...

— Имеют право? — ещё более поражённо отреагировала девушка. — А как же любовь? Разве можно уйти от человека, с которым тебя соединяет любовь, даже если он военный и бедный?

— Как видишь, можно! — Сергей положил руку под голову и посмотрел на звёздное небо сквозь слуховое окошко. — Не только военных бросают, священников, вон, тоже... А может, там и любви-то не было, со стороны этих жён ... Как это понять?

— Что понять?

— Ну, понять, есть она — любовь эта, или только так — самообман какой-то?

— Да как же, Серёжа! Как это можно не понять? — Даша в волнении сбросила с плеч стесняющее её движения одеяло. — Да это же вот здесь! — она постучала себя кулачком по груди против сердца. — Это же вот здесь всё горит, всё взрывается от счастья, всё светится в тебе и вокруг, когда ты рядом с тем, кого ты любишь! Как это можно не понять? Когда ты любишь, всё понятно, всё ясно и просто — люблю, и всё!

— Это к кому ты такие чувства испытывала, Дарья? — поражённый её страстной речью, спросил Сергей, приподнявшись на локте и с удивлением разглядывая вдохновенное, взволнованное лицо девушки.

— К тебе, Серёжа... — потупила глаза Даша. — Прости, я не хотела тебя смущать, это само вырвалось! Я просто не могу понять, как можно бросить тебя... Ты на меня не сердисься?

— Я, я... — растерялся Серёга, не зная, как отреагировать на это обвалившееся на него признание девушки и на пронзившее его в ответ сильнейшее чувство нежности, трепетной радости, пылкой привязанности, которому он усилием воли доселе не давал даже заявлять о себе в его, словно запакованном в бронезилет, подчинённом рассудку, солдатском сердце. — Я, кажется... да нет, не кажется... — я тоже люблю тебя!

— Правда? Правда, Серёжа? — Даша вся вспыхнула счастьем, словно в полночном сенном амбаре вдруг засияло ослепительное солнце. — Серёжа! — она полуприкрыла глаза длинными пушистыми ресницами. — Можно я тебя... поцелую?

— Можно, конечно... — Сергей подскочил на колени и протянул к ней руки. Девушка впорхнула в них, обхватила его за шею и нежно-нежно поцеловала... в щёку.

Серёга осторожно обнял её тонкие, вздрагивающие плечи, бережно прижал к себе её лёгкое, гибкое тело, зарылся лицом в её благоухающие сеном и каким-то забытым женским ароматом волосы и замер, боясь потревожить неловким движением то хрупкое, звонкое, воздушное состояние восторженного счастья, охватившее их обоих.

Прошло какое-то нераспознаваемо долгое или короткое время.

— Серёжа! — тихим горячим шёпотом проговорила Даша прямо в ухо Сергею. — Нас могут убить... Если ты хочешь... ты можешь сделать со мной это, ну... что мужчины делают с

жёнами...

— Очень хочу! — ответил Сергей, ещё сильнее и ещё бережнее прижимая её к себе. — И обязательно всё это сделаю! Только сначала мы выберемся из этой кошмарной передрыги, я куплю тебе красивое белое платье и надену тебе на пальчик колечко, и, если ты захочешь, мы обвенчаемся в какой-нибудь красивой светлой церкви! А потом мы приедем домой, и вот тогда я всё, что ты сейчас имеешь в виду, сделаю, мы вместе это сделаем и будем делать это долго, долго! А сейчас я не хочу красть у тебя всю ту красоту, которой ты достойна — и церковь, и колечко, и платье, и настоящую первую брачную ночь!

— Я люблю тебя, Серёжа! — сжав изо всех своих слабеньких девичьих сил шею Сергея, проговорила девушка, вся растворяясь в охвативших её волнах неведомого ей ранее чувства. — Я так люблю тебя!

Сергей проснулся ещё до рассвета. Он лежал на пахучем сенном ложе, бережно обнимая свернувшуюся у него на груди, укутанную двумя одеялами Дашу. Она тихо, по— детски безмятежно спала, обняв его за плечо рукой и разметав по одеялу рассыпавшиеся пряди пшеничных волос.

— Прямо дежавю какое-то! — подумал Сергей. — Кажется, это так называется! Несколько дней назад я проснулся в палатке, так же, как и сейчас, ощущая на себе это тёплое, беззащитное существо. Но сколько же всего прошло за это время! Целая жизнь! И если в прошлый раз этот сопящий во сне ребёнок воспринимался мною лишь как досадное недоразумение, ненужное искушение и без того потрёпанного жизнью мужика, зато теперь здесь на моей груди спит драгоценное сокровище всей моей жизни, смысл этой жизни, её радость и наполнение! Наверное, это есть то самое, что называют — Божий дар!

Господи! Я не умею молиться, я не умею правильно разговаривать с Тобой, я не ходил в церковь, меня этому никто не научил! Я никогда ничего не просил у Тебя, но теперь я в первый раз сам обращаюсь к Тебе с просьбой, первый раз прошу того, чего никто мне больше дать не сможет, это я теперь понимаю, никто, кроме Тебя!

Господи! Прошу Тебя об одном — сохрани от злых людей эту чистую, добрую девочку, сохрани её вообще от всякой беды, от всякого зла! Если можно... Ты знаешь, Господи, я не привык получать такие подарки, я всё привык зарабатывать тяжёлой работой, но, если можно, подари мне счастье быть всегда рядом с этой девочкой, любить её, беречь, охранять, заботиться о ней! Она ведь тоже мало видела в своей короткой жизни радости, простой человеческой искренней любви! Я готов ей дать эту любовь, я хочу ей дать свою любовь! Я готов ей отдать свою жизнь, если это сделает её счастливой, я готов, если надо, пожертвовать собой, мне не жалко своей жизни, жизнь солдата всё равно недорого стоит! Но, если можно, если Ты видишь, что я смогу сделать жизнь этой девочки счастливее, то сохрани и меня для неё, сохрани нас друг для друга! Я обещаю всегда верить в Тебя, я обещаю узнать всё, что нужно знать о Тебе, я обещаю Тебе жить так, чтобы заслужить тот дар, который Ты уже дал мне, и тот, о котором я сейчас прошу Тебя! Я верю, что Ты можешь сделать все, о чём я Тебя прошу, и я прошу Тебя — сделай это, пожалуйста, Господи!

— Ты о чём думал сейчас? — спросила Сергея незаметно для него проснувшаяся Даша.

— Ты знаешь, чудо моё, я пробовал молиться! То есть я, наверное, молился, я разговаривал с Богом! Мне кажется, Он слушал меня! Это мой первый опыт разговора с Богом, наверное, я что-нибудь неправильно говорил! Но я просил Его о нас с тобой, чтобы нам быть вместе всегда и любить друг друга! Об этом можно было просить?

— Конечно, можно! Серёжа, Бога можно и нужно просить обо всём добром, правильном, хорошем! — девушка погладила тонкими нежными пальчиками его заросшую щетиной щеку. — Он любит всё хорошее, все, в чём проявляется любовь, и исполняет просьбы о хорошем, если просишь его от чистого сердца! Ты такой колючий!

— Я побрежусь, когда-нибудь, — улыбнулся Сергей и поправил рукой спадающие ей на лицо волосы. — Закрой глаза!

Девушка закрыла глаза и замерла. Сергей, слегка приподнявшись, бережно поцеловал её закрытые веки, лоб, кончик носа, легонько коснулся губами её губ.

— Теперь я знаю, что такое счастье, — он вновь откинулся головой на сено. — Теперь мне не страшно будет умереть за него!

— Не надо умирать, Серёжа! — девушка сверкнула на него испуганным взглядом. — Не надо умирать для счастья, надо жить для него! Живи для меня, пожалуйста, живи! Серёжа, я теперь больше не смогу без тебя! Сделай, пожалуйста, так, чтобы ты жил и был всегда со мною!

— Я честно постараюсь всё для этого сделать, слово офицера! — Сергей ещё раз поцеловал Дашу в кончик носа. — А ты молись, чтобы у меня всё получилось, ты же лучше меня знаешь, как это надо делать!

— Я всё время молюсь об этом! — девушка прильнула к нему и прижалась к его груди. — Серёжа! Я молилась, чтобы ты полюбил меня, и мы были вместе, с того момента, как ты вошёл в палатку утром и отдал мне свою одежду, а потом кормил меня макаронами с тушёной... Я уже тогда почувствовала, что ты мне родной!

— У тебя хорошо получается с молитвами, — улыбнулся Сергей, — давай потихонечку вылезать отсюда, батюшка, наверное, уже встал и ему пора нас везти, чтобы успеть к началу службы.

Они спустились с сеновала, свернули одеяла, весело отряхнули друг друга от приставших к одежде травинок, затем направились в сторону кладбища.

— Посмотри, как красиво здесь! — сказала Даша Сергею, когда они вошли на кладбище. — И совсем не страшно! Здесь свой какой-то особый мир, какая-то особая тишина...

— Стоп! — Сергей остановился. Его тренированное годами боевых действий звериное чутьё вдруг подало слабый, но ощутимый сигнал тревоги. — Так, солнышко моё! Сейчас ты подождёшь меня здесь, вот на этой лавочке в кусте сирени! Сиди тихонечко и молись, хорошо? Ни звука не издавай и ничего не предпринимай без меня, что бы ты ни услышала! Поняла?

— Да, поняла, Серёжа! — кивнула девушка, послушно садясь на скамейку, спрятавшуюся в разросшихся кустах сирени. — Но ты недолго, да?

— Так быстро, как смогу! И вот ещё! — Сергей достал из кармана куртки пистолет, привычно проверил патроны в магазине. — Вот это я оставлю тебе! На всякий случай!

— Ой, я его боюсь, Серёжа! — боязливо покосилась девушка на пистолет.

— Не надо бояться оружия, радость моя, убивает не оружие, убивает человек! — он посмотрел девушке в глаза. — Пообещай, ради меня, сделать всё точно так, как я тебе скажу!

— Обещаю, Серёжа!

— Смотри! Держать его надо вот так, — Сергей показал ей, как должен пистолет лежать в руке. — Возьми! Вот так, держи крепко, но слишком сильно не сжимай, вот так, умничка! Теперь смотри! Если вдруг кто-то появится из тех, ты их узнаешь, я думаю сразу, просто направь пистолет в сторону противника и нажимай сюда, на спусковой крючок! Пистолет дёрнется в руке в момент выстрела, но ты не бойся, держи крепко и жми смелей! Здесь восемь выстрелов, ты сможешь защитить себя!

Сергей взял пистолет у Даши, передёрнув раму затвора, дослал патрон в патронник и снова вложил его девушке в руку.

— Серёженька, мне страшно! — посмотрела на него полными тревоги глазами девушка.

— Не бойся ничего! Я позову тебя, когда увижу, что всё в порядке! Помни, всякий, кто будет приближаться и не позовёт тебя моим голосом, — враг!

— Я поняла, Серёжа, ты можешь идти спокойно! — Даша тряхнула головой, словно отгоняя страх. — Я сделаю всё так, как ты сказал!

— Ну, пока, счастье моё! — Сергей, нагнувшись, поцеловал её в лоб. — Я скоро, молись!

И мягкими неслышными шагами разведчика направился по тропинке в сторону храма.

ГЛАВА 23. ИГУМЕН ИЗ ПОКРОВСКОГО

Не доходя до храма метров шестидесяти-семидесяти, Сергей остановился, внимательно приглядываясь к окружающей обстановке. Кругом всё было спокойно. Тем не менее звериное чутьё продолжало усиленно подавать сигнал тревоги — что-то не так, что-то неладно! И почему священник, обещавший сам разбудить их рано утром, не пришёл к сеновалу, хотя уже давно рассвело? Может, он, после вчерашнего питья, никак не проснётся? Не похоже, прощался он практически трезвый...

Сергей, осторожно перемещаясь за кустами, подошёл к домику священника с задней стороны, приподнявшись, заглянул в маленькое окошко. В домике было темно из-за опущенных занавесок, ничего нельзя было разглядеть. Сергей потрогал рамы, осмотрел петли, толкнул форточку. Окно было закрыто на все засовы, открыть его снаружи, не разбив стекла, не представлялось возможным. Придётся всё же заходить в дверь, перед которой находится хорошо просматриваемое и — Сергей автоматически отметил — простреливаемое пространство. Но других вариантов не было. Сергей тихонько вышел из-за угла дома и, оглядевшись, взошёл на крыльцо. Дверь была не заперта.

— Вон он! Это точно он, стреляй, Эдик! — Якуб разглядывал взошедшего на крыльцо Серёгу сквозь кусты кладбищенского орешника в маленький мощный бинокль. — Я же говорил, что он вернётся к попу за сумкой с вещами! Где же девка? Почему её нет с ним?

— Зачем стрелять, он сейчас войдёт и будет в капкане, — ответил латыш, глядя на Серёгу в оптический прицел короткой снайперской винтовки-автомата ВСК 94. — Надо подождать девку, либо она придёт сюда за ним, либо он сам, выйдя из дома, отправится к ней. Там и завалим обоих, это лучше, чем бегать потом искать вторую цель по всем окрестностям!

— Согласен! Подождём! — Якуб продолжал смотреть на закрывшуюся за вошедшим в дом Сергеем входную дверь.

— Может, не будем стрелять, а? — тихо спросил лежащий рядом с ним в кустах Магомед. — Я хочу ему глотку резать! Медленно резать!

— Тебе одного попа мало? — усмехнулся Якуб. — Ладно, сейчас посмотрим, как расклад ляжет!

Сергей вошёл в дом, осторожно прикрыв за собой дверь. В доме пахло смертью. Он хорошо знал этот запах по войне. Это не запах крови, не запах разлагающихся тел, это особый, трудно передаваемый, но хорошо известный всем опытным фронтовикам запах смерти. Сергей, включив периферийное зрение, осторожно шагнул в дом. Зрелище, представшее ему, содрогнуло бы любого, да и у Сергея, несмотря на его опыт лицезрения мёртвых тел, болезненно сжалось сердце и кулаки.

Посреди комнаты, на столе, словно распятое, было распростерто привязанное скотчем за руки и за ноги к ножкам стола, обнажённое, изрезанное сплошь полосками снятой кожи, обезглавленное тело отца Виталия. Голова его с вырезанным посередине лба кровавым крестом, была положена на полку с иконами, вместо сброшенной с неё и разбитой лампадки. Накинутый цепочкой на голову священника, свисал священнический крест. Лицо отца Виталия было спокойным, казалось даже, лёгкая улыбка оттеняла его разбитые, окровавленные губы.

Снаружи дома, издалека, послышался звук приближающейся машины. Сергей вышел на крыльцо.

— Зря не стрелял! — зло посмотрел на латыша Якуб. — Какая-то машина подъезжает! Придётся отходить...

— Подожди, Якуб, давай смотреть пока, там разберёмся! — не отрываясь от оптического прицела, ответил Эдгарс.

К воротам подъехал видавший виды тюнингованный под трофи-рейды «Лендровер-Дефендер», из водительской двери вышел среднего роста мужчина, с аккуратно подстриженной небольшой бородой, лет сорока шести — сорока восьми, в потёртой кожаной «лётной» куртке. Он обошёл машину спереди, открыл переднюю правую дверь и помог выбраться из неё наружу седобородому полному священнику с палочкой. Вместе они вошли в кладбищенскую калитку и направились к домику священника.

— Давай убьём и их! — прошептал Магомед Якубу. — Этих поганых собак, кафиров!

— Тебе за это платят? — огрызнулся Якуб. — И так сверх плана наследили! Теперь отходим! Сейчас они вызовут ментов, и мы не успеем выбраться с этой тупиковой дороги! Они от нас никуда не денутся! Засядем у развилки с трассой, будем следить за машинами! Русак, скорее всего, будет уходить на «семёрке» убитого попа или с приехавшим попом на его машине, в обоих случаях он будет с девкой, и мы их отследим! Если они будут одни, догоним и замочим! Если не одни, проследим, куда они поедут, и достанем их там! Пошли!

Убийцы тихо и незаметно ретировались к оставленной за полкилометра до кладбища, в перелеске, машине.

— Здравствуйте! — обратился к стоявшему на крыльце домика Сергею подошедший со спутником, полный прихрамывающий священник. — Отец Виталий дома?

— Дома, — утвердительно кивнул Сергей, — но... он погиб!

— Как погиб? — удивился толстый священник. — Вы из милиции?

— Нет! Я военный, майор в отставке. Он погиб из-за меня, точнее, из-за нас с моей невестой! Его убили этой ночью. Убийцы искали нас, а отец Виталий отправил нас ночевать на сеновал за кладбищем, на поле, а сам остался здесь. Убийцы пытали его, чтобы узнать, где мы находимся, но, судя по тому, что мы до сих пор живы, он не выдал им нас.

— А где ваша невеста?

— Здесь, на кладбище, метрах в ста к востоку, я спрятал её там, когда мы шли сюда!

— Может быть, её позвать? — спросил мужчина, сопровождавший священника. — Хотите, я схожу?

— Ни в коем случае! — отрицательно покачал головой Сергей. — У неё оружие, и она будет стрелять во всех, кроме меня! Зайдите в дом, батюшка, посмотрите, если не боитесь изуродованного трупа.

— Я этого в Чечне насмотрелся, уже не боюсь! — ответил священник и начал тяжело подниматься на крыльцо.

— В Чечне? А где, в каком году? — оживившись, спросил Серёга.

— В Грозном, в девяноста шестом, в марте, как раз, когда боевики на город напали, затем в Аргуне, в две тысячи первом, и в Ханкале тогда же. Мы там не могли с вами встретиться?

— Нет, батюшка, я больше в горах «зелёнку» топтал, я разведчик, спецназ ГРУ. У нас своя была работа, специфическая. А вы, батюшка, не игумен из Покровского?

— Да, это я! Вам про меня что-то отец Виталий говорил?

— Да, он, — кивнул Сергей.

— Ну ладно, поговорим потом, — полный священник, перекрестившись, вошёл в дом.

— Алексей! — протянул руку Серёге поднявшийся вслед за священником на крыльцо мужчина.

— Сергей! Русаков! — пожал ему руку Серёга. — А батюшку как зовут?

— Игумен Флавиан, — ответил Алексей и тоже вошёл в дом.

ГЛАВА 24. КОЛОНТАЕВО

— Даша! Дашенька! Это я! — крикнул Серёга, приближаясь к тому месту, где он оставил девушку. — Ты в порядке?

— Я здесь, всё хорошо, Серёжа! — Даша выбежала из сирени, всё ещё держа пистолет в сжатом кулачке. — Там всё в порядке? Батюшка нас отвезёт?

Сергей взял у неё из руки оружие, снял с боевого взвода, поставил на предохранитель и сунул в карман куртки.

— Батюшка нас отвезёт, Даша, но уже другой батюшка. Отца Виталия убили этой ночью...

— Как, кто? — в ужасе схватила за лицо руками девушка. — За что?

— За то, солнышко моё, что он не сказал убийцам, где мы с тобою находились этой ночью! Они искали нас. Отец Виталий умер как герой. Они его пытали.

— Как святой мученик, Серёжа! — Даша отняла руки от залитого слезами лица. — Так мученики святые умирали за веру и за ближних! Серёжа! Он теперь святой, ему молиться можно! Так нам отец Леонид говорил про Женю Родионова, солдата нашего в Чечне, которому отрезали голову, но он не снял свой крестик и не отрёкся от Христа!

— Отцу Виталию тоже отрезали голову, Даша, это были такие же звери, как в Чечне, возможно, даже и приехавшие оттуда! Не плачь, радость моя! Ты же сама говоришь, что отец Виталий теперь святой, теперь он с Богом! — Сергей прижал к себе зарывавшую девушку, погладил по голове, поцеловал в макушку. — Пойдём, радость моя, там нас ждёт отец Флавиан, тот самый игумен из Покровского, про которого так хорошо отзывался вчера отец Виталий! Я ему всё рассказал о нас с тобой, он нам поможет! Он отвезёт нас в Колонтаево прямо сейчас!

— Хо-хорошо! — всё ещё всхлипывая, закивала головой девушка и, поддерживаемая за плечи Сергеем, направилась к выходу с кладбища.

— Здравствуй, Дашенька! — обратился к девушке отец Флавиан, когда Сергей подвёл её к крыльцу, на ступеньке которого примостил своё туловище полный священник. — Помоги, Лёша, подняться! Благодать Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа на девице Дарии! — он, с трудом поднявшись со ступеньки, благословил подставившую ему ладошки заплаканную девушку. — Христос посреди нас!

— И есть и будет, батюшка! — радостно подняла на него глаза Даша. — Отец Леонид нас тоже так благословлял!

— Отец Леонид, часом, не Ферапонтов ли?

— Да, батюшка! Вы его знаете?

Отец Флавиан с Алексеем с улыбкой переглянулись.

— Он только вчера от нас уехал, из Покровского! — ответил батюшка. — Он ездит к нам давно, со второго курса семинарии! Пойдёмте в машину, ребята! Так, Алексей! Ты отвезёшь ребят до Колонтаева, потом вернёшься сюда за мной! Я позвоню Михалычу в УВД и дождусь следственной бригады. О вас, — он повернулся к Сергею с Дашей, — я ничего не знаю, вас здесь не было, вот это с собой возьмите! — он протянул Сергею пакет, в котором лежали подобранные им в доме тарелки, вилки и стаканы, из которых ели и пили спецназовец с девушкой. — Вилки там три, всё вымоете и оставите себе, там в Колонтаеве, будет вам память об отце Виталии, о его святом гостеприимстве... А операм пока меньше ненужной информации, чтоб голову, над чем не надо, не ломать! Езжайте! Сядете в багажном отделении, где занавески, и до самого Колонтаева голов не высовывайте! Поняли? С Богом!

Он вытащил из кармана мобильник и начал искать в его адресной книге нужный номер.

Сергей и Даша, забрав из «Жигулей» покойного отца Виталия свою спортивную сумку, быстро загрузились в «Лендровер», и Алексей, благословившись у батюшки на дорогу, тронул машину с места.

— Так, смотри, Эдик, «Лендровер» выезжает, кто в нём? — вглядываясь в окуляры бинокля,

спросил Якуб. — Я плохо вижу!

— Там один водитель с бородой, который жирного попа привёз! — Эдгарс внимательно изучал внутренность салона подъезжающего к развилке «Дефендера» сквозь оптический прицел своего оружия. — На вторых сиденьях никого нет, а сзади, на откидных сиденьях, не видно из-за занавесок! Что делаем?

— Пропустим! Вряд ли Русак с этим жирным попом знаком! Значит, он с ним не стал контактировать! Конечно! Тот же может Русака первого сейчас в убийстве и заподозрить! — Якуб оторвался от окуляров. — Скорее всего, Русак сейчас дожидается момента, чтобы «семёрку» захватить и на ней с девкой до приезда ментуры смыться! А жирный поп сейчас, наверное, ментуру ожидает!

— Зачем тогда он своего водителя усрал? — встрял в разговор Магомед.

— Я знаю? — отмахнулся Якуб. — Может, за кем-нибудь или за чем-нибудь послал, чтоб хоронить покойника? Эдик, у христиан на какой день хоронят?

— У православных, кажется, на третий... — задумался латыш. — Хотя кто им отдаст теперь труп, пока его эксперты не отработают, как им положено. А это вряд ли меньше недели у них займёт, с их расторопностью! Вспомни, по сколько они на войне трупы федералов родне не отдавали!

— Ну, то — война!

— Какая разница! — плюнул латыш. — Русские везде такие же жадные и ленивые свиньи: что на войне, что на гражданке! Ладно, давай смотреть дальше!

— О! Смотри! Тот же мужик опять возвращается, на той же машине! — Якуб внимательно смотрел в бинокль. — И опять один! Видно, недалеко ездил!

— Ну да! — задумался Эдгарс. — Вряд ли дальше, чем за десять километров.

— Какие десять? — Якуб посмотрел на него укоризненно. — Это что, «Феррари»? Это уазик английский! Я на таком дома, в Ичкерии, катался — по трассе он — тот же уазик!

— Что тут у нас в той стороне на расстоянии от пяти до десяти километров? — открыл карту Эдгарс. — Так! Вот есть деревня Колонтаево, до неё три с половиной километра, дальше Икшино, но уже через четырнадцать! И в стороне — Покровское, туда девять. Почти сто процентов, что он ездил в это Колонтаево!

— Смотри! Вот и менты приехали, на трёх машинах! — Якуб покачал головой. — Теперь Русаку на «семёрке» уже не выехать! Значит, у него есть какой-то другой план! Какой?

— Ну вот, Дашоночек мой! — Сергей первым вошёл в потемневший бревенчатый старинный дом, расположившийся в глубине старого, давно не обрабатывавшегося рукой садовника, яблоневого сада. — Здесь на какое-то время у нас будет убежище!

— И нас здесь не найдут эти люди, которые хотят нас убить? — тревожно спросила девушка, оглядывая непривычный интерьер нового жилища, пахнувшего каким-то особым, присущим только старым бревенчатым домам, запахом.

— По крайней мере, не скоро, как я надеюсь, — ответил Сергей, оглядывая все входы и выходы

из этого достаточно просторного строения. — У нас есть время всё обдумать, подготовиться и принять какие-то защитные меры! Ты знаешь, в этом доме, очевидно, до революции жили купцы или зажиточные крестьяне! Смотри, какие толстые брёвна в стенах, какая печка мощная, с изразцами, и потолки высокие! Бедные люди, наоборот, старались дом иметь поменьше и потолки пониже, чтобы дешевле было зимой отапливать!

— Смотри, Серёжа! — Даша распахнула массивную филёнчатую дверь в другую комнату, оказавшуюся спальней. — Какая огромная кровать, с резьбой! И шкаф какой могучий!

— Да, Миха молодец, что этот дом купил, — сказал Сергей, заходя вслед за Дашей в бывшую хозяйскую спальню. — Хоть и далеко от Москвы, но место замечательное, тихое, сад здоровенный, колодец во дворе, а главное — сам дом! Просто всем домам — дом! Ты хотела бы когда-нибудь иметь такой старинный дом в деревне?

— Не знаю... — задумалась девушка. — Мне так понравилась твоя веранда с яблочными корзинами, твоя кухня с туесками и берестяными коробочками, я даже лучше дома себе и не представляю... Этот, конечно, тоже хороший, но твой... Твой какой-то особенный, какой-то тёплый и родной! Неужели мы когда-нибудь его ещё увидим?

— Увидим, обязательно! — Сергей достал из внутреннего кармана куртки мобильник, данный ему Михой, нажал кнопку вызова, прислушался к гудкам. — Алло, Миха! Ну, здравствуй! Вот мы и добрались до норки, только сейчас из Погостища...

— Про Погостище и убийство священника уже знаю! Мне подполковник знакомый из УВД Твери только что звонил, Владимир Михалыч, просил посодействовать через дядю жены, дело может стать резонансным, сам понимаешь, тверской убойный отдел сейчас на ушах стоит!

— Владимир Михалыч?... — Серёга быстро попытался вспомнить, где он совсем недавно слышал про какого-то Михалыча из тверского УВД, но не вспомнил.

— Ну да! Хороший дядька! Он, как и моя жена, к одному батюшке там ездит, неподалёку от дома, где ты сейчас, в Покровское! Хороший батя, настоящий, наш! В чеченскую войну несколько раз на фронт приезжал, мотался на передовую, ребят крестил там, исповедовал, причащал, был под обстрелом! Я там с ним, собственно, и познакомился, потом жену к нему привёз, теперь вот дом этот купил, чтоб в отпуск ездить к этому батюшке поближе...

— Его зовут игумен Флавиан?

— Точно! Ты что, Серёга, с ним уже знаком?

— Уже знаком!

— Отлично! Ну, ты, братишка, меня порадовал! Держись там за него, он вам поможет обязательно! А я тут тоже кое-что предпринимаю... Процесс запущен такой, даже страшно говорить! Ну, всё! Пока! Сидите там тихонько, общайтесь с батюшкой, если получится! Ещё немного надо продержаться! Прорвёмся, Серёга, братишка!

— Прорвёмся, Миха!

— Да! В подполье есть картошка, заготовки в банках, в холодильнике отключенном стоят крупы и макароны. И ещё там, в спальне под кроватью, ящик, в нём есть двустволка старенькая, неучтёнка, она мне в приданное к дому досталась, рабочая вполне! А патроны там же, в ящике, свежие, хорошие, с картечью на кабана! Несколько пачек, я всего разок там

поохотиться успел... Вдруг пригодится! Ну, Бог вам в помощь!

— Тебе тоже! Счастливо, Миха!

— Бывай!

Сергей нагнулся и вытащил из-под кровати длинный плоский ящик. В нём оказалось завёрнутое в вафельные полотенца старенькое двуствольное курковое ружье, наверное, ещё довоенное. Сергей собрал его, осмотрел, проверил работоспособность ударно-спускового механизма — всё работало исправно. Патроны были итальянские, с восьмимиллиметровой картечью, в патронник входили идеально.

— Ну вот, Дарёнка! — Серёга продемонстрировал ей ружьё. — Тяжёлая артиллерия! Теперь хоть год можем круговую оборону держать!

— Я этого всего боюсь, Серёжа! — поёжилась девушка. — Пойдём посмотрим, где здесь кухня, посуду какую-нибудь найдём, мне надо тебе ужин приготовить!

— Пойдём! Я видел с улицы железный шкаф для газовых баллонов, сейчас проверю, есть ли в них газ!

— Ну что, Якуб! Проверим Колонтаево? — Эдгарс сложил карту Тверской области и сунул её в карман на водительской двери. — Я думаю, здесь не так много машин катаются на фирменной раллийной резине, как тот «Лендровер», на котором жирного попа привозили! Я эту марку знаю, «BF Goodrich. Mud-terrain». Сам в Латвии на ней по молодости катался, когда был в автоспорте. Надо посмотреть на съезде с трассы в это Колонтаево: если следы такие есть, значит, машина ездил туда. А если машина ездил туда...

— ... то, значит, там может быть и наш «клиент»! — продолжил Якуб. — Не мог же он вместе с девкой в воздухе раствориться, а с ментами им пересекаться сейчас нельзя, он это знает! А значит...

— ... значит, их мог вывезти тот мужик на «Дефендере» на откидных сиденьях сзади, где из-за шторок их не было видно! Логично! — Эдгарс повернул ключ в замке зажигания, заводя двигатель.

— Поехали! — Магомед потрогал за пазухой рукоять ножа. — Я их резать буду!

Машина выехала из перелеска на трассу и направилась в сторону деревни Колонтаево.

ГЛАВА 25. КОЛОНТАЕВО. ПРОДОЛЖЕНИЕ

— Здравствуй, Мурад! Ты быстро приехал, это хорошо! — Умар погладил себя по благородно-седой бороде. — Я тебя срочно вызвал, чтобы сказать, что мои бойцы нашли Русака и девку в деревне Колонтаево, под Тверью, дом под наблюдением, ночью будут убирать!

— Отлично, Умар! Я всегда знал, что ты со своими профессионалами сможешь решить любую проблему! Запускай вторую «торпеду» по Джабраилу! Он сегодня будет в клубе Валентина, я его задержу подольше, а когда он подъедет к дому, у ворот его можно брать как ягнёнка!

— Хорошо, Мурад! От клуба до его дома на Новой Риге около часа езды. Как только он выйдет из клуба, ты позвони мне, скажи «алло!» и сразу вешай трубку. Договорились?

— Договорились, Умар! Деньги? — Мурад сделал жест к карману пиджака.

— После работы! — покачал головой седобородый кавказец.

— Миша Шлычков звонил, просил вас навестить! Он мне сказал, что жизнью тебе обязан! — отец Флавиан вошёл в Михин дом в Колонтаеве вслед за Алексеем, принесшим из машины два объёмистых пакета с продуктами. — Ещё сказал, что во время войны в Чечне, вы с другом спасли его и ещё нескольких его солдат от верной гибели! А где сейчас тот друг?

— Я его убил несколько дней назад, батюшка... — Сергей прямо посмотрел в глаза священника. — В тот день, когда Бог подарил мне Дарью!

— Ну, тогда садись, рассказывай, брат Сергей, всё, что с вами произошло! — священник отодвинул стул и тяжело опустился на него, положив руки с тяжёлыми, крупными кистями на стол.

— Отче! — обратился к нему из дверного проёма Алексей. — Благослови дочурке с ужином помочь?

— Давай! Благословляю! — кивнул священник. — А мне водички простой попроси её стаканчик принести, колодезной! От гипертонии...

...Ну, вкратце вот так, батюшка! — Серёга завершил свой рассказ о событиях последних дней.

— Да, теперь «картинка», как говорят, сложилась! — задумчиво вздохнул отец Флавиан. — Подумать надо...

— Ты, геронда, думать-то думай, — Алексей поставил на стол сковородку с ароматно пахнущей луком жареной картошкой, установив посудину на подставку из дощечки, которую ловко подставила ему Даша, — а людям кушать нужно! Смотри, как девочка с этим офицером истощала, давай-ка заберём её в наш приходский дом, к Галине на откорм?

— Ой, нет! Я от Серёжи никуда не уеду! — испугалась девушка.

— Он шутит! — улыбнулся Флавиан. — А может, вам и правда вместе с Дарьей, Сергей, поехать к нам в Покровское? Там всё же люди, безопаснее!

— Не для людей, батюшка! — Сергей покачал головой. — К сожалению, я могу к вам «на хвосте» этих уродов притащить! Нельзя так рисковать...

— Хм! Ты прав, наверное... — отец Флавиан посмотрел на Дашу. — Может, тогда действительно нам только Дашеньку у себя спрятать?

— Нет! — обхватив сзади сидящего на стуле Серёгу и вцепившись в него изо всех сил, заявила девушка. — Я только с ним! — и прижалась лицом к его щеке.

— За ней также охотятся, как и за мной! — сказал Сергей.

— Тогда, может, Юрку сюда? — предположил Алексей.

— Юрку? — священник поднял брови. — Хм! Юру — это мысль! Тоже спецназ, коллеги... Где он сейчас?

— Как бы он в Софрино за свечами не уехал! — нахмурился Алексей. — Даже не знаю, успеет

ли сегодня вернуться? Или опять в Лавре заночует... надо позвонить!

— Ты позвони!

— Хоккей!

— Что? — не понял Серёга.

— О'кей! — улыбнулся отец Флавиан. — Не обращай внимания, Лёша тот ещё словотворец!

Алексей вышел. Даша расставила тарелки, положила на стол вилки с ложками, нарезала хлеб на дощечке.

— Дашенька, доченька, ты мне тарелку не ставь, — обратился к ней священник. — Я только чайку с вами попою, мне есть нельзя на ночь!

— Дарья! Ставь обе тарелки мне! — провозгласил вновь вошедший в комнату Алексей. — Я за него, в отношении еды я всегда исполняю заповедь «Носите тяготы друг друга»!

— Ну, дозвонился? — посмотрел на него отец Флавиан.

— Ага! Он постарается... Я всё ему объяснил.

— Ну ладно! Дашенька! Читай «Отче наш»!

— Слушай, Якуб! Сколько мы ещё будем здесь сидеть? — Магомед нетерпеливо заёрзал на заднем сиденье автомобиля. — Может, пойдём, перестреляем их всех и уедем?

— Сиди спокойно, Магомед! — Якуб неторопливо поигрывал в руках пистолетом, вставляя и выбрасывая из рукояти магазин с патронами. — Латыш следит за домом. Как только поп с водителем уедут, сразу пойдём работать! Не будем давать Русаку времени освоиться в доме и быть готовым к опасности. Неожиданность будет работать на нас!

— Ладно! Ты главный, ты и думай! Попробую спать пока! — Магомед свернулся на заднем сиденье машины, предварительно выложив рядом с собой на коврик на полу пистолет Макарова и кривой нож в кожаных ножнах.

— Давай спи! — Якуб в последний раз загнал ладонью магазин с патронами в рукоять пистолета и положил его перед собой на переднюю панель автомобиля. — Пусть тебе рай приснится, как там по-арабски — «джамат»?

— Джаннат! — ответил с заднего сиденья иорданец.

— Слушай, Магомед! Не спи ещё пока, ты мне скажи вот что, — Якуб развернулся на переднем сиденье к Магомеду, поджав левую ногу под себя. — Вот мулла говорил, что в раю у праведников будут с ними их жёны и ещё гурии какие-то? Кто такие эти гурии?

— Гурии — это «черноокие полногрудые девственницы», так в Коране сказано!

— Не пойму, Магомед, а жёны там тогда зачем? Жена нужна, чтобы стирать, готовить, детей рожать! Там же этого ничего, вроде, не будет, да? Тогда зачем там жёны, для секса гурий хватит! Как думаешь, а?

— Слушай, Якуб, спрашивай муллу об этом! Дай спать, а?

— Да ладно, спи! Вернёмся в Москву, я тебя в такой «джаннат» свожу, где тебе «гурий» будет, сколько хочешь! И полногрудых, и чернооких, и светлооких, и каких только захочешь «оких»! И недорого, совсем!

— Отстань, а! Из-за таких, как ты, мусульман, Аллах и перестал нам помогать в Ичкерии! Джаннат не для таких, кто только о деньгах и девках думает!

— Да ладно, тебе, Магомед! С деньгами мне и здесь «джаннат»!

— Батюшка! Можно мне спросить вас вот о чём, — Сергей отставил наполовину отпитую чашку с чаем и посмотрел на сидящего за столом напротив него отца Флавиана. — Почему Бог допускает, чтобы столько зла творилось в мире и у нас в стране, ведь говорят, что Бог — это любовь? А как совместить, что Бог — это любовь, с тем, что вокруг творится, взять, вот, хоть Дашину историю? Не складывается всё это у меня в голове! Душой чувствую: да! Бог — это любовь! А умом не догоняю! Может, у меня мозги какие-то «затренированные»?

— Это хорошо, Сергей, что мозги тренированные, быстрее во всём разберёшься! Зло не может не существовать там, где есть свобода, где есть выбор между злом и добром. А без свободы выбора не может существовать любовь!

— Батюшка! Можно пояснить это, я привык мыслить по-солдатски: добро — это когда ты жив и цел, а зло — это когда ты ранен или мёртв. И как тут со свободой выбора — мне не очень понятно!

— Ну, в общем, ты всё правильно и сказал! Переложи свои слова с тела на душу. Ты знаешь, что такое душа?

— Наверное, душа — это то во мне, что мыслит, чувствует, принимает решения, любит. Ещё, не знаю... болит, наверное, или радуется. Как бы моя душа — это сам я!

— Абсолютно точно, Сергей! — обрадовался отец Флавиан. — Я же говорил, что тренированные мозги — это хорошо! Ты обижался на кого-нибудь когда-нибудь?

— Конечно, обижался!

— Как ты себя чувствовал в то время? Я имею в виду — в душе.

— Плохо себя чувствовал.

— А когда переставал обижаться, например, прощал обидчика?

— Тогда, естественно, на душе лучше становилось!

— А если пускал в себя зависть или гнев, или уныние?

— Ну, с завистью мне как-то сложно сказать, я не помню, чтобы кому-нибудь завидовал, а вот с гневом всё в порядке — как вспомню про Погостище и про отца Виталия, в груди прямо комок какой-то возникает и сильное желание этих животных порвать. Голыми руками.

— Приятное это чувство, не хочется от него освободиться?

— Хочется, очень неприятное. И про уныние, кстати, тоже вспомнил. Когда я понял, что из-за осколка в спине мне из армии уйти придётся, признаюсь, унывал. Сильно унывал! Так было плохо, что жить не хотелось! Это было, помню!

— Болело что — душа?

— Да, душа болела. Даже когда уже и болеей никаких в спине не стало, а душа болела, сильно. Очень муторно было!

— Вот это и есть зло! То, от чего болит тело — зло для тела. То, от чего болит душа — зло для души. Зло — это то, что приносит боль, разрушение и смерть. Ещё это зло называют словом «грех».

— А я думал, что грех — это нарушение каких-то правил, заповедей!

— А правила нужны для чего? Ну, например, правила дорожного движения?

— Наверное, для того, чтобы все водители целыми доезжали, кто куда едет, чтобы аварий не было, пешеходов не сбивали...

— Можно сказать, чтобы не причиняли зла себе и окружающим?

— Да, можно!

— То есть можно сказать, что соблюдение этих правил — добро, а нарушение — зло? В принципе, конечно, не рассматривая исключения.

— В принципе, да, бесспорно!

— Заповеди Божьи — это такие же Правила, данные Богом людям для того, чтобы те не калечили и не уничтожали самих себя или окружающих!

— Это понятно.

— Теперь подумай, почему Бог дал людям такие Правила, чтобы они не калечили себя?

— Наверное, Он хочет, чтобы нам было хорошо, а не плохо!

— А почему? Что Ему до нас? Он — Творец всей Вселенной, а мы — тля какая-то в Его масштабах!

— Трудно сказать...

— Ты Дашу любишь? — священник пристально посмотрел Сергею в глаза.

— Люблю, — просто ответил тот.

— Ты хочешь, чтобы ей было хорошо, чтобы она была счастлива?

— Хочу, без вариантов.

— Ты предупредишь её, чтобы она не схватилась рукой за горячую сковородку?

— Да, конечно! Понял... Получается, что Бог Своими Заповедями предупреждает нас от разрушения самих себя злом? То есть грехом! То есть, как я понял, грех и зло — это одно и то же! Он делает это, потому что Он нас любит? Ну да, раз «Бог есть любовь»! Тогда понятно...

— Бог, Серёжа, не просто некая абстрактная «Любовь», Бог Сам открыл нам в Святом

Писании, что Он для нас есть — Любящий Отец! Единственная молитва, не составленная людьми, пусть даже святыми, а данная Самим Господом Иисусом Христом, начинается словами обращения к Отцу — «Отче наш»! И, явившись после воскресения Своего Марии Магдалине, Христос сказал: «Восхожу к Отцу Моему и Отцу вашему, и к Богу Моему и Богу вашему». То есть важно понимать, что взаимоотношения Бога с людьми — это не просто отношения Создателя и создания, а отношения Совершенного Любящего Отца со Своими возлюбленными Им детьми, пусть даже непослушными и злыми. И эти отношения всегда имеют целью пользу этих «детей», их благо, их спасение от гибели и мучений. Вечных мучений!

— Кажется, начинает укладываться в голове, батюшка...

— Спрашивай, что непонятно, постараюсь объяснить.

— Значит, зло, которое творится вокруг, неумолимо Богу?

— Категорически неумолимо!

— Тогда почему оно есть? Почему Бог не сделает так, чтобы Его дети не могли творить зла?

— Дарья!

— Да, батюшка!

— Ты любишь Сергея? Честно говори!

— Очень, очень люблю, батюшка! Честно-пречестно!

— А можешь его не любить?

— Как это не любить... нет! Не могу!

— Почему?

— Не знаю... Потому, что я его люблю!

— Но у тебя был выбор, любить его или не любить!

— Да, был, конечно! Я его сперва очень испугалась! Когда он... Ну, в общем, испугалась! А потом почувствовала, какая у него добрая душа, и полюбила его! Очень-очень! — Даша вновь подошла к Сергею сзади его стула, наклонившись, обняла его и прижалась к его щеке своей щекой.

Сергей нежно приобнял девушку рукой и тихонько поцеловал в лоб.

— Батюшка! Я сейчас от зависти тресну! — Алексей изобразил на лице страдание. — А Иришки моей рядом нет, и мне некого поцеловать! Пряма беда!

— Серёжа! — священник с улыбкой смотрел на Сергея с Дашей. — Тебе ценно, что Дарья полюбила тебя добровольно, своим свободным выбором?

— Конечно, батюшка! — отвечал Сергей, продолжая удерживать свою щеку прижатой к щеке девушки.

— А представь себе такую ситуацию, — отец Флавиан вновь посерьёзней. — Тебя встречает

девушка, вот Даша, например, которую гипнотизёр «запрограммировал» на «любовь» к тебе, помимо её воли, как робота или компьютер программируют. Тебе такая «любовь» доставит радость?

— Нет! Я так не хочу! — подумав коротко, с уверенностью сказал Сергей. — Любовь должна быть только добровольной, иначе это не любовь!

— Ну вот! Ты сам всё и сказал! — вздохнул священник. — Богу тоже угодны только те Его чада, которые добровольно, имея возможность выбора — принять или не принять Его отеческую любовь, ответить или не ответить на неё своей сыновней или дочерней любовью — своей свободной волей принимают Божью любовь и отвечают взаимностью!

— Понял! — кивнул головой Сергей, пододвигая ближе стул и усаживая на него девушку так, чтобы её голова могла покоиться на его плече.

— Вот и причина, по которой Бог не может лишить человека выбора — быть с Богом или без Него, творить добро или творить зло. А каждый человек уже сам выбирает то, что ближе его сердцу, к чему склонна его душа, и тем самым выбирает или счастье жизни с Богом в Его любви или мучение жить в отвержении Его. Со всеми вытекающими последствиями.

— Выходит, те, кто творят зло свободным выбором, отвергли Бога?

— И приняли Его врага — дьявола! Пустоты в жизни не бывает, Христос сказал: «Кто не со Мною, тот против Меня»! Соответственно, тот, кто не принимает в своё сердце Божью любовь, делает это сердцеместищем дьявольской сущности — ненависти! И эта ненависть уже руководит всеми мыслями, чувствами и делами такого человека. Со всеми вытекающими отсюда последствиями. Как для него самого, так, к сожалению, и для окружающих...

ГЛАВА 26. КОЛОНТАЕВО. ПРОДОЛЖЕНИЕ

— Батюшка! — Сергей вновь обратился к Флавиану. — Но почему так много людей выбирает путь зла?

— Ты хочешь быть счастливым или нет? — Флавиан ласково посмотрел на прижавшуюся к Сергею Дашу.

— Конечно, хочу! — Сергей взял руку девушки в свою и поцеловал её тёплую ладошку. — Вот оно — моё счастье!

— А для тебя, Дашенька, что такое счастье? — Флавиан улыбнулся, глядя на закрывшую глаза девушку, не отрывающую свою щёчку от щеки Сергея.

— Чтобы мы с Серёжей были вместе и с Богом!

— Ну, вот видишь, Сергей, — вздохнул священник, — у вас с Дашей понимание счастья почти идентичное.

— Наверное, совсем идентичное, батюшка! — ответил Сергей. — Просто я Бога ещё совсем не знаю, и Он не составляет для меня такую важную часть жизни, как для неё. Но я честно хочу стать с Ним ближе!

— Раз хочешь, значит, станешь! — кивнул священник. — Бог всегда идёт навстречу тем, кто хочет Его познать и ощутить то счастье, которое даёт человеку жизнь с Ним и в Нём! Это,

собственно, и есть единственное истинное счастье — жить в Боге и Его Божественной Любви вместе с другими, любимыми Им и любящими Его людьми. Всё остальное — искусственные «счастье-заменители»! Но истинное счастье достигается трудом и жертвой, иногда большим трудом и великой жертвой. Тогда как продавец «счастье-заменителей» — дьявол — предлагает «свой товар», вроде бы, за очень невысокую цену! Только потом эта «халява» оборачивается потерей не только намного большего, чем человек предполагал за этот «счастье-заменитель» заплатить, но и — главного — утратой настоящего счастья и вечным мучением!

— Батюшка! — задумался Сергей. — А какие это «счастье-заменители»?

— Какие угодно! Богатство, власть, деньги, телесное здоровье, слава, комфорт, алкоголь, наркотики, плотские наслаждения, спорт, коллекционирование, искусство — нет им числа!

— Но разве это всё плохо? — удивился Сергей. — Ну, хотя бы спорт, здоровье, деньги тоже, в общем-то, нужны...

— Да нет! Сами по себе многие из этих вещей совсем не плохи, если не брать такие крайности, как наркотики или ещё какие-нибудь противоестественные удовольствия. Бедой для человека они становятся тогда, когда в его жизни они занимают место Бога! Когда человек вместо познания Творца и соединения с Ним начинает предназначенные для этого силы души тратить на достижение какого-либо «счастье-заменителя», только в нём одном видя и полагая своё упование стать счастливым! А сущность «счастье-заменителей» как раз в том, что они не могут дать никому той полноты радости и счастья, которые возможны только в Боге! Вот, кажется человеку — завоюю ещё миллион долларов или сто миллионов, или миллиард, или стану большим начальником, президентом, королём, или оставлю рекорд в книге Гиннеса — и тогда будет у меня полное счастье! Но, достигая желаемого, он вдруг обнаруживает, что достигнутое совсем не даёт ему того блаженства, на которое тот рассчитывал! И, как наркоману, ему требуется всё большая и большая доза того «наркотика», на который он себя сам «подсадил», купившись на дьявольскую приманку! Иначе наступает «ломка» — страдание, по-церковному — «страсть»! Вот бедняга и гонится за подкинутым ему дьяволом призраком «счастье-заменителя», всё больше растрачивая на это душевные и телесные силы, всё сильнее теряя способность к обретению настоящего Счастья, до тех пор, пока не приходит к нему смертный час, и «ломка» не переходит в вечную фазу.

— Страшно! — выдохнула из себя Даша.

— Страшно, конечно! — вздохнул отец Флавиан. — Ещё страшнее, когда происходит подмена истинной жизни в Боге её внешней, формальной стороной!

— Это как? — недоуменно поднял брови Сергей. — Поясните, батюшка!

— Дьявол — это опытный «психолог» с многотысячелетним опытом «работы» с человеком, весь жизненный опыт которого ограничен семью десятками лет или чуть большим сроком. Если бы Бог, по милости Своей, не держал дьявола «на коротком поводке», допуская ему искушать человека только в пределах возможности искушаемого своей свободной волей отвергнуть и победить это искушение, то не смог бы спастись от гибели ни один человек! И этот «рогатый психолог», видя склонности человека, предлагает ему такие именно искушения, которые наиболее соответствуют желаниям его сердца.

Например, если человек склонен любить покой и комфорт, то дьявол и искушает его ленью и раздражением ко всему, что его комфорту и покою препятствует. И не будет настраивать такого человека на «трудоголизм». Если человек имеет склонность к плотским удовольствиям

— чревоугодию, блуду, пьянству — дьявол будет стараться развивать в нём именно эти пороки, а не чрезмерное постничество, чванливость своим целомудрием или трезвенничеством. Если же он видит, что человек тянется к доброму и светлому, отвергает явные пороки и ищет Бога, дьявол подсовывает ему такую модель религиозной жизни, которая не только не соединит этого человека с Господом, но, напротив, ввергнет его в гарантированную погибель! Ищущему Бога человеку, дьявол как бы говорит: «Хочешь найти Бога — иди сюда!» — и подсовывает ему неисчислимое множество религиозных заблуждений, ведущих в сектантство, язычество или откровенный демонизм. Чего стоит только один сатанинский лозунг: «Бог должен быть в душе, а в Церковь ходить не надо!» Это при том, что Сам Христос сказал: «Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее»!

Если же человек всё-таки находит путь к православию, воцерковляется и начинает учиться строить свои отношения с Господом на основе двухтысячелетней церковной традиции, то «рогатый психолог» и здесь не дремлет! У него на выбор множество вариантов путей ложного благочестия, идя которыми, человек становится полной противоположностью тому идеалу христианина, к которому его призывает Сам Христос!

— Батюшка! — Сергей внимательно посмотрел в глаза священнику. — Как не ошибиться начинающему христианину, вот такому, как я, в выборе своего пути в церковной жизни? Как определить, правильно ли ты поступаешь в той или иной ситуации?

— Трудно это, Серёжа! Очень трудно! — согласно кивнул Флавиан. — Идеальный вариант — это когда человек, только что пришедший в Церковь, сразу обретает себе нормального, «вменяемого» духовника — священника, который будет наставлять и учить начинающего христианина духовной и церковной жизни, подобно инструктору в автошколе. Беда в том, что таких духовников в наше время очень не хватает! Зато есть немало священников, которые сами имеют превратное представление о духовной жизни и ведут свою паству совсем не туда, где душа христианина соединяется с Богом! Такие и учат прихожан выбрасывать паспорта, отказываться от налоговых номеров, срезать наклейки со штрихкодом товара с продуктов и прочей белиберде, выдавая всё это за подлинно христианскую жизнь! А сколько священников не понимают необходимости частого и регулярного причащения для прихожан, жёстко настаивают на формальном соблюдении введённых в Русской Церкви всего два века назад правил приготовления к этому Таинству, не взирая на обстоятельства жизни и особенности личности приходящих!

Сколько у нас появляется вследствие такой пастырской деятельности новых фарисеев, для которых самое главное — выполнить внешние формальности — «вычитать» молитвенное правило вместо сердечного общения с Богом в искренней молитве, не съесть в постный день белый хлеб, «потому что он сделан на сыворотке», но при этом «поедом есть» своих ближних. Сколько ходящих каждое воскресенье в храм христиан абсолютно уверены, что само формальное исполнение обрядов, подача записок на проскомидию, зажигание свечей перед иконами, питьё святой воды с просфорой, чтение молитв по молитвослову, выстаивание богослужений, «отчёт о проделанных грехах» на исповеди и есть, собственно, христианская духовная жизнь! При этом внутри самого человека не происходит изменений в сторону умягчения его характера, такой христианин не становится от выполнения всех этих внешних признаков церковности ни добрее, ни терпеливее, ни смиреннее, не становится сосудом, наполненным Божественной любовью, изливающейся на окружающих людей.

Напротив, он изливает на окружающих своё осуждение, нетерпимость, рождающуюся от чувства собственного превосходства над неверующими, свойствами его характера становятся раздражение, хамство, обвинение окружающих в подлинных и надуманных грехах! Уже притчей во языцех стали злобные «церковные бабки», всю службу раскладывающие «пасьянс»

из огарков на подсвечнике и зорко следящие, чтобы ни один молодой человек или девушка, впервые зашедшие в храм, не проскочили мимо них, не получив свою порцию обличений и наставлений! Ладно бы только «бабки»! Что творим мы — попы! Лучше не буду об этом...

Истинная духовная и церковная жизнь состоит в изменении ума, обозначенном греческим словом «метанойя» — у нас переведённом как «Покаяние»! В очищении души от греховных навыков и в приобретении нового свойства — способности вмещать в себя и нести другим людям Божественную любовь! Любовь, про которую сказано в Священном Писании, что: «Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает...» Если человек, в процессе своей церковной жизни, не приобретает перечисленных здесь качеств, значит, его духовная и церковная жизнь идёт не по правильному пути!

— А как определить, батюшка, какой путь правильный? — спросил Сергей.

— Правильный путь христианской духовной жизни называется «синергией» — «сорботничеством» по-гречески, то есть совместной работой Бога и человека по спасению этого самого человека. Без Бога, без Его помощи, Его благодатных церковных Таинств, Его промыслительного вождения человек самостоятельно не может очистить свою душу от зла-греха и сделать её любвеобильной! Но и Бог, давший человеку свободную волю и открывший ему Путь Спасения, не может за шиворот втащить в Рай того, кто не хочет этого и сопротивляется Богу. Или диктует Господу — как Он должен его, человека, спасти, вроде: «Господи! Ты меня спаси и введи в Царство Небесное! Но только на «Мерседесе» представительского класса, и чтобы с музыкой и шампанским в придачу»!

Когда больной приходит к врачу и тот определяет у него туберкулёз лёгких, больной должен ради выздоровления принять все условия лечения, которые предложит ему доктор. И уж точно бросить курить, потому что курить и лечиться от болезни лёгких — бессмысленное занятие! Так и в лечении души от смертоносного вируса греха важно точно придерживаться рецептов Небесного Врача, в совершенстве владеющего искусством излечения от страстей человеческих душ. От самого человека требуется осознание своей «болезни», желание исцелиться и старание по выполнению всех рекомендаций и «лечебных процедур», насколько болезненными они бы не были. А вот тут начинаются и проблемы!

Проще ведь механически «вычитать правило», чем заставить своё сердце искренне пережить каждое произносимое слово молитвы! Проще и легче подавать записки за ближних, чем по-евангельски терпеть их недостатки и покрывать их своим смирением и любовью! Проще прочитать на исповеди по бумажке длинный список содеянных проступков, чем на практике постараться победить в себе хоть один, хоть самый маленький из перечисленных в списке грехов! Проще носить «православную» одежду, чем мучительно строить в себе православную душу!

Главное в духовной жизни — опираясь на Божественную руку помощи, подаваемую Им в благодатных церковных таинствах, самому изо всех сил трудиться по выкорчёвыванию из себя греховных привычек и желаний, падая, вновь вставать, держась за эту благодатную спасительную руку, идти, ползти, изнемогая до последнего вздоха, но неудержимо стремясь к тому идеалу духовного совершенства, который явлен нам Богом в Самом Сыне Своём, Иисусе Христе!

Но как же тяжело заставлять себя всё это делать на практике! Гораздо проще приучить себя к

мысли, что достаточно выполнить некие «магические» действия или заплатить священнику, чтобы он выполнил их за тебя, наподобие камлающего шамана, и все твои проблемы будут решены — бизнес будет успешно развиваться, здоровье будет как у быка, а «апартаменты класса люкс» уже ожидают тебя в Царстве Небесном! Но так не бывает... Сам Христос сказал: «Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их». Господь протягивает нам, сидящим в болоте греха, Свою спасительную руку, но ухватиться за неё и карабкаться изо всех сил должны мы сами! А когда наши силы кончатся, тогда Он Своей отеческой рукою Сам вытягивает нас из этого болота...

— Батюшка Флавиан! — вдруг открыла глаза, казалось, дремавшая на плече Сергея Даша. — Батюшка! А вы согласитесь стать нашим с Серёжей духовником?

— Отгадай с одного раза! — с улыбкой ответил за батюшку Алексей.

— Спаси вас Христос, батюшка! — засияла радостью девушка. — Слава Богу за всё!

ГЛАВА 27. КОЛОНТАЕВО. ОКОНЧАНИЕ

— Алло! — короткие гудки.

— Леча! Дай команду начинать по Джабраилу! — Умар положил рацию на стол и вновь включил звук на телевизоре. По спортивному каналу показывали футбольный матч.

— Батюшка! Времени уже третий час ночи! — Сергей посмотрел на часы. — Извините меня, что я так долго мучил вас своими вопросами! Просто для меня было важно всё понять — то, что я подсознательно чувствовал, но никак не мог привести в согласие со своим логическим мышлением!

— Теперь привёл?

— Да, в основном! Хотя теперь вопросов появляется ещё больше!

— Ну что ж, попробую на них ответить!

В телефоне Алексея просигналила поступившая СМС-ка. Он прочитал текст про себя, взглянул на отца Флавиана.

— Это Юрка! Сказал — будет. Ну что, геронда! Давай-ка отвезу тебя в твою обитель! Да и мне что-то после лицезрения этих голубков, — он кивнул на Сергея и уснувшую у него на груди Дашу, — как-то очень хочется скорее под бочок к жене!

— Ну, поехали! — тяжело вставая, вздохнул отец Флавиан. — Сергей! Мы завтра вас проведем обязательно, подумайте пока, что вам сюда из вещей или продуктов привезти!

— Спасибо, батюшка! — Сергей осторожно поднял Дашу на руки и тихонечко положил на небольшой диванчик в той же комнате. — Вроде бы, всё есть пока!

— Ну, хорошо! Не провожай, будь с девочкой!

— Батюшка! Благословите! — Сергей сложил свои мозолистые ладони и протянул их под благословение священнику.

— Господи! Благослови раба Твоего и огради его от всякого зла! — широким крестом осенив Сергея, произнёс игумен Флавиан. — С Богом, Серёжа!

— С Богом, бабушка!

— Так, поп уехал — понял, Эдик! — Якуб сунул мобильник в карман и повернулся к заднему сиденью. — Эй, Магомед, воин Аллаха, вставай, бери свой кинжал, пошли работать!

Оставшись в комнате вдвоём с уснувшей Дашей, Сергей первым делом достал из куртки пистолет. Машинально проверив патроны в магазине и в патроннике, оставил его на боевом взводе и положил на край стола. Затем взял двустволку, раскрыв, посмотрел в стволы на свет висящей под потолком лампочки. Стволы были вычищенными, раковин не было видно. Сергей вставил в стволы по картечному патрону, закрыл ружьё и взвёл курки. Ещё пару патронов положил в неглубокий кармашек на рукаве куртки так, что их латунные «юбки» торчали из кармана наружу. Затем поставил ружьё около двери и, выключив свет, тихонько вышел на веранду, оставив дверь в дом открытой.

Стояла какая-то необычная, напряжённая тишина. Сергей присел на низкую скамеечку в тёмном углу близ двери в дом, в пределах досягаемости рукой ружья. Все окна были закрыты крепкими ставнями, заперты штитами изнутри дома. Проникнуть в него можно было только через вход с закрытой застеклённой веранды, который был взят Сергеем под контроль. Вроде бы, всё было в порядке. Может, он вообще зря сегодня беспокоится? Вряд ли убийцы найдут их здесь так быстро, скорее всего, залегли где-то после содеянного в Погостище... Глаза стали предательски смежаться.

Кажется, на улице раздался какой-то звук? Не то ветер зацепил веткой по оконному стеклу веранды, не то камушек хрустнул на дорожке, под чьей-то осторожной ногой... Сергей открыл начавшие слипаться глаза, встряхнул головой. Кажется, померещилось... Нет! Вновь какой-то шорох, прямо за дверью веранды! Сергей протянул руку, бесшумно приподнял ружьё от пола, взял его наизготовку. Снова тишина. Глаза опять начинают закрываться, сдвоенные стволы ружья стали клониться к полу...

Очевидно, он всё же отключился на мгновение, потому что момент, когда уличная дверь резким ударом снаружи была выбита, он упустил. Открыв глаза от звука грохнувшей двери, Сергей увидел в метре от себя направленный на него ствол пистолета впрыгнувшего в дверной проём прыжком пантеры Якуба. На какую-то тысячную долю секунды их взгляды встретились, и Сергей включившимся во вневременной режим сознанием отметил, какой звериной ненавистью светились из глубины орбит зрачки убийцы. В падении он вскинул ствол ружья и выстрелил, практически в упор, в нависший над ним чёрный силуэт. Крик боли и бессильной злобы прорезал ночную тишину. Заряд картечи из девяти свинцовых пуль, почти сантиметровой диаметра, отбросив нападавшего в выбитый им же самим дверной проём, разорвал его грудную клетку, поразил сердце и навсегда перечеркнул пролегли по чужим прерванным жизням кровавый путь бандита.

Грохот выстрела разбудил Дашу.

— Серёжа! — в ужасе крикнула она.

— Я жив! Всё хорошо! — в полголоса ответил ей Серёга. — Быстро ложись на пол, к стене за диван и лежи так, пока я не скажу!

— Да! Хорошо! — испуганно пробормотала она, выполняя его указания. — Ты точно жив, тебя не ранили?

— Жив! Тише! — он прислушался.

Кроме стихающих конвульсий бьющегося в агонии убийцы, не было слышно ничего. Сергей выждал паузу, затем, тихонько повернувшись на другой бок, стал осторожно открывать замок ружья, чтобы заменить в правом стволе стреляную гильзу на новый патрон. Блеснувший в лунном свете за кустами оптический прицел он заметил поздно. Сухой щелчок выстрела сквозь «тишину» — глушитель — короткой снайперской винтовки слился для Сергея с ударом в грудь, хряском пробитого ребра и внезапно вспыхнувшим огнём в груди. Ещё один выстрел, и пуля, пробившая мягкие ткани живота, вышла наружу где-то из спины. Сознание Сергея стало отплывать.

— Господи! — последним усилием воли выкрикнул, почти вслух, Сергей. — Спаси девочку...

Голова его стукнулась, упав на пол, раскрытое, так и не перезаряженное ружьё вывалилось из его рук, Сергей затих.

Зашуршала щебёнка на дорожке к веранде, и большая крепкая фигура латыша спокойным шагом, не таясь, приблизилась к выбитой входной двери. Перешагнув через труп Якуба, Эдгарс поднялся по ступенькам веранды и остановился над неподвижным телом Сергея.

— Хорошая работа! — с улыбкой произнёс он, глядя на простреленного им сецназовца. — Теперь «контроль»!

Он не спеша поднял ствол своего оружия, направляя его на освещённый лунным лучом висок Сергея.

— Бах! — громыкнуло из открытой двери в дом.

Латыш, не ожидавший ничего подобного, вздрогнул от попавшей ему в бок тупой макаровской пули, он удивлённо поднял глаза на поразивший его тёмный дверной проём.

— Бах! Бах! — Не смей стрелять в моего Серёжу!!! — раздался из проёма срывающийся на фальцет девичий крик. — Бах! Бах! Бах! Не смей убивать моего Серёжу!!! Бах! Бах!

Пять пуль из восьми, выпущенных девушкой из оставленного Сергеем на столе пистолета, прошли тело латыша, так и не успевшего понять — как это он, прошедший столько тяжелейших боёв, такой опытный профессионал — «солдат удачи» — и вдруг — застрелен с трёх шагов какой-то не замеченной им, визжащей от ужаса девчонкой?

Звук падения на пол веранды выпавшего из Дашиной руки опустошённого пистолета совпал с тяжёлым грохотом падения об тот же пол холёного, большого, тренированного тела теперь уже бывшего наёмного убийцы, с непривычным для России именем — Эдгарс.

Девушка метнулась к Сергею, схватила его туловище с неожиданной силой, оттащила от угла, припала ухом к груди. — Сердце слабо, прерывисто билось!

— Миленький! Миленький Серёженька! — вполголоса запричитала она. — Серёженька, не умирай! Не умирай, Серёженька, не умирай!!! — забилась она в крике, тряся безжизненную голову Сергея, целуя её, глядя лихорадочно по слипшимся от крови волосам. — Серёжа, мой Серёженька! Колечко! Ты мне колечко обещал, Серёжа! Ты должен жить!!! Ты мне колечко обещал! И платье, платье белое, Серёжа! Серёжа! Ты не можешь умереть, нельзя, Серёженька, нельзя! Не умирай!!! Мы будем венчаться в церкви, Серёжа! Обязательно будем! Нас батюшка Флавиан будет венчать, Серёжа! Только ты не умирай, Серёжа, не бросай меня!!! Ты обещал,

ты обещал, Серёжа! Ты обещал меня никому не отдавать! Серёжа! Не умирай!!! Нет!!! Нет!!! — она упала на истекающую кровью, пробитую пулями грудь Сергея и забилась в рыданиях.

— Аллаху Акбар! — раздался хищный каркающий возглас в выбитых дверях веранды. Уродливая тень Магомеда с блеснувшим лезвием кривого арабского клинка возникла позади бьющейся в плаче девушки.

Она не услышала этого возгласа. Она не услышала и внезапно возникший шум короткой борьбы у неё за спиной, сдавленный крик бешенства, переходящий в хрип агонии. Она только почувствовала, как сильные уверенные руки, на одной из которых почему-то было меньше пальцев, чем на другой, осторожно поднимают её, отрывая от неподвижного тела её возлюбленного, тихонько усаживают, прислоняя к стене.

— Тише, девочка, тише, не бойся! — голос был спокойным, тёплым, каким-то успокаивающе надёжным, словно это был голос самого Сергея. — Меня зовут Юрой! Всё кончилось, он жив, врачи уже едут сюда! Я знаю, что тебя зовут Дашей, ведь так?

— Так! — плохо соображая, что происходит, пробормотала сквозь текущие в рот по щекам ручьями слёзы. — Я Даша...

— Кукарача! Ты? — Сергей удивлённо смотрел на протянувшего ему руку друга. — А как...

— Командир! Братишка! — подняв за руку с пола очумелого от неожиданности Серёгу, Витюха обнял его. — Как я рад тебе!

— Но подожди! Я же... — освобождаясь из его объятий, бормотал Сергей. — Я же тебя убил!

— Чухня, братишка! Смерти нет! Нет смерти, командир! — Витюха, держа на вытянутых руках за плечи ничего не соображающего Сергея, улыбался счастливой детской широченной улыбкой. — Нет смерти никакой! Есть только дверь сюда!

— Сюда? Куда сюда? Я где? Что происходит, Витя? — Сергей оглядывался вокруг, пытаясь разглядеть хоть что-нибудь во всё заливавшем вокруг свете. — Я где?

— Ты Дома, командир! Серёга, я так рад тебе! — Кукарача взял его за локоть. — Пошли, там ждут тебя такие люди, командир! Ты даже не представляешь, кто здесь есть! А наших сколько: Фёдор, Гриша, Руслан и все другие ребята! Пойдём скорее!

— Подожди! — раздался сбоку удивительно знакомый голос. — Оставь его, Виктор! Сергей!

Серёга повернулся к говорившему.

— Отец Виталий, батюшка! И вы!

— И я здесь, офицер! — сияющий непередаваемым светом священник, с солнечного цвета крестом на неземной красоты одежде, смотрел на Серёгу ласково и понимающе. — Тебе ещё не время! Меня послали передать, чтобы ты возвращался к девочке своей! Ты ей нужен! И многим ещё нужен там! Потом увидимся, иди, до встречи!

— До встречи, командир!

— До... — сильный удар встряс всё тело Сергея, подбросив его на операционном столе.

— Ещё разряд! Вернулся!

ГЛАВА 28. ВМЕСТО ЭПИЛОГА

— Всё, Дашенька! Всё, я ненадолго!

— Миша! Я прошу тебя, пожалуйста, Серёжа ещё такой слабый! Доктор говорит, что ему нужен абсолютный покой и позитив!

— Так я и принёс ему позитиву целый чемодан!

— Миша! Идём вместе! Я буду рядом и, если увижу, что он переутомился, я тебя тихонечко пну по ноге, хорошо?

— Хорошо-хорошо! Пинайся на здоровье, сколько влезет! Мы в зале на тренировках знаешь, как пинаемся! Молчу, молчу!

— Миха, здорово! — голос Серёги был слаб, но бодр. — Ну что там, уголовное дело на меня закрыли?

— Серёжа! Его закрыли сразу же, как и открыли, ровно через три минуты! Просто по закону положена процедура такая: любой огнестрел — уголовное дело! Видишь ли, из шести человек, которых ты завалил, четверо были в федеральном розыске за особо тяжкие, а один из них — даже в базе Интерпола!

— Латыш?

— Латыш.

— Так его же...

— Чего мудрить, братишка, в этой свалке — разбери пойми! Не впутывать же сюда девочку... — Миха опасливо взглянул на строго бдящую их общение Дашу, в белом медсестринском халате сидящую на стуле чуть поодаль от друзей. — А иорданец вообще сам на свой нож накололся по неосторожности! Свидетель, Юрий, забыл его фамилию, так и показал, что в тот момент, когда он подходил к крыльцу, увидел, как этот иностранец махал ножом и что-то там кричал, потом споткнулся об один из трупов и прямо на ножик свой упал! Так и записали...

— Понятно! — улыбнулся Сергей.

— Кстати, тот Юра из наших, из «вованов», «крапаль»! Ветеран Первой чеченской...

— Понятно! — ещё раз улыбнулся Серёга!

— Даша! Видишь, он улыбается! — Миха повернул довольное лицо к девушке. — Я же говорил, что я с позитивом! Докладываю дальше! Заказчик ваш, Мурад Ахметович Гаджиев, попал в некрасивую историю вместе с одним из наших оборотней в погонах, полковником Хрюновым, Анатолием Михайловичем. Их приняла ФСБ-шники с поличным на складе у Гаджиева, при разгрузке и оприходовании шестисот килограммов героина, привезённого из Турции на фурах гаджиевского покойного компаньона Джабраила Ибрагимова.

— Покойного?

— Да, его расстреляли из калаша у ворот собственного особняка на Новой Риге в ночь, когда тебя, — Миха показал пальцем на повязки на груди Сергея, — чуть— чуть поцарапало.

Полрожка засадили, сам понимаешь — без вариантов!

— Тут ещё одна беда на наше РУВД, — вздохнул Миха. — Классный специалист, сыскарь номер один в районе, помер! От передоза... Фамилия — Шнурков, ну, тебе это ни о чём не говорит!

— Слушай, Миха! Колись, ты как в курсе всех этих дел оказался? Это же всё по разным ведомствам!

— Ты не внимателен, спецназ, а ещё ГРУ-шник! Я же говорил тебе об этом ещё в прошлом твоём госпитале, что-то ты по ним зачастил, братишка! Дядя моей жены...

— Ну да, «в больших погонах»! Каких?

— Ты знаешь, я обещал ему об этом не трезвонить... А с хозяином тех уродов, что за тобой гонялись, мне пришлось иметь дело самому! Брала его с боем на подмосковной даче всей моей командой, даже с соседнего СОБРа бойцов признаться пришлось. Четыре гада шесть часов держали оборону в той даче, пятерых наших ребят ранили, двух серьёзно! Зато, когда их трупы опознавали, у многих служб был праздник — такие птички знатные попались! Все как один ещё дудаевские «соколы», кровизи на них немерено! Было...

— Миша! Можно тебя... — взгляд Даши был суров.

— Пинай, Дашуня, свет Серёгиных очей, пинай! — Миха с трагическим лицом выставил ногу в сторону девушки. — За друга не жалко!

— Ну, Миша... — уже просто укоризненно взглянула на него Даша.

— Всё! Всё, сестрёнка! Сейчас уже убегаю! — Миха показал на коробку, поставленную им при входе. — Там кое-что из заготовок моей супружницы, из погреба в том доме, где вы так намусорили: ужас, сколько отмывать после вас пришлось! Ну, это ладно! А это что за железяка?

Миха взял в руки маленький зазубренный кусочек железа, лежавший рядом с двумя помятыми пулями от ВСК на прикроватной тумбочке Сергея.

— Миша! — опережая Серёгу, радостно заговорила Даша. — Представляешь, это тот самый осколок от гранаты, который был в спине у Серёжи и который нельзя было оперировать! Когда хирурги пули из Серёжи доставали, осколок оказался в... сейчас, как это правильно... в раневом канале одной из пуль! Она его зацепила и с опасного места в свой этот канал протащила! Доктор сказал, что это чудо!

— Да ладно, чудо! — Миха махнул рукой. — Жена сказала, что во время операции за Серёгу весь их приход молился, во главе с батюшкой Флавианом, и на Афоне монахи, и ещё где-то в Греции! Какое же это чудо, когда столько народу молилось? Это — норма! Вас, кстати, батюшка ждёт к себе венчаться, так он сам сказал! Как только наша спецура оклемается, — он хитро подмигнул Сергею. — Слышь, братишка! Кажется, ты попался! Батюшка Флавиан слов на ветер не бросает!

— Что же делать? — Серёга взглянул на девушку. — Ты, кстати, каталог белых платьев заказала по Интернету, как я тебя просил?

— Вот пока моё белое платье! — Даша потрясла полый медицинского халата. — А если ты не будешь беречь силы...

— Всё, ухожу! — Миха пожал Серёгину слабую руку. — Дарья! Дай и тебе пожму, боец! Первый раз в жизни стрелять из «Макара», и из восьми — пять попаданий! Сильна! — респект и уважуха! Если будущий муж отпустит, возьму тебя в свою группу захвата! Шучу, шучу!

Миха направился к двери. Дверь сама открылась ему навстречу, в неё вошла медсестра.

— Больной Русаков! К вам там какой-то Фабиан приехал, игумен...

— Флавиан! — в один голос воскликнули Сергей и Даша.

— Хорошо, пусть Флавиан! Так к вам кого первым впускать: его или вашу бабушку Полю?

— Обоих!

С. Новосергиево. 14 октября 2011 г. 23:11.

Святая Гора Афон. Русский Свято-Пантелеимонов монастырь. 28 октября 2011 г. 21:07 (время византийское).